

Проф. С. В. БАХРУШИН

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ
В XVI и XVII вв.**

**МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1928**

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

Проф. С. В. БАХРУШИН

Александров, Л. Прошлое Нескучного сада. Историческая справка	— 45 к.
Аристофан. Лизистрата. Комедия. Перевод со статьей и примечаниями А. Пиотровского	1 р. —
Аристофан. Всадники. Комедия. Перевод со статьей и примечаниями А. Пиотровского	1 р. 30 к.
Бальмонт, К. Солнечная пряжа. Избранные стихотворения за 1890— 1918 гг. с портретом	— 50 к.
Боровой, С. Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России.—Политика. Идеология. Хозяйство. Быт.	2 р. — к.
Вебер, М. Аграрная история древнего мира. Перев. проф. Д. Петру- шевского с приложением статьи проф. С. Ростовцева „Римский Колонат“	2 р. 25 к.
Голубкина, А. Несколько слов о ремесле скульптора	— 60 к.
Дармстетер. Происхождение персидской поэзии	1 р. —
Долгорукий, И. Изборник стихов 1750—1825 гг. Журнал путеше- ствия из Москвы в Нижний в 1813 г.	1 р. —
Еврипид. Драмы. Ифигения Авлидская. Ифигения Таврическая. Ион. Киклоп. Перевод Иннокентия Анненского с комментариями Ф. Зелинского	8 р. —
Захаров, А. Эгейский мир в свете новейших исследований, с иллю- страциями	1 р. 50 к.
Зелинский, Ф. Античный мир. Эпосада, три выпуска по	— 30 к.
Корнилов. Курс истории России XIX века, три части по	1 р. 50 к.
Леонов, Д. Деревянная королева. Рассказы с гравюрами А. Кравченко	— 80 к.
Леонов, Л. Пегушихинский пролом. Рассказ	1 р. —
Леонов, Л. Туатагур. Рассказ	— 60 к.
Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Перев. И. Бунина	1 р. 20 к.
Любавский, М. История западных славян	1 р. 80 к.
Модзалевский, Б. Анна Петровна Керн	1 р. —
Низамий. Абумохамед. Семь красавиц. Рассказ индийской червны. С персидского	— 25 к.
Остроумов, Л. День жатвы. Роман	1 р. —
Поленова, Н. Абрамцево. Воспоминания. С рисунками	4 р. —
Руфь. Перевод с древне-еврейского А. Эфроса с гравюрами на дереве В. Фаворского.	2 р. 25 к.
Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. со статьей акад. М. Сперанского	— 50 к.
Сперанский, М. Н. История древне-русской литературы. Киевский период	2 р. —
Его же. История древне-русской литературы. Московский период	2 р. —
Толстой, Н. Охота на Кавказе. Рассказ	— 40 к.
Тураев, Б. академик. Египетская литература	2 р. —
Ферреро, Г. Величие и падение Рима. Перев. А. Захарова; т. IV. Республика Августа	1 р. 50 к.
То же. Т. V. Август и Великая Империя	3 р. 50 к.
Чаянов, А. И. Старая западная гравюра	2 р. 25 к.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ В XVI и XVII в. в.

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХ
1927

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сибирь, начиная с XVI века, привлекала предприимчивость и энергию русского народа. Сюда шла стихийная волна свободного переселения, сюда-же направлялась колонизация правительством путем искусственных мероприятий. Результатом этого двойного процесса являлось освоение русской народностью всей обширной территории к востоку от Урала до Тихого океана. Перед войною в Сибири русских уже считалось более 80% всех жителей, при чем главное зерно составляли великоруссы. Сибирь таким образом, говоря словами П. М. Головачева, «из всех окраин России является исключительно русской по преобладающему составу своего населения».

Это обстоятельство делает изучение истории колонизации Сибири особенно важным. Не приходится повторять слишком часто цитированной мысли Токвиля, что в колониях лучше всего познаются характерные черты метрополии. Эта мысль, справедливая по существу, заслуживает особенного внимания, когда дело идет о такой стране, как Россия, в которой, по определению В. О. Ключевского колонизация «была основным фактором истории».

Сибирь, однако, за последние десятилетия выросла из рамок простой колонии, зависящей экономически и административно от своей метрополии. Начиная с второй половины прошлого столетия, экономический рост Сибири, вызванный общим капиталистическим подъемом России, создает здесь новые условия, способствующие развитию хозяйственной независимости и в связи с этим культурного процветания края.

Одновременно отмечается стремление к созданию новых форм административного устройства, отвечающих происшедшим внутренним изменениям и успехам сибирского самосознания. После революции это стремление нашло себе осуществление в реорганизации Сибири на областных началах, обеспечивающих ей экономическую и культурную самостоятельность. С этого момента Сибирь начинает жить новой интенсивной жизнью, и на глазах у нас происходит неударзимый культурно-хозяйственный рост этой прекрасной «колонии».

Естественно, что новая фаза, в которую вошла Сибирь, должна была вызвать усиленный интерес к ее прошлому и способствовать интенсивному изучению тех явлений, которые привели к созданию новой Сибири. Этот интерес проявился в появлении «Очерка истории Сибири» В. Н. Огородникова, объединяющего результаты предшествующих работ в этой области, и специальных трудов по истории открытия и освоения Сибири, вроде монографий Л. С. Берга, и целого ряда этюдов краеведческого характера, как «Хакасы» Н. И. Козьмина, «История Якутии» Г. Попова, «Исторический очерк Енисейского края» В. А. Смирнова, «Очерки истории бурят-монгольского народа» М. Н. Богданова, Сборников Якутского Общества «Саха-Кесем» и др.

В пробуждении исторического интереса отразилось несомненно и национальное возрождение туземных народностей Сибири, в настоящее время призванных к участию в строительстве своей страны.

Этот интерес к истории Сибири и оправдывает появление в печати настоящей книги.

«Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в.в.», первый выпуск которых выходит в настоящее время в свет, не преследует цель представить законченное исследование по истории колонизации Сибири в течение указанных столетий. Их задача — дать лишь общую картину колонизационного процесса на основании далеко не полного архивного материала, как издаваемого, так и неизданного. В основе их лежат отдельные сообщения и доклады, которые делались одновременно в научных учреждениях и обществах, объединенные в настоящее издание общим планом. Такое происхождение «Очерков» отразилось на отсутствии в них единства формы и внешней цельности, но не нарушает, смею думать, общего построения.

Выпускаемый ныне первый выпуск является как бы «Введением» в историю колонизацию Сибири. В него вошли заметки историографического характера, сведения о путях в Сибирь и краткий исторический очерк продвижения русских за Урал. Отдельные отрывки из этой части «Очерков» появлялись предельно в печати или были предметом устных сообщений. Так, в главу о Сибирском летоисании включены основные выводы, изложенные в статье, помещенной в журнале «Исторические Известия» (М.) 1916 г., № 3—4: «Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова», а в приложении к ней изложение доклада, сделанного осенью 1926 г. в Секции Русской истории Научно-Исследовательского Института Истории на тему: «Исторические известия Витзена о Сибири». Глава: «Главные течения сибирской историографии с XVIII века» была в сокращенном переводе издана в журнале «Северная Азия» за 1926 г. (№ 1—2). Пути через Урал и с Оби на Енисей служили предметом

нескольких докладов автора в Академии Материальной Культуры. Наконец, глава, посвященная русскому продвижению за Урал, в основной своей части вошла в «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века» — палочатый во втором выпуске издания Комитета Севера при Русск. Географ. О-ве и Северной Колониз. Комиссии — «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири».

Перечисленные отделы в значительной степени переработаны и дополнены так, чтобы составить одно целое.

Дальнейшие выпуски задуманы по следующему плану.

1. Сибирские инородцы в XVI—XVII в.в.
2. Русская колонизация в XVI—XVII в.в.
 - а) Русские торги и промыслы в Сибири.
 - б) Военная оккупация.
 - в) Пашня.
 - г) Церковная колонизация.
 - д) Средства сообщения.
 - е) Общие итоги.
3. Управление и финансы Сибири в XVI—XVII в.в.

Настоящий выпуск Очерков начал печататься в 1923 году и печатается в перерывах в течение четырех лет. Это неизбежно должно было отразиться на его внешней форме и даже на содержании. Продолжая свою работу, я многое хотел бы в ней теперь изменить и написать иначе. Некоторые дополнения и поправки внесены в приложения.

В заключение считаю своим долгом, принести глубокую благодарность издательству М. и С. Сабашниковых, благодаря которому эта книга увидела свет.

С. Багрушин.

31 декабря 1926 г.

При ссылках на источники и пособия допущены следующие сокращения:

А. М. И. Д. — фонды б. Архива М-ва Иностранных Дел, ныне в Московском Дрелехранилище.

А. М. Ю. — фонды б. Архива М-ва Юстиции, там-же. Сиб. прик. — дела Сибирского приказа, хранящиеся в Московском Дрелехранилище (фонды б. Архива М-ва Юстиции).

Прик. д. ст. лет — Приказные дела старых лет, там-же (фонды б. Архива М-ва Иностранных Дел).

А. И. — Акты исторические.

Д. А. И. — Дополнения к Актам Историческим.

А. А. Э. — Акты Археологической Экспедиции.

П. С. Р. Л. — Полное Собрание Русских Летописей.

Р. И. В. — Русская Историческая Библиотека.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

ВОПРОС О РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

I.

СИБИРСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ.

А. Летописи, восходящие к общему первоисточнику. Повесть Киприан и составленный им Синодик. Вопрос о взаимном отношении Синодика и Есиновской и Строгановской летописей. Научные и литературные приемы Строгановской и Есиновской летописей. «Написание». Ремезовская летопись и ее источники. Сибирская хронология.

Б. Летописи, не восходящие к «Написанию»: Кузгурская летопись и ее источники; повесть, вошедшая в «Описание Сибирского государства».

В. Летописные своды конца XVII и XVIII стол.

Сибирь с ее неисчислимыми естественными богатствами, с ее дикой и своеобразной природой, уже при первом знакомстве с нею, произвела на русского человека, проникшего за Урал, сильное и глубокое впечатление. Уже Уральские горы, — «камень превысочайший зело, яко досязати иным холмам до облак небесных», — эта естественная граница между Русью и Сибирскою землею, установленная «Божими судьбами, яко стена граду утверждена», поражали его бедное воображение, привыкшее к однообразному ландшафту равнины. «На сем-же камени растяху деревне различное: кедри и пелга и прочая; в них же жителство имеют зверие различни, ови подобни на снедение человекам, ови же на украшение и на одяние ряз... Много же и сладкопесенные птицы, паче же и многообразные травные цветы. Из сего же камени реки многие истекша... Дивно убо есть, како божими судьбами реки тамо бысть, ... пространные и прекрасные зело, в них же воды сладчайшие и рыбы различные множество; на исходящих же сих рек дебрь плодovitая на жатву и скотопитательные места, пространна зело»¹⁾. В таких восторженных выраженьях описывает книжник XVII века природные богатства Зауральского края. Непосредственно и со свойственною ему яркостью выразил ощущения, испытываемые русским человеком от подавляющего величия сибирской природы, протопоп Аввакум: «Горы высоки, дебри непроходимы, утес каменный, яко стена стоит, и поглядеть, заломля голову!» И его поражало обилие природных благ: «звери многие» — «в очю нашу, а взять нельзя», «многое множество птиц», которые, «яко снег», осыпают поверхность Байкала, «а рыбы зело густо», и такой жирной, что «нельзя на сковороде жарити, жир все будет», «и травы красные и благоуханные зело». «А все то у

¹⁾ Сибирские летописи. Изд. Археогр. Комиссии, стр. 109—110.

Христа света наделано для человека», восклицает он: «чтобы успокоился, хвалу (огу воздала)»¹⁾.

Сибирь, сделавшись достоянием русской народности, не могла не привлечь к себе извешней любви, и очень рано явилось желание узнать, как и при каких обстоятельствах проникли русские в эту землю обоготавшую и подчинили дери и горы воздействию русской христианской культуры: «солнце святильское землю Сибирскую озия, исаломский гром огласи, наплече же во многих-же местах поставилна грады и святые божии церкви созданых... и мнози исповниш, уведешн христианскую веру, крестившися во имя отца и сына и св. духа, и от поверия быша верни, и нововеду благодать излели божию в Сибиретой земле»²⁾...

Этот интерес к истории первых шагов русской колонизации в Сибирь нашел себе официальное выражение тотчас по основании Сибирской архиепископии в 1621 году. В сан первого архиепископа был возведен архимандрит Новгородского Хутынского монастыря Киприан. Вновь назначенный иерарх выдвинулся в смуту при спешных с известком правительством: ведя переговоры об избрании на царство Карла-Филиппа, он под рукой работал в пользу воссоединения Новгорода с Московским государством, под епископом Михаила. После Столбовского мира он сделал головокругительную карьеру; понижая, его деятельность в Новгороде, навлекшая на него даже гонения со стороны шведских властей, была оценена новым правительством. В 1630 году он был назначен на вновь созданную архиепископскую кафедру в Тобольске; пробыв в Сибирь 2½ года, он, по возвращении в Москву, был возведен в сан митрополита Крутицкого, а затем и митрополита Новгородского. Это был властный и умный человек, уже в качестве игумена Хутынского монастыря сумевший залечь выдающиеся положения и держаться с достоинством и непреклонностью. Как люди, прошедшие тяжелую жизненную школу и достигшие высокого знания после многих испытаний, он был самодеицей, высокомерно горд и надменен и любил окружать свой сан величием и блеском. Он принадлежал к числу тех высокоумных клириков, которые мыслили церковь выше светской власти и из среды которых вышел великий Никон. В бытность митрополитом новгородским, он присвоил себе титул «государя»; его «домовые люди» и друзья из посадских «во великой рещи, где думается митрополита называть, и его называют: государь митрополит»; его стряпчие при официальных сповеннях с Свешей избой титуловали его тем же титулом. Соответственно своим высоким представлениям о себе митрополита, он создал себе пышный двор

на подобие царского, окружив себя церемоншатам, скопированным с придворного, проявлял во всем «гордость, чего при прежних митрополитах не бывало». Он устраивал торжественные приемы лицам, принадлежавшим к новгородской администрации, на которых благостовлял их «с сказкою», а де «рядным, обычай». При въездах в город и в монастыри к церковным службам, он ездил летом в санях; во время крестных ходов и церковных действий, над ним держали «солнечник, шпаш золотом, разными красками», и при шествии возил впереди за ним его сани. На богослужениях он стоял «с большой гордостью»: в соборную церковь его водили под руки два старца, во время службы его держали под руки по два диакона, вечером и заутреню он слушал, сидя на своем месте. При сповеннях с государем Киприан держался, почти как равный; шпаш целовитные «в городостидже не от своего имени, а от имени своего странцею. Энергично защищал он неприкосновенность церковных владений, и когда дело шло о софийских вотчинах, то, по словам его вратов, «митрополит государевых указов не слушает, а в свои вотчины ш для каких государевых дел посылать не велит». Властный владея так же мало считался и с патриаршими грамотами. Считая себя знатоком церковного устава, он пренебрежительно относился к вчерашнему светскому цезарю, патриарху Филарету. «Прислана-де ко мне грамота, говорил он, не стесняясь, полученный им из Москвы патриарший указ: «велено постытья неделю, и в той-де грамоте правно ко мне, что к которому игумену можно; было написать ко мне не так, складные того; я-де сам соборный и келейный чин знаю, старее всех, как постытья». Угодая у себя в келье повсуду кн. Ю. Л. Сулешева и одного из дьяков, он говорил еще резче: «ниште-де ко мне патриарх в грамоте о посто, а наравно-де, не знаячи, неведемо что?»

Властный знаток «соборного и келейного чина», Киприан, понав в Сибирь, захотел окружить свое «еяительство» соответствующим блеском. Новая епархия на дальной и дикой украине представляла из себя в момент приезда вновь назначенного владыи духовную пустыню, и его нетерпеливому тщеславию открывалось широкое поле деятельности. В Сибирь он столкнулся с глубокой нравственной распуцственностью, выросшей на почве ненормальных условий, «созданных колонизацией. Широко ношная обязанность «доброто пастыря», он энергично принялся искоренять в своей епархии наблюдавшиеся там беспорядки: «слабость многую в беззаконных жещитьбах и в других многих духовных делах исправити утвердил». Его деятельность в этом направлении встретила, конечно, противодействие, и он «от многих пенескусных людей многую молву, митеж и те-

¹⁾ Житие прот. Анакима. Изд. Археогр. Ком., стр. 21—22, 42.

²⁾ Сиб. летопись, стр. 161.

²⁾ Вердолов. О невзрачных и невзрачных речах новгор. митр. Кириана. Чт. О-ва Ист. и Др. 1896, I).

сноту тервел». На этой почве у него происходили столкновения не только с местным служилым людом, но и с представителями администрации. «В сибирских городах», писали по этому поводу из Москвы: «служилые и всяких чинов люди в духовных делах архиепископа и десятильников слушать и под суд к нему ходит не хотят, научают друг друга на архиепископа шуметь, и вы, воеводы, в том им потакаете»¹⁾. Крутой архиепископ, уверенный в поддержке Москвы, не остановился перед непосредственной жалобой на тобольского воеводу Матв. Мих. Годунова и добился присылки сынака²⁾.

Своему архиепископскому престолу Кирипан естественно стремился создать достойную внешнюю обстановку. Ему пришлось основать собор в Тобольске, названного в честь патронального храма его родного Новгорода—Софии премудрости Божией, и устройство целого ряда монастырей в различных сибирских городах. С обычной энергией принялся он далее за обеспечение «дома св. Софии» земельными угодьями и крестьянами. Он неустанно ходатайствовал перед правительством об отводе сенных покосов и пахатных земель и встречал всегда благосклонное отношение со стороны государя. Так образовались обширные вотчины св. Софии—в Тобольском у. на р. Курдюмке, в Тюменском на р. Нице, где ему принадлежало 700 дес., на р. Тавде и т. д. Расчетливый хозяин, он таким образом, по словам Будникова, оставил своему преемнику «огромное количество земли»³⁾.

Обеспечив архиепископскою материально, Кирипан захотел придать ей также духовный блеск. Для новой кафедры нужны были святники, которые бы поставили ее наравне с старыми кафедрами в их соизмаче местных угодников. Этим и объясняется то, что во второе лето своего святительства Кирипан «вспомог» атаману Ермака с дружиною, думая в лице знаменитого покорителя Сибири найти подходящего патрона для своей епархии. Владыка, как гласит составленный им Синодик⁴⁾, «повеле распространить ермаковских казаков, како они придоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и кого где убили погани в драке». «Казаки же принесона к нему *написание*, како придоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были и где казаков и како у них именем убили». На основании этих сведений «добрых пастырь» повелед «убитых имена написать к церкви Софии Премудрости Божия в соборный синодик» и приказал в неделю православия «кликати» им «с причини пострадавшим за православие

вечную память». Цель, которая преследовалась этим актом, совершенно ясна: окружая Ермака и его дружину ореолом мужественства за православную веру, тобольский архиепископ не решался своею властью канонизировать этих сомнительных святых, устанавливал торжественное поминовение их в неделю православия, как признание церковью их заслуг перед христианством⁵⁾.

Синодик, составленный по этому случаю и сохранившийся в позднейших летописных сводах Сибири⁶⁾, выходит, однако, за пределы тех узких задач, которые обыкновенно ставились подобного рода записям. Синодик Тобольского Собора представляет из себя литературное произведение *не без претензий на красоту формы* и на занимательность содержания. Он начинается высокопарным введением, дающим общую характеристику божьего избранника Ермака, и в дальнейшем сообщает довольно подробные сведения о тех битвах, в которых отдельные участники похода сложили свои головы.

Таким образом, получается схематический очерк главных моментов похода, заключающийся рассказом о смерти самого Ермака. Составление синодика на основании показаний современников со времен Миллера упростило за Кирипаном славу первого историка Сибири, положившего «первое основание к сочинению... летописей»⁷⁾.

Установление Сибирским архиепископом чина поминовения казаков имело лишь местное значение, и только 16 февраля 1836 года, по ходатайству пр. Нектария, «прославившего» Ермака и его казаков было утверждено центральной властью в лице царя, патриарха и освященного собора⁸⁾. В связи, очевидно с этим первостепенным моментом в жизни Сибирской церкви— в том же 1836 году явилось на свет новое литературное произведение, посвященное памяти Ермака и истории завоевания Сибири: «О Сибири и о Сибирском ваянии»⁹⁾, написанное в 1836 г. архиепископским иодьячим Сагвою Еспновым и известное в науке под названием *Еспновской летописи*.

Наконец, к первой половине XVII века надо, повидимому, отнести составленную неизвестным автором повесть «О ваянии Сибирския земли». Повесть эту со времени Карамзина принято называть *Строгановской летописью*, так как автор ее, несо-

¹⁾ Соловьев. Ист. России. Изд. «Общ. Польза», т. II, 1365. А. И. П. № 113.
²⁾ Др. Рос. Евл. изд. 1788. III, 129.
³⁾ Будников. Заселение Сибири, стр. 107, 122—124. Ежемесячн. Сочинения 1564 г., кав. 400—410, 415—418.
⁴⁾ Сиб. лет., 162—164.

⁵⁾ Сиб. лет., 163—164. Гюллин в своем Дневнике описывает поминовение Ермака и казаков в Тобольском соборе в неделю православия. (Johann Georg Guelin's R. ise durch Sibirien, 1751, I, 136).
⁶⁾ Синодик вошел целиком в Еспновскую летопись. (Сиб. лет., 164—168 и 236—238 с некоторыми сокращениями).
⁷⁾ Покарский А. История Имп. Академии Наук, т. II, стр. 355.
⁸⁾ Сиб. лето., 353.
⁹⁾ Так оно заглавлено в Сибирском списке. Сам автор называет свое произведение летописью и дает ему следующее заглавие: «Сибирское царство и княжение и о ваянии» (Сиб. лет., 169).

мнешно был человеком близким к семье Строгановых, пользовался документами, почерпнутыми из их архива и имел целью местелью изобразить подвиги Ермака, сколько представляли участие Строгановых в деле открытия и завоевания Сибири.

Таким образом, от первой половины XVII века до нас дошли три исторических сочинения, посвященных завоеванию Сибири, каждое из которых преследовало свои особые задачи и по форме представляло из себя нечто самостоятельное. Несмотря на указанное различие в происхождении этих трех памятников—сравнение их между собою показывает чрезвычайно близкое сходство параллельных мест, времена дословное. Тесная связь между всеми тремя настолько очевидна, что рано дала повод подозревать прямое заимствование. Вопрос о зависимости Строгановской летописи от Есиповской или обратно и об их отношении к Синодiku имеет за собою большую литературу¹⁾. Карамзин и за ним Соловьев отстаивали взгляд, высказанный издателем Строгановской летописи Спасским—о большей древности этой летописи, которую они относили ко времени не позднее царствования Бориса Годунова и считали первоисточником, впоследствии использованным и переделанным по своему Есиповым²⁾. Противоположный взгляд о большей древности и достоверности Есиповской летописи, послужившей источником для Строгановской, защищал Небольсин.

За последнее время наибольшим признанием пользуется взгляд С. А. Адрианова, который можно свести к следующему. Первоисточником Сибирского летописания является Синодик Иереев. Кириана; это и есть то краткое «списание», на которое своей летописи ссылается Есипов, как за своей основной источник; никакой другой более ранней летописи не существовало. Строгановская летопись не только не может считаться источником Есиповской, но, наоборот, сама воспользовалась этой последней, внося в нее ряд вставок в целях возвышения семейства Строгановых. Таким образом, ход Сибирского летописания представляется ему в таком виде: до 1622 года полное отсутствие письменных свидетельств о походе Ермака, в этом приблизительно году имела место первая запись рассказов казаков, делавших в основание Синодика; в 1636 году Савва Есипов составил свой монументальный труд об Ермаке, положив в основу его Синодик Кириана, а позднее какой-то благодетель Строгановых путем переработки Есиповской летописи составил новую летопись, известную под названием Строгановской. Адрианов первый

применил по отношению к Сибирским летописям строго научные приемы критики текста, и выводы его, построенные на параллельном сравнении Синодика и обеих летописей, имели очень серьезное значение. Слабой стороной его исследования являлось отсутствие у него полного научного издания летописей, благодаря чему ему приходилось оперировать с не всегда удовлетворительными текстами. Это обстоятельство, не зависевшее от автора, несколько не умаляет высоких научных качеств его работы³⁾. Со времени напечатания статьи Адрианова в 1893 г.—его точка зрения является, поэтому, наиболее признанной в научной литературе, и с именем пр. Кириана до сих пор связывается «начало сибирского летописания»⁴⁾.

Появление в 1907 г. нового и притом прекрасно исполненного издания «Сибирских летописей», произведенного Археологической Комиссией, позволяет в настоящее время пересмотреть весь вопрос в целом.

Параллельное сравнение Синодика с соответствующими местами из двух летописей не оставляет сомнений в тождестве основного текста всех трех памятников и вместе с тем позволяет нам вскрыть любопытную картину литературного творчества лица, составившего Синодик. Оно, однако, не подтверждает мнения, будто летопись воспользовались Синодиком, распространив и дополнив его. Наоборот, сравнение показывает, что в Синодик есть неудачные сокращения общего текста и невязки, которых нет в летописях. Так, в рассказе о походе Карачи к Ермаку фраза: «Ермак, по совету своего товариства, повѣриша их нечестивому и безвѣрному шертозаво, отлустиша» грамматически неправильна, и в ней к подлежащему в единственном числе очень нескладно присоединены два сказуемых в множественном. Наоборот, и в Есиповской, и в Строгановской летописях построены фразы совершенно правильно: «Ермак же с товарищи посовѣтова, и повѣриша... отлустиша», «Ермак же з дружиною повѣриша». Сокращения текста особенно очевидно в описании смерти Ермака. Здесь Синодик опускает существенные подробности без которых утрачивается последовательность рассказа; например, он говорит про то, что Ермак «бухарие не обрете» и был вынужден вернуться обратно, проигнорировав сообщение об обратном пути от Атбаша до переконя, благодаря чему почевка на шерюном является неосциданностью.

¹⁾ Адрианов. К вопросу о почернении Сибири. (Журн. М. Нар. Просв. 1893, № 4).

²⁾ Иконников. Опыт русской историографии, т. II, часть 2-я, стр. 1291—1292. Ввиду точности зрения Адрианова, «средневекового», что Есиповская летопись не составлена на Есиповской, а, наоборот, ей предшествовала и послужила ей источником, совсем недавно высказал акад. С. Ф. Платонов. («Исторические заметки» в Сборнике и честь Любавского).

³⁾ Библиография вопроса см. у Иконникова, Опыт русской историографии т. I, кн. 2, 1291—1307.

⁴⁾ Позднее, этот взгляд с особенной подробностью обосновывала автор «Персиской Старины» Дмитриев.

Синодик.
(Сиб. летопись, стр. 168).

...приидоша вѣстници къ Ермаку с товарищи отъ бухарцовъ торговыхъ людей, что ихъ царь Кучюмъ не пропуститъ, и Ермакъ на стрѣчу бухарцовъ поиде и доидоша до рѣки Вагаля и обначеваша на перекони и т. д.

Есиповск. летопись.
(Сиб. лет., стр. 147—148).

Приидоша отъ бухарцовъ торговыхъ людей вѣстници в Сибирь къ Ермаку с товарищи и повѣдаша имъ, яко царь Кучюмъ не пропуститъ в Сибирь. Ермакъ-же не со многими воинскими людьми поиде на стрѣчу ихъ поганыхъ по рекѣ Иртышу въ стругахъ; дошедше до рѣки Вагаля, бухарцовъ не обрете и нахи шедъ по Вагаю вверхъ до мѣста, иже зовомо Амбань, и не обрете, и отъ того возвратися. Пришедши-же ноци, казаки-же утрудившеся отъ многого пути, доидоша-же до перекони, ту обначевашася и т. д.

Строгановск. летопись.
(Сиб. лет., стр. 37).

...приидоша вѣстници отъ бухарцовъ торговыхъ людей атаманомъ и казакомъ къ Ермаку с дружиною и сказаша, что ихъ царь Кучюмъ не пропуститъ. И Ермакъ-же не со многими людьми поиде на встрѣчу по рѣкѣ Иртышу и, пришедъ на Вагай, бухарцовъ не обрете, и доидоша до мѣста, зовомого Амбань, и оттоле возвратишася; уже бо дни прешедшу и ноцный тмъ нашедши, казаки-же зело утрудившася отъ многого пути, и дошедше до перекони, и обначевашеся ту и т. д.

Для уяснения взаимного отношения Синодика и летописей, особенно любопытно высокопарное предисловие, которого нет в Строгановской летописи, но которое мы находим как в синодике, так и в Есиповской летописи.

Синодик.
(стр. 164—166).

...избра богъ и посла не отъ славныхъ мужь, ни царска повелѣния воеводъ очистити мѣсто и побѣдити бусорманскаго царя Кучюма и разорити богомерская ихъ печестивая капища, но и еще быша вогнежденъ звѣремъ и водворенъ сириномъ, но на тѣхъ мѣстѣхъ поставишася грады, и воздвигошася святыя божия церкви и приближише православнымъ христианомъ, со славословиемъ отцу и сыну и святому духу, но отъ простыхъ людей избра богъ и вооружил славою и ратоборствомъ и волностию атамана Ермака Тимофѣева сына Поволскаго и со единомыслиемъ и предобрю дружиною храбравшею, забыша свѣта сего всю честь и славу и влостскую сладость и смерть и животъ предлагаша и воспримше цитъ истинныя вѣры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость свою предъ нечестивыми, и вси глаголюще: «достоини умерети за истинную вѣру пострадати и благочестивому царю послужити». И всю надежду свою на господя твердо положили, яко не отъ многихъ бо вой побѣда бываеъ, но слыше отъ бога и можетъ бо и беспомощнымъ помощи подати на противляющихся агаритъ».

Есиповская летопись.
(стр. 122—123, 124).

Посла богъ очистити мѣсто и побѣдити бусорманскаго царя Кучюма и разорити боги мерския и ихъ нечестивыя капища, но и еще быша вогнежденъ звѣремъ и водворенъ сириномъ. Избра богъ не отъ славныхъ мужь, царска повелѣния воеводъ и вооружил славою и ратоборствомъ атамана Ермака Тимофѣева сына и с нимъ бѣ человекъ. Забыша бо вси свѣта сего честь и славу, но смель въ животъ предлагаша, и воспримше цитъ истинныя вѣры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость предъ нечестивыми, и вси глаголюще: «достоини умерети за истинную вѣру и пострадати за православие и благочестивому царю послужити. Не отъ многихъ бо вой побѣда бываеъ, но отъ бога слыше».

При общем сходстве легко усмотреть в тексте Синодика несколько добавлений, которые для нас чрезвычайно интересны, так как мы можем найти им объяснение в летописных текстах. Это, во-первых, совершенно неуместная вставка о построении церкви и градов, разрывающая логическую связь предложения. И в Есиповской, и в Строгановской летописи мы имеем отдельную статью, посвященную этой теме, в которой легко найти параллельные места, соответствующие этой вставке. В Есиповской летописи мы читаем (стр. 161—162): «наипаче-же в многих мѣстехъ поставишася грады, и святыя божия церкви и монастыри создашася во славословие отцу и сыну и св. духу, в приближише же православнымъ христианомъ», в Строгановской (стр. 44): «на мнозѣхъ мѣстехъ повелѣниемъ ихъ государей поставишася грады и остроги христианские и в шихъ церкви божия воздвигушася, и монастыри составишася в славословие отцу и сыну и св. духу». Из сопоставления этих параллельных текстов явствует, что Синодик распространил введение за счет статьи о построении градов и церквей, первоначально составлявшей самостоятельную главу общего для трех памятников первоисточника. В дальнейшем введение Синодика дает другой пример переделки первоисточника. После фразы: «и показавше храбрость свою передъ нечестивыми», мы читаемъ: «и вси глаголюще: достойни умерети» и т. д. В Строгановской летописи это рассуждение казаков, возложивших упование на бога, приводится в иной и логически более уместной связи. Здесь оно отнесено к моменту предшествующему решительной битве под Чувашевым, когда среди сподвижников Ермака стали ощущаться колебание и даже страх, и они взаимно подбодряли друг друга, говоря: «но возложимъ упование на бога: не отъ многихъ бо вой побѣда бываеъ, но слыше отъ бога помощь дается; можетъ бо и беспомощнымъ богъ помощи». «И по семъ», говорится далее: «атаманы и казаки утвердившеся вси единодушно и мужественно укрѣпившеся и увѣришася до единого и вси глаголаху едино»: «вкупѣ готови умерети за святыя божия церкви и за истинную православную вѣру пострадати и благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии послужимъ»¹⁾. В Есиповской летописи под влиянием, повидимому, Синодика соответствующий абзац перенесен в введение; однако, и тут сохранилось указание на то, что в первоначальном тексте, которым пользовался автор он имелся. Фраза, которой заканчивается глава: «О размыслиши казаковъ»: «И восхотѣша тоя конци бѣжати, друзи-же не восхотѣша, яко уже осень, но уповаша на бога, утвердиша же и прочихъ, яко да идутъ завтра противу поганыхъ, уповающе на бога»²⁾ является, очевидно,

¹⁾ Сиб. летопись, 22, 23.
²⁾ Там же, 129.

сокращением того текста, который сохранился в Строгановской летописи, и может быть понятя лишь по сравнению с ним¹⁾. Из сказанного можно сделать вывод, что в первоначальном общем тексте «размышление» о помощи божей и слова о готовности умереть за веру и послужить царю излагались в связи с теми описаниями, которые охватили казаков накануне битвы за обладание Искером. Синодик искусственно вырвал эти рассуждения из того контекста, в котором он стоял в его источнике и внес их в свое введение.

Такой литературный прием, как использование отдельных слов и фраз из тех частей первоначального текста, которые не вошли в него, наблюдается в Синодике неоднократно. Так, в рассказе о посылке Карачи за помощью к Ермаку, к его имени прилагается определение: «думный царя Кучума», какового ни в Есиновской, ни в Строгановской летописи в данном случае нет; между тем, раньше, при первом упоминании о Караче он действительно назван: «думным царя Кучума» и «думным царевым»²⁾. Очевидно, указание на звание Карачи почерпнуто Синодиком из этого предшествующего повествования в использованном им тексте. Точно так же выражение об Ермаке в введении, что он богом избран «от простых людей», заимствовано из речи Кучума, оплакивающего свое поражение, как она приведена в Есиновской летописи: «от простых-бо людей Ермак не сомногими пришеде, и в Строгановской: «простых—бо людей послаша на мя Строгановы... не со многими людьми»³⁾.

Наконец, любопытный образец литературных приемов автора Синодика мы наблюдаем в рассказе о битве под Чувашем. «И вся сия совершиша божиимъ промысломъ, и придоша сни повнети люди в Сибирскую землю въ ихъ нечестивыхъ улусы безстрастни; и противнии собрашася во уреченомъ мѣсте у рѣки Иртыша на берегу подъ Чувашемъ, и настигаша множество ихъ, яко травы селны (полевые), и бысть с ними бой великъ октября в 23 день, и ближе православное воинство нечестивыхъ божею помощию, яко-же класы»⁴⁾. Здесь мы имеем дело не только с сокращением, но и с заменой реальной картины битвы литературно-поэтической метафорой. В Строгановской летописи рассказ о походе Ермака начинается теми же словами: «Въ тоу 7090 году сентября въ 9 день... придоша воини в ту Сибирскую землю безстрастни и многие татарские городи и улусы повоюали». Затем идет повествование о событиях по пути до Искера, которое пропущено в Синодике, благодаря чему в его изложении казаки сразу оказываются под Чувашем. Что касается самой битвы, то обе летописи дают почти дословно сходный между

собою рассказ, который нельзя не отнести к первоисточнику и из которого Синодик заимствовал только дату сражения. Сравнение битвы с жатвенным полем принадлежит, вероятно, перу составителя Синодика, который не сумел сократить слишком длинный для его целей описаний боя и вышел из затруднения, заменив его живописной метафорой.

Таким образом, детальное сравнение Синодика с летописями приводит к заключению, что он не представляет из себя первоначального текста, а лишь перерабатывает неизвестный нам первоисточник, которым пользовались и летописи. Этот вывод совпадает с указанием Есинова на какое-то «писание», которое казак привнеси преос. Киприану и в котором излагалось, «как» приидоша в Сибирь и где у них с погаными бои были, и где казаков и какого у них именем убили»⁴⁾. «Написание» это в полном виде отразилось на содержании Есиновской и Строгановской летописей. Что касается Синодика, то автор его очень свободно воспользовался этим своим источником, сократил и выдвинул соответствующие абзацы, перераспределил в литературном сообщении отдельные фразы, словом проделав над ним большую работу, соответственно своим литературным вкусам и представлениям. Из сказанного следует ошибочность неоднократно высказывавшегося в литературе мнения о Синодике, как о первой записи словесных преданий об Ермаке и о преос. Киприане, как об инициаторе сибирской летописания.

Сравнение Синодика с летописями позволяет, как мне кажется, разрешить и другой спорный вопрос сибирской летописания, вопрос об отношении Строгановской летописи к Есиновской. Ахрианов, как указано, выразил мнение, что Строгановская летопись переработана в интересах Строгановых текстом Есиновской. При ближайшем анализе оказывается однако, что текст Строгановской летописи ближе к тексту Синодика, что, конечно, было бы невозможно, если бы она пользовалась первоисточником не непосредственно, а через Есиновскую летопись. Наблюдая взглядом это явствует из рассказа о походе Ермака на остяцкие городки по Иртышу и по Оби.

В данном случае Синодик и Строгановская летопись совпадают почти дословно; у Есинова же весь эпизод изложен своими словами со многими риторическими и мало вразумительными вставками. Такое совпадение Строгановской летописи с Синодиком при полном отлании Есиновского текста не оставляет сомнения в том, что первая пользовалась первоисточником самостоятельно. В подтверждение можно привести еще целый ряд примеров большей близости к Синодiku Строгановской летописи по сравнению с Есиновской. Особенно любопытны

¹⁾ Сравни, там же, 22.

²⁾ Там же 127, 30.

³⁾ Там же, 132, 25.

⁴⁾ Там же, 162.

⁴⁾ Там же, 162.

совпадения в отдельных словах и выражениях; в Синодике и в Строгановской летописи про церковь сказано: «воздвигнушася», у Есипова: «создашася», выражение о приходе татар на казавок под Абалаком «внесашу» заменено у Есипова словом: «отай»; в рассказе о смерти Ермака: «подсмотреть» (про Кучума) гораздо менее выразительным: «узреть»; в рассказе о вероломстве Карачи характерная фраза: «и си сами предашася в руки нечестивых и тамо вси лобнени быша» Есиповым опущена; при описании гибели Ермака фраза: «и тако ты обинуеи вси быша» построена Есиповым иначе: «и побыша» и т. д. Все эти примеры показывают, что Строгановская летопись делала заимствования из первоисточника помимо Есиповской ¹⁾.

Сравнение обеих летописей между собою убеждает также, что из них Строгановская (в ее древнейшей редакции) ближе держится тексту этого первоисточника. В одном случае Есиповская летопись может быть понята только из сопоставления с Строгановской. Я имею в виду приведенный выше абзац о колебаниях казаков перед решительной битвой, когда «всходьшя тоя ноши бжжати, друзи же не восхотьша, яко уже осень»; смысл последних слов вскрывается в Строгановской летописи, где «чиги» говорят своими колеблющимися товарищам: «камо намь побжжати, уже осень достигши и в рекахъ ледъ смерзается» ²⁾. Но особенно показательны в этом отношении рассказы о смерти Ермака. В Строгановской летописи мы читаем: «и тако ты вси лобнени быша единь токмо утече; а ведомый и храбрый риторъ Ермакъ убленъ бысть. Последъи жь ибцы глаголють отъ языка о томъ, яко посприу ты храбрый оица воинъ Ермакъ отъ сна и видь друзину

¹⁾ Синодик.

(стр. 167).

Строгановская летопись.

(стр. 28—29).

Того-же збита хабра-стнушю Ермаку в дру-жинною споею и обинашя мечи свои на нечестивыи и тошю и вржашю мечя своего мнгоиа городои и узуси татарскыи по рекъ Иртышу и по тешной Оби и Назымъ городскыи остинои князю и со княземъ ихъ и со мнгоими отаици и полкеници.

Того-же збита хабра-стнушю Ермаку в дру-жинною споею и обинашя мечи свои на нечестивыи и тошю и вржашю мечя своего мнгоиа городои и узуси татарскыи по рекъ Иртышу и по тешной Оби и Назымъ (вар. Назымъ) градъ остаткой князю со княземъ ихъ... Ермакъ же со вси своими возвратишася въ градъ Сибиря.

Есиповская летопись.

(стр. 141—142).

Хабраовашу Ермаку по всей Сибирейскъ земли, ходиша, споеици свободныи ни отъ кого-же устражашюся, стужа бо боюи на всьхъ близе живущихъ тьмъ, яко мечь обожу острый адыи предъ лнцехъ руского полкенишя и подалъ и стужа; пошоена-же мнгоиа городои и узуси по рекъ Иртышу и по тешной Оби Назымъской городокъ князю со княземъ ихъ и со всемъ богатствомъ, возврати же си по градъ Сибиря с радостю великою и корыстию.

свою отъ насъ избиваемыхъ, и никакой надежды можно имѣти ему животи своему, и побже в стругъ и не може донти своихъ си, понеже бо в дали растоине, и тутъ ввержеся в реку и утоше» ¹⁾. Здесь мы имеем непосредственную передачу слов туземцев даже с сохранением противопоставления рассказчика—татарина слушателем—русским. В Есиповской летописи это место явно переработано из соображений литературных. Весь эпизод излагается уже от имени автора: «и нападоша на нь и побыша; токмо единъ казавъ утече. Ермакъ же егда видь своихъ вопиеть отъ помысли побныхъ и ни отъ кого-же видь поможти имѣти животи своему, и побже в стругъ свой и не може донти, повесе же одбять бж жьлзюмъ, стругу-же отплывшу отъ брета, и не дошедъ утоше» ²⁾. Исно, что Строгановская летопись сохранила более древний текст.

Из сказанного, однако, не следует, чтобы Строгановская летопись могла быть принята за тот основной первоисточник, которым пользовался Синодик и Савва Есипов, как это можно было бы предположить. В этом отношении сравнение текста обеих летописей, произведенное с большой тщательностью Ариановым вполне доказывает факт переработки Строгановской летописью большей части текста путем вставок в него эпизодов, касающихся Строгановых, и выводов, к которым он пришел, до сих пор не утраченной силы. Остается признать, что все три изучаемые нами памятника самостоятельно пользовались не дошедшим до нас первоисточником, и каждый переделал его по своему.

Этот первоначальный текст неизвестный автор Строгановской летописи в значительной мере дополнял данными, почерпнутыми из царских грамот Строгановых. Он произвел большую и добросовестную работу. Цитируя грамоты, он делает это совершенно точно, как видно из сравнения их с теми, которые дошли до нас в подлиннике (а таковых большинство), сообщает год и число, которыми грамота подписана, имена дьяка, укрепившего ее, и бояр, которые «даревым словом» приказали ее выдать. Это совершенно научные приемы. Помимо того, что автор в соответствующих местах приводит in extenso содержание грамот, он из них же черпает целый ряд фактических данных, которые он вставляет в свой рассказ. Так из грамоты 6 августа 1752 г. им заимствованы сведения о набегах впродолжение 15 июля 1572 г. и об избитии русских торговых людей ³⁾, из грамоты 30 мая 1574 г.—о приходе царевича Махмет-Кула ⁴⁾; из опальной грамоты Строгано-

¹⁾ Там же, 38.

²⁾ Там же, 148. Есиповская летопись оказалась княжне на подлинной редакции Строгановской летописи, где рассказ о смерти Ермака излагается так же, как и в ней. (Сиб. лст., 83).

³⁾ Доп. к. А. Н. I, № 120. М и л а е р. Омская. Сиб. царств., 85—86. 15 июля на пять собственно дата является черепком, а то число, от которого шел о том же. Булгакову и Барщевскому Строгановых Третьяков.

⁴⁾ М и л а е р, стр. 87—90.

вым 1582 г. взяты биографические сведения о Ермаке и его подвигах на Волге, откуда же и из грамоты 20 декабря 1581 г. рассказ о набеде великого князя¹⁾. При этом самые события наложены по грамотам иногда дословно, иногда с несущественными изменениями. Помимо царских грамот, автор, вероятно, кое-что записал со слов самих Строгановых, например, чрезвычайно любопытное известие о том, что первое время «как в приуральских инородцев собирались людьми Строгановых, и только со времени царя Федора сбором стали заведывать царские воеводы²⁾».

Тенденция Строгановской летописи совершенно ясна. Имеет в виду показать участие в деле завоевания Сибири «честных людей» Семена, Максима и Никиты Строгановых, «примыслом» которых совершилось «очищение всей Сибирские земли». С этой точки зрения и переработан первоначальный текст «написания».

Наконец, необходимо отметить литературную отделку текста, произведенную автором Строгановской летописи, под влиянием русского перевода «Троицкой Истории», которая служила образцом литературного стиля для книжников начала XVII в. и в частности, как доказано проф. А. С. Орловым, отразилась на «Повести» князя Катырева-Ростовского: «Таковы — описания весны, которые имеют себе поразительную аналогию в знаменитом описании весны у Катырева-Ростовского и в латинском тексте «Троицкой Истории», описание утра, дословно сходное с тем, которое имеется у Катырева-Ростовского и имеющее аналогию в русском переводе Троицкой войны, некоторые отдельные выражения и фразы³⁾».

Совершенно иной характер носит переработка первоисточника, произведенная Есиновым. Если в Строгановской летописи мы имеем папетирик Строгановым, то Есиновская обязана своим появлением официальному признанию московскими властями заслуг Ермака перед православной церковью. Сочинение Есинова отвечало потребности в литературно составленном житии нового патрона Сибирской кафедры. В основу труда Сагыз Есинова было положено то же «написание», служившее первоисточником и Синодику, и Строгановской летописи; другим источником послужила ему самая Синодик преев. Киприана; на последний он прямо ссылается, говоря: «пмйй же помощ исправлючю

лѣтописи сия, сие о ваятїи Сибири и о побѣде есинове», и далее приводит Синодик дословно в качестве оправдательного документа: «о исправлении летописи сия таковы приклады⁴⁾. Есинов сам довольно точно определяет свое отношение к первоисточнику: «так же написахъ с писанїи прѣкъ мене есиноваго, ибѣто и стесняемо бѣ рѣчью, азъ же распространихъ, бѣсѣдуя к вашей любви, иже будетъ извольши прочитати лѣтописи сия; ино-же отъ достовѣрныхъ мужей испитахъ, иже очима своимъ видѣша и быша в да лѣта⁵⁾. Действительно главная часть его самостоятельной работы заключена в «распространении» первоначального текста, казавшегося ему слишком сухим и коротким. Он загромождает свое повествование безукусной и высокопарной риторикой и тяжеловесными образцами тогдашней учености, с неожиданными ссылками на свидетельства «крявники латынской» о царе Итале, «обладавшемъ странами востерпимъ, или на «Детворимъ» «блаженного» Моисея, с совершенно не к месту приводимыми примерами из Библии и сравнениями с эпизодами Троицкой войны, «у Троицкого града близ Командры реки плепуючу Ахилеусу».

В отношении литературной формы на летопись Есинова оказал значительное влияние Синодик преев. Киприана. Так, он воспользовался, как указано выше, расположением материала, которое он нашел в введении Синодика и в связи с этим кое-что изменил в основном тексте главы 10. Что касается дополнений, внесенных Есиновым со слов «достоверных мужей», то, как видно из сравнения с Строгановской летописью, их немного, и они мало существенны. Таким дополнениями являются, например, рассказ о смерти Кузума — подробности о захвате Сейдыка Чулковым. В предисловии Есинов ссылается еще на «летописца татарского»: очевидно, что к этому летописцу восходят упомянутые в летописи сведения «о сибирскихъ царех и князех»; Однако, эти сведения заимствованы не непосредственно из него, а из «написания», так как аналогичная статья имеется и в Строгановской летописи. Очевидно ссылка на татарские источники является в устах Есинова таким же литературным приемом, как и ссылка на «достоверныхъ мужей».

Зная научно-литературные приемы Синодика и летописей, мы без труда могли бы восстановить в общих чертах содержание их первоисточника. Действительно, устранив с одной стороны из Строгановской летописи факты, заимствованные из царских грамот, и вставки, посвященные Строгановым, а с другой стороны из Есиновской все риторические прикрасы, которых нет в Синодике и Строгановской летописи, мы в общем получим

¹⁾ Сиб. лет., 162, 168—169.

²⁾ Сиб. лет., 169—170. Влияние Синодика можно усмотреть в главе VII (о пришествии Креста), в которую, как указано выше, внесены из X главы рассуждения князев.

¹⁾ Грам. 36 ноября 1582. Дел. к. А. И. I, № 128 и у Маллера, 145—147. Грам. от 20 дек. 1581 г. находится в А. М. И. Д. (Строган. дела, карт. XXIV, № 5).

²⁾ Известно, что некоторые известия, напр., о набеде Ветвельн, заимствованы из неизвестных до нас грамот. Что далеко не все царские грамоты Строгановым сами известны, показывает находка А. А. Венедиктова в архиве «в сел. Ямлово г. Пермской губ. нескольких новых грамот, ныне хранящих в А. М. И. Д. (Строган. дела, картон XXIV).

³⁾ Сибирь: статей в честь М. К. Любаского: А. Орлова. Повесть ин. Катырева Ростовского и Троицкая История Гвидо-де-Колумби; С. Платонов. Старые сочинения.

довольно сходный текст, который и надо отнести к первоисточнику. Это первоначальное произведение было значительно короче позднейших его переделок, «ничто и стесняемо речью», как выражается Есинов, однако было не лишено литературной обработки: высокопарное введение, речи, валагемы в уста Ермака и Кучума, отдельные образы и метафоры, заключительная статья о торжестве христианства в Сибирской земле — показывают, что мы имеем дело не с просто записью фактов, а с произведением наизусть словесности. Что касается содержания, то в основу рассказа были положены, повидному, сведения, добытые от участников похода Ермака; наряду с этим есть прямые ссылки на туземные татарские предания (напр. в рассказе о смерти Ермака); из татарских источников (вероятно, устных) почерпнута, в частности, генеалогия сибирских царей.

Остается выяснить вопрос о времени составления «написания». Из того обстоятельства, что в Строгановской летописи не государей упоминаются только Иван Грозный и его сын Федор, а из сибирских городов Тобольск и Верхотурье¹⁾, Спасский делал заключение, что «со всею вероятностью сочинение оной можно отнести к концу XVI или началу XVII века²⁾». Может быть, осторожнее предположить, что упоминание в качестве строителей городов в Сибири только этих двух царей надо отнести к первоисточнику. В таком случае устранилось бы противоречие, неоднократно отмечавшееся между содержанием летописи, которое относится ко времени не позднее начала XVII в., и ее заглавием, в котором говорится об утверждении в Сибири «святительского престола — архиепископства», имевшем место лишь в 1621 году. Если высказанные соображения верны, то «написание» следует отнести к эпохе не поздней царствования Бориса Годунова. Если же держаться мнения о глубокой древности Строгановской летописи в ее целом, то время составления «написания» приходится отнести еще дальше назад, что, впрочем, мало вероятно.

Подводя итоги, можно сказать, что в основе трех известных нам древнейших памятников Сибирской истории, Синодика, Строгановской и Есиновской летописей, лежит один и тот же первоисточник, то «написание», которое привнес казаки проеосв. Киприану, когда он пожелал узнать от них, «како приидоша в Сибирь». Это было сравнительно краткое произведение, но не без литературных достоинств, составленное не позднее конца XVI века. В 1622-м году³⁾, по распоряжению пр. Киприана, на основании этого «написания» и словесных дополнений от

¹⁾ Кроме того, упоминается Тюмень (Сиб. летопись, стр. 18).

²⁾ Летопись Сибирская, изд. в 1821 г., стр. 86—87.

³⁾ Киприан съезжал Синодик иза второе лето правления своего; прибыл он в Тобольск 30 мая 1621 г. (Тюлькин и др., Заметки о городских летописях Сибири, стр. 36).

казанок, участников похода Ермака, был составлен Синодик; в 1636 г. «написанием» и «Синодиком» воспользовался Савва Есинов для сочинения летописи о «Сибири и о Сибирском изгитии». В кругах близких к Строгановым то же «написание» было переработано в целях прославления этой семьи (так наз. Строгановская летопись) вне всякой зависимости от Синодика или от Есиновской летописи.

В конце XVII в. Есиновская летопись с своей стороны послужила каковой для нового и чрезвычайно интересного исторического труда: иллюстрированной «Историй Сибирской», написанной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым и известной в настоящее время в литературе под названием *Ремезовской летописи*¹⁾.

Ремезовская летопись заслуживает особенного внимания, как по своему составу, так и по форме²⁾. Она не является простым сводом. Это скорее ученый исторический труд, соответствующий до известной степени нашим понятиям о таковом и лишь отражающий с большой яркостью дефекты метода и приемов, свойственные научной мысли того времени. Автор, тобольский сын боярский С. Ремезов, был неизвестный в свое время ученый, составитель единственного в своем роде географического атласа Сибири. При написании «Сибирской истории» ему помогли его сыновья Леонтий, Иван и Семен, его ближайшие сотрудники и в картографических трудах. Условия, в которые был поставлен Ремезов, давали ему большую, чем кому-либо возможность пополнить свои исторические познания из источников не только письменного, но и словесного происхождения. Его официальное положение и связи в Тобольске и специально историко-географические исследования, которые он производил в Сибири и в Москве в связи с данным ему правительством поручением составить полный чертеж Сибирской земли, все это способствовало накоплению целого ряда знаний по Сибиреведению, далеко превосходивших осведомленность рядового грамотея того времени.

Семья Ремезовых была старинной служилой семьей в Тобольске. Предок историка Меньшой Ремезов был сослан в Сибирь в 1628 году³⁾. При недостатке людей в Сибири, он в качестве тобольского сына боярского занял на своей новой родине прочное и видное положение в административных кругах Тобольска. Фамилия Ремезовых с тех пор неизменно входила в состав той местной тобольской служилой знати, на

¹⁾ Малая, открытая Ремезовскую летопись, называл ее «Тобольским летописцем».

²⁾ Автор исторической книги послал Ремезовской летописи статью в «Историческом Известиях» 1916 г. № 3—4 под заглавием: Туземные легенды в «Сибирской Истории» С. Ремезова, основное значение которой повторены в тексте.

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 16, а. 385.

которой лежало исполнение всех важнейших административных функций в Сибири и с которой не могли не считаться приезжие из Москвы введомы. Мы встречаем Ремезовых во главе военных экспедиций и посольств к туземным князьям и при исполнении других ответственных поручений. В старинной служилой семье, в течение трех четвертей века стоявшей близко к управлению Сибирью, не могло не сохраниться многих сведений, переходивших от отца к сыну, и из этой семейной традиции мог черпать свои данные наш историк. Он сам ссылается на стрелковскую сотника Ульяна Мосеева Ремезова. Выявительный любимец и наутинник воеводы П. Ив. Годунова, он, по словам Ремезова, был «снискателен... и хитр о делах», интересовался прошлым Сибири и не упускал случая поновлять в этом отношении свои познания. От него, например, узнал Семен Ремезов об участии его в посольстве к калмыцкому тайше Аблаю, и повесть о смерти и чудесах Ермала, слышанная Ульяном от самого Абяла, делла, по словам автора, в основание соответствующей главы его «История».

Очень значительный материал дали историку те исследования, которые ему пришлось произвести с 1696 по 1700 г. при составлении географического атласа¹⁾. Он использовал имевшиеся в библиотеке Сибирского приказа «многие географические книги» и «чертежные переводы» сибирских городов, «кои присланы были к Москве по многие годы»; судя по тем материалам, которые сообщал стоявший в это время во главе Сибирского приказа думный дьяк Андр. Андр. Витусев Витену, здесь, наряду с географическими сочинениями по Сибири, имелись и исторические книги. Из архива Тобольской Слезской избы, Ремезов почерпнул подробные статистические сведения о Тобольске, начиная с 1683 года и т. д.²⁾ Не довольствуясь письменными источниками Ремезов, по его собственным словам, обратился к опросу всяких «старожилых, памятных бывальцев», «сведомцев», «бывальцев в непроходных местах и камевех безводных, ва степях и ва морях, по различным землем подлежащих жительств языков», и притом оспрашивал не только «срозных чинов русских людей», но также туземцев, «иноземцев—бухар, татар и калмыков и новокрещенных», и русских, побывавших в плену у азиатов: «выходцев и половянишков русских»³⁾. Ремезов не ограничивался выяснением географических данных; его расспросы касались, между прочим, и археологии, и он осведомлялся про «древних тюдских и кучумовских жилья, молыбна и городища, крепости и курганы»⁴⁾. Интерес Реме-

зова к сибирской истории нашел себе выражение в его атласе, где среди географических названий попадаются краткие заметки исторического содержания; отмечая на карте Крестовый остров, он прибавляет: «сроведал в 198 году», озеро Грязное (Семьянска): «субит Шуагыи с ратными» (намека на разгром 1693 года); у реки Серебрянки он делает надпись: «лежат суды Ермаковы» в соответствии с легендой, которую мы находим в Кунгурской летописи, служившей ему источником, будто Ермал и его товарищи покинули на Серебрянке тяжелые суда, «и те старые (суда), где они лежат, сковано их два дерева проросли»⁵⁾. Наконец, возле устья Амура, там, где, по представлению Ремезова, находилось Гиланское царство, он упоминает, что «до сего места доходил царь Александр Македонский, ружье сиратал и колокол оставил». Приведенные примеры наглядно показывают, как в связи с географическими работами накапливались у Ремезова сведения и о сибирской старине.

Обращаясь к «Сибирской истории» Ремезова, приходится, во-первых, указать, что в том виде, в каком она до нас дошла, она представляет из себя результат вторичной передачи, так как в нее уже по окончании основного труда искусственно вклеены отдельные листы другой самостоятельной летописи под заглавием: «Летопись Сибирская краткая Кунгурская»⁶⁾. Эта вставка сделана совершенно механически и легко может быть выделена из первоначального текста (статьи 5—8, 49—52, 73—80, 99—102). Такую же подвойную вставку представляет статья 140—147, в которых без всякой связи с предыдущим и последующим приводятся примеры чудесной помощи божией христианам в борьбе с неверными. Все эти вставки резко отличаются от основной части «Истории» не только по внутреннему содержанию, но и по внешнему виду (почерку, технике рисунков, порядку оглавления). Они нарушили в частности нумерацию статей, и в небрежно связанной в одно целое окончательной редакции «Истории» легко усмотреть следы происшедшей благодаря этому путаницы⁷⁾. Так, в 118 статье мы находим ссылку на помещенную выше историю смерти Ермала, «якоже выше ванисано в 81 статье», между тем, как это событие в окончательной редакции описано в статьях 105 и 106⁸⁾. Вместе с тем, внесение отрывков из Кунгурской летописи в уже законченный обработкой текст неизбежно привел к ряду повторений и параллельных мест.

¹⁾ Сиб. лет., 314.

²⁾ Это заглавие лишь по недоразумению иногда приписывается произведению Ремезова в целом.

³⁾ Впервые вставка была отмечена Миллером (Описание Сиб. царства, изд. 1769 стр. 124, 136, 178, 180). Ср. также статью Адрианова.

⁴⁾ Сиб. лет., 848. «В 81 статье», вероятно, опечатка вместо «в 80 статье», так как добавлено было 20 новых статей.

⁵⁾ Первые работы Ремезова по составлению общей карты Сибири относятся к 1693 году (Полное описание Чертежной книги Сибири, стр. 13).

⁶⁾ Прилож. к Чертежной книге Сибири, стр. 3, 5—6.

⁷⁾ Там же, стр. 2, 3, 7, 8, 14.

⁸⁾ Там же, стр. 7.

Аляповатость вставок настолько выделяет их, что позволяет совершенно точно восстановить первоначальную редакцию «Историч». Основным летописчиком этой первоначальной редакции была, как доказано Адряновым, Есиповская летопись¹⁾. Ремезов, впрочем, несколько переработал устаревший стиль Есипова, применяясь к господствовавшим в конце XVII в. литературным вкусам, при чем отдал дань увлечению иностранными словами. Есиповскую летопись он значительно дополнил из другого, нам неизвестного, литературного источника, отличающегося богатством сообщаемых фактов. Из него, например, он почерпнул подробные сведения о сражениях казаков с мелкими туземными князьками Еланчой (ст. 14), Лабутой (ст. 90) и другими, о бое при Поганом озере (ст. 90), о верной службе вогульских князьков Шибурда и Суклема (82 и 84 ст.), о Кучумовом дворцеком Кутугае (ст. 30—32); из него же заимствованы подробные даты отдельных событий. В одном случае осведомленность неизвестной летописи поддается проверке: существование некогда на Туре княжества Еланчи подтверждается не только сохранившимися в позднейшее время за Туринском названием Еланчина юрта, но и упоминанием в документах из первой половины XVII в. самого Еланчи и его сына Агина Еланчина²⁾. Отличительной чертой данного памятника является полная последовательность рассказа о походе Ермака, чем в Есиповской и Строгановской летописях: между тем как в последних поход, начавшийся в начале сентября, в октябре того же года завершается взятием Искера, в нем Ермак, пересылав на Урале, в течение весны и лета совершает медленное продвижение к Искеру, которого достигает к началу октября, при чем каждый этап этого пути точно определяется числами месяцев. Все эти известия носят следы большой древности и достоверности. Рассказ неизвестной летописи нарушается, однако, вставкой из другого какого-то источника, из которого, например, заимствовано совершенно фантастичное сообщение о взятии Ермаком 1-го августа града Тюмени, разрывающее последовательную связь событий, так как 1-го августа Ермак по данным известной летописи, брал «город Карачин»³⁾. Итак, кроме

Есиповской Ремезов пользовался и двумя другими летописями, объединив их все в одно целое.

Для нас особенно интересными представляются те дополнения, которые Ремезов внес в Есиповскую летопись из словесных преданий, как русского, так и туземного происхождения. В частности заслуживают самого тщательного изучения собранные им туземные легенды — «бусурманские истории» и «бусурманские повести», на которые он любит ссылаться. Формы, в каких передались эти легенды, были разнообразны. Во первых это были причитания, в форме песен, которые «татары поют с плачем при беседах в песнях». Такой характер имели «повести», в которых оплакивалось завоевание Сибири русскими и в которых говорилось о Ермаке: «си тако чуден и страшен, егда глаголати им и в повестех между собою, без слез не пребудут». Образцом таких причитаний может служить сохранившийся нам Кунгурский летописью: «Паричин плач»⁴⁾. Память о прошлом сохранялась и в других формах словесной передачи: имевшем Ермака татары, по словам Ремезова, «си до днесь божатся и кланутся»⁵⁾. Любопытным источником служили проповеди магюганских духовных лиц — шейхов. Так, сообщая предание об единоборстве маленького черного зверя с большим белым, об убийстве большого маленьким и об оживлении убитого зверя через три дня, Ремезов прибавляет: «си по сему проклятии бусурманы о Сибири велики божатся, понеже шлы из *повестех* исполкована им, яко малой зверек, Ермак, бусурманство, яко большого зверя, и 3 день мертвой оживта, то во времена наки возмут Сибирь бусурманы в владение не надолго»⁶⁾. Известные легенды были связаны с урочищами. Сузгун и Паный Бутор близ Тобольска связывались, например, с памятью о резиденциях двух жен Кучума, и по этому поводу Ремезов сообщает, что Кучум рассадил сиен своих больших в близких местах и ездил к ним по пятницам; указание на священный день магюганца свидетельствует о магюганском источнике предания. С Паньим бутром связаны две легенды: одна делал из него замок: «город и окопы» мурзы Девлетим-бая, по прозвищу Вапик-Тура; согласно другой, как сказано, здесь был дворец жены Кучума, будто-бы дочери того-же Девлетим-бая; очевидно у тобольских татар с развалинами на Паньем бутре сочеталась память об этом музее, современном Кучуму.⁷⁾ На Саусканском мысу, тоже под Тобольском, и тоже, очевидно, по татарскому преданию, находилась «царское кладбище»; это не мешало тому, что другая легенда, может быть, русского

¹⁾ Адрянов, шт. статья. Типоизд. в «Сибирском Сборнике» за 1838 г. («Последние труды по истории Сибири») выказывает предположение, что Ремезов не заимствовал у Есипова, но пользовался самостоятельно его первоисточником; однако, он не приводит к этому достаточно убедительных доказательств.

²⁾ Сиб. Печ., кн. № 19, л. 632. Там же упоминается волость Ясноба (л. 367 об.), волость Лабутан (л. 369), волость Туркин (л. 374 об.), городок Юшун (л. 380 об.) и др. местности, о которых говорится в этой части Ремезовской летописи. О Ермаке см. в ж.

³⁾ Сиб. летописи, 318, 325. Следы неясны очевидны. «И воинаша все лето, и августа в 1 день взяли град Тюмень (15 ст.)». «Весна же близу прише и 7. 4 (30 ст.)» — рассказ о Кутугае. «Ермику же тогда пребываючи в Чингиде град (другое назв. Тюмень), шведы прише путь срутовой, зная в 9 день». (36 ст.).

⁴⁾ Сиб. лет. 342, 346.

⁵⁾ Там же, 346.

⁶⁾ Там же, 328.

⁷⁾ Там же, 329, 310—320.

происхождения искала здесь могла сподвигнуток Ермака¹⁾. Наконец, в Ремезовскую летопись вошел ряд поверий; посредством которых туземцы объясняли те или иные явления природы. Поверия эти довольно случайно ставились легендой в связь с именем Ермака и других героев. Таково, например, встречающееся несколько раз с различными подробностями описание северного сияния, которое служило яко-бы предзнаменованию гибели Сибирского царства: «огненный столб и до небес, и в том огне многи видения различны... людие-же видна в столбе ужасное видение различное, и битвы, и звук». Такое описание вполне соответствует магнетанскому представлению о северном сиянии, как о сражении небесных воинов²⁾. Таким образом, сыздки Ремезова на «бурманские повести» являются простым общим местом, литературным приемом автора, желающего заинтересовать читателя неопределенным указанием на туземный источник своих сведений. За шаблонной ссылкой скрываются разнообразные и очень оригинальные виды предания, характерные для туземного быта.

Из туземных легенд, собранных Ремезовым, для нас особенно интересна легенда о панцирях Ермака и о посмертных чудесах на его могиле, так как сам автор подробно сообщает, при каких условиях ему сделана известна эта легенда. Рассказ Ремезова данен в том отношении, что вскрывает перед нами процесс создания книжной традиции на основе устного предания. Он основан на «сказке», которую получил названный выше Ульян Мосеев Ремезов, предок автора, от калмыцкого тайши Аблая. Аблай-тайша был одним из типичных монгольских государей, которым удалось ненадолго собрать под своею властью несколько кочевых племен и временно образовать из них государство. Он кочевал с своим народом на берегах Забайкалья, недалеко от русских границ; в 1669 г. его кочевья отстояли в 15 днях скорого хода от Тобольска и только в 3-х днях от Тары, и он все время находился в оживленных сношениях с русскими. Владея торговыми путями в Бухару, в Ергель, в Монгольское царство и в Китай, Аблай-тайша был втянут в сложные международные отношения; русское правительство поддерживало с ним дружеские связи, главным образом, в целях облегчения проезда послов и купчих в Китай³⁾. В 1658-м году Аблай-тайша прислал в Тобольск посольство, которому,

между прочим, поручил ходатайствовать о присылке ему панциря, принадлежавшего тобольскому служилому татарину Кайдаулу-мурзе. Самого Кайдаула в то время уже не было в живых, но искомый панцирь, действительно, нашелся у его сына бек-Мамета. Этому панцирю приписывались волшебные свойства, и с ним в семье Кайдаула были связаны любовитные предания. По словам бек-Мамета; «про тот-дэ панцирь приказал ему... отец его, Кайдаул, при смерти своей под клятвою, чтоб ему тем панцирем служить... великим государям, а якому его продавать не велел; в прошлых-де годах отец его, Аблае, Байгитш-тайша того панциря добивался много и давал за тот панцирь 10 семей ясырей (рабов), 1000 овец, и степ-де его... того панциря тайше не дал». По утверждению Ремезова, Аблай-тайша считал названный панцирь за тот самый, который был на Ермаке в момент его смерти и верил в его чудодейственную силу. Тобольский воевода кн. Буйловос-Ростовский не решился без государева указа отдать необыкновенный панцирь, и в 1660 г. Аблай-тайша вторично прислал другого посла с настойчивою просьбою о том же, и на этот раз добился желаемого. Особое посольство, в составе которого был и Ульян Ремезов, повезло царское жалованье в «ургу» Аблай-тайши⁴⁾. Об этой поездке Ульяна и калмыцкому тайше и говорит Ремезов в своей «Истории». Аблай-тайша с особенной торжественностью принял панцирь Ермака, приложился к нему и спросил: «знаешь-ли, Ульян, где вап Ермак лежит?» и на отрицательный ответ, «начал Аблай новости деати по своей истории, т. е. ... со биг л ходивше реди татар и калмыков легенды об Ермаке. Ульян, заинтересовавшийся рассказом, испросил у Аблая «сказку за его знамены (подписью) и печатью». Исполняя эту просьбу, тайша «поведа о Ермаке все подробно, како живие, но своему письму, и како скончаша», «в том и печать свою приложил». Содержание Аблаевой сказки заключалась в следующем: «как (Ермак) приехал в Сибирь и от Кучума на перекони побега и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаше, и панцири разделши и развезоша, и как от панцирей и от платяи чудес было». Этот рассказ Аблай дополнил воспоминанием о собственном исцелении: «егда-же аз был мал и утробю болел, и даша мне с земли с могилы (Ермака) пиль, здрав явихся до ныне; егда-же земли с могилы ваято, и еду с нею на войну, побиваю; егда-же нет земли, тощ возвращаюся»⁵⁾. Семен Ремезов, имея в своих руках эту сказку и сравнив ее с Восточной летописью, служившей ему руководителем посольем, убедился, что в основных чертах «сказка» и летопись совпадают и что новостью является лишь сообщение о нахождении тела Ермака и о чудесах: «поведа (про Ермака

¹⁾ Там же, 337.

²⁾ Там же, 319, 324. В последнем случае (статья 46) магнетанские предания изображены силоюю видоизменению под влиянием христианской идеологии автора; тем не менее, он и тут ссылается на «бурманские повести». Ср. описание северного сияния у Масуди (Гаркави. Сказания масуди-янских писателей, стр. 88—89), там же приводится объяснение этого явления, данное улугомиз, «будто бы это посланники дьяволов и чертешские их, которые сражаются вышдыи востора».

³⁾ Об Аблае-тайше см. А. М. И. Д., Музгалские дела 1668 № 2 и 1662 № 3.

⁴⁾ Содержание о посольствах Аблай-тайши — Сиб. архив. ст-ца №№ 623 и 631 (серуемер.) и А. М. И. Д., Музгал. дела 1668 № 2.

⁵⁾ Сиб. арх., 347-348.

Аблай) ... како скончался, согласно нашим историям, точно, как обрелся и чудотворился¹⁾. Сравнивая рассказ о смерти Ермака, как он наложен в Енисовской летописи, с рассказом, помещенном в Ремезовскую летопись, мы, действительно, найдем у Ремезова лишь одну подробность, которой нет у Енисова; в Енисовской летописи сказано просто, что Ермак утонул, «позже одяна железом», а в Ремезовской: «бе одяна двумя царскими панцыри»²⁾. Очевидно, из «сказки» Аблая были почерпнуты сведения об этих двух панцырях, присланных Ермаку в подарок от царя и послуживших причиною его гибели в волнах Вагая, и о принадлежавшем им свойстве «чудотворения», благодаря которому они давали «болезненным исцеление, родителю и младенцам на отгвание недугов, на войне и в промыслах удачу»³⁾. Предшествующая литература (ни Строгановская, ни Енисовская летопись, ни Синодик) ничего не знала об этих панцырях. Точно также из Аблаевой сказки почерпнута легенда о чудесах на могиле Ермака, легенда чисто туземного происхождения, связанная с одним из магических «сказов», т. е. святых могил «ва Ваншеском кладбище, под курьявой сосной» где, по татарским известиям, находился мавзолей Хакима-шейха⁴⁾.

Рассказ Ремезова, в общих чертах подтверждаемый официальными документами Сибирского приказа, рисует, таким образом, совершенно конкретно самый процесс проникновения в русскую литературу туземной легенды и прически ее использования русской наукой того времени.

Закачивая обзор летописей, восходящих к первоначальному «написанию», необходимо остановиться на хронологии завоевания Сибири, так как на примере хронологических выкладок особенно отчетливо выступают и приемы научной работы XVII века.

Основанием хронологии похода Ермака послужили те даты, которые имелись в первоисточнике. Из сравнения Синодика с Енисовской летописью видно, что год прибытия Ермака в Сибирь в общем для них текете определялся 7089-м годом от С. М., а, так как дальнейшие события развертывались в октябрьских числах, то от Р. Хр. надо считать 1580 год. Остальные годы, судя по Синодику и по Строгановской летописи определялись описательно: «того-же лета», «того-же зимы», «на второе лето»,

¹⁾ Спб. лет., 348.

²⁾ См. цитированную выше мою статью: «Туземные легенды в Сибирской истории Ремезова».

³⁾ Спб. лет., 346.

⁴⁾ Так же. Об мавзолее магических святых, в частности о мавзолее Хакима-шейха «ва Ваншеском кладбище» см. в Ежегоднике Тобольского Губ. Музея, вып. XIV (Каталиков, О религиозных войных учениях шейха Вагауддина против иноверцев).

«на второе лето по Ермакове убийству» и т. п.¹⁾. Зато сообщаются точные числа дней и месяцев (23 октября, 6ой под Чувашевым; 26 октября, взятие Искора; 5 декабря, избивание казаков под Алабаком; 5 августа, «на четвертое лето по взятии Сибири», смерть Ермака; «на второе лето по Ермакове убийстве, после Семена дня» — приход Ив. Мансурова). Енисовская летопись переводит описательные выражения на соответствующие годы, причем год прибытия Волховского в Сибирь «на второе лето по взятии Сибири» получилось 7091-й (вернее было бы 7090-й) или 1582½, год смерти Ермака 7092, или 1584. На основании собственных сведений Енисов прибавил две позднейшие даты (прибытие В. Сукина в 7093 г. и Даниила Чулкова в 7095 г.).

Строгановская летопись, с своей стороны, заимствовала из царских грамот следующие даты: 16 июля 7080 г. приход воровской черемисы, 20 июля 7081 г. (в память св. пророка Илья) приход Махмет-Кула и 1 сент. 7090 г. — нашествие князя пельменского и одновременный отъезд казаков в Сибирь²⁾. Незнакомство откуда заимствовала Строгановская летопись следующие годы: 6 апреля 7087 г. — «слышаху Строгановы об Ермаке», 28 июня 7087 г. (память свв. Кира и Иоанна) приход Ермака к Строгановым, 22 июля 7089 г. набег мурзы Вегбедля, и 9 сент. 7090 г. (на память боготоца Иоакима и Анны) прибытие казаков в Сибирь; возможно, что мы имеем здесь дело отчасти с язысным преданием, сохранившимся у Строгановых; некоторые даты могли быть взяты из не сохранившихся до нас грамот. Остальные годы изложены описательно и иногда настолько глухо, что нельзя восстановить точно каждый из них. Во всяком случае, если иметь в виду, что начало похода Ермака отнесено к 7090-му году, год его смерти должен падать на 7093 г., т. е. 1585 от Р. Хр. Таким образом, Енисовская и Строгановская летописи не дают единообразной хронологии: в определенном году похода у них получается разница в один год, и это должно отражаться на всех последующих датах.

Так же мало выяснена продолжительность похода³⁾. «Написание», повидимому, не давало точных указаний на этот счет; и Енисовская, и Строгановская летописи понимали дело так,

¹⁾ Сведы описательной формы можно усмотреть и в Енисовской летописи (например, в рассказе о приходе Мансурова).

²⁾ Об этом см. выше. Дата нашествия пельменского князя устанавливается упоминанием зимы нашествия от 6 ноября 1581 г. (Спб. к. А. П., I, № 126) и от 20 дек. 1581 г. (А. М. И. Д., Стрэг. деп., карт. № XIV, № 5); событие это произошло при первом походе князя Ив. Елксина. Об одновременности отъезда Ермака Строгановым говорит позднейшая грамота от 16 ноября 1582 г. (Спб. к. А. П., I, № 128).

³⁾ М а в я к о в, Хронологическая справка к 300-летию годовщины присоединения Сибири к русской державе (Журнал м-ва Нар. Прес. 1881 № 9).

что Ермак, выступив в поход в сентябре, 26 октября уже взял Искер. Совершенно иную датировку дает Ремезов, или, вернее, тот второй источник, которым он пользовался помимо сочинения Есипова. Хронология в смысле годов у Ремезова там, где он не руководствуется Есиповым, полна ошибок, и на ней останавливаться не приходится¹⁾. Зато чрезвычайно любопытны числовые даты, заимствованные из неизвестной летописи. Выходит, что поход продолжался не два месяца, а целый год: зимою Ермак восстал «пелымские уезды», «весне же пришедши водою» выступил в дальнейший поход; 1 мая ползлины вши по Тагилу, 9 мая изыли по Туре²⁾, 8 июня вошли в Тобол, 22 июня достигли Караульного яра, 21 июля имел место бой с Махмет-Кулом в Бабасанах, 1 августа взятие «града Карачива», в котором казаки стояли до 14 сент.; 1 октября бой под Чувашевым и 23 октября вторичный бой под Чувашевым³⁾, и в дальнейшем идет хронология Есипова (25 октября бой под Искером и 26 взятие Искера). Несмотря на некоторые противоречия, вся последовательность событий до такой степени правдоподобна, что большинство исследователей со времен Миллера кладут в основание истории похода Ермака наложение Ремезова, и надо признать, что в пользу этого есть много доводов. С другой стороны растяжение событий на целый год еще более осложняет вопрос о хронологии, который в общем итоге вряд-ли может быть решен на основании одних летописей с их условными расчетами времени.

Рассмотренные до сих пор памятники исторической литературы Сибири все могут быть в той или иной мере возведены к тому первоначальному написанию, о котором говорится в Сиводиче пр. Киприана. Но летописи данного типа не ограничиваются сибирская историография XVII в. До нас дошли в отрывках летописи, последние совершенно самостоятельный характер, которые не могут быть возведены к указанным первоисточникам. Любопытным образом такого рода летописей и является «Летопись Сибирская краткая Кунгурская», значительные отрывки из которой были внесены в первоначаль-

¹⁾ Начало похода отнесено к зиме 1579—1580 г.; по Туре изыли в мае 1581 г.; послыа Махмет-Кула отнесена к 1582 г., при чем говорится, что его привели к царю Федору (вступил на престол в марте 1584 г.) и т. д. И не касаясь здесь хронологии войсковой поиднее в «Истории Кунгурской летописи».

²⁾ В промежутке сообщается из другого, как вылено выше, источника, что казаки воевали все лето и 1 августа изыли Тюмень.

³⁾ Полнотный связь хронология неизвестной летописи с хронологией Есиповой объясняется удвоение рассказа о Чувашевской битве. По данным неизвестной летописи, Ермак выступил на «Атчиского городка» и дал бой 1 октября, в так как по Есипову, это событие произошло 23 октября, то Ремезову пришлось выдать сообщение, будто казаки после первого боя перулись «встать» в Атчиский городок и «седешиа ту», в 23 октября совершили вторично наступление.

ный текст Ремезовской летописи⁴⁾. Никакой попытки связать или согласовать сведения, почерпнутые из нового источника, с основной частью повествования сделано не было, и мы имеем параллельный рассказ Кунгурской летописи о некоторых моментах похода Ермака, повидимому, в неясказанном виде. Это обстоятельство позволяет до известной степени судить об этом не дошедшем до нас памятнике.

Заглавие, под которым сохранилось разбираемое произведение, показывает, что оно возникло в русском Прикамье, во второй половине XVII в., так как город Кунгур востроен в 1648—9 году. Наиболее характерной чертой Кунгурской летописи является ее чисто народный стиль, пропитанный грубоватым народным юмором. Мы находим в тексте много народных словечек и прибауток. Например, про казаков шуточно говорится, что они первоначально «обмешенились» (промахнулись в цель), не сразу попали по Чусовой в Сибирь, про Ермака, что он не имел обыкновения воротиться за ясаком: «что мимоходом урал, то и наша добыча» и т. д. Некоторые выражения напоминают песенные; так, выражение: «ясак взял за саблю» встречается в одной из песен Кириш Данилова⁵⁾. Отдельные эпизоды рассказаны почти сказочным языком. Таково, например, описание шайки «тех пресловуших воров Ермачка Повольского с товарищи»: «было у Ермака два сверстника — Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Врязга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литаврички и барабанички, сотники и пятидесятники и десятники с рядовыми и знаменщиками чном, да три пова, да старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил да каша варил и привасы знал и круг церковный справно знал; и указ на преступление чинил жгутами, а кто подумает отойти от них и изменить, не хотя быти, и тому по доноску указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака все укрепилися; а больши 20 человек с песком и камешем в Сылье угружены»⁶⁾... Таково же обращение Ермака к Максиму Строганову за помощью, подкрепленное угрозою его есаулов: «о мужик! не знаешь ли, ты и теперь мертв! возьмем ты и расстреляем во клочку! Дай нам на росписку

⁴⁾ Несмотря из резкое отличие в почерке и в технике рисунков неизвестных летописей по сравнению с основным текстом, я позволяю себе предположить, что истинна была предположения самим Ремезовым или его современниками. Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сведения «Кунгурской летописи о судах, бранных Ермаком на Серебряном, послужили материалом для соответствующей надписи на одной из карт Ремезовского атласа (см. выше, в тексте).

⁵⁾ Древнее стихотворение собранные Купцовым, изд. 1818 г., стр. 321

«Исай царю собрал
«Из-за сабельки острей,
«Из-за сабли острей».

по именам на струги, поартельно яты тысячам, по именам на всякого человека по 3 фунта пороху... по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей»¹⁾ и т. д. Самая цифра участников похода или «заоруя», как его календаризирует наш памятник, (5000 человек) тоже носит сказочный характер. Весь стиль Кунгурской летописи в целом живо напоминает стиль описок Ярка Хаборова из Даурского похода и до известной степени характеризует среду, из которой она вышла. Это — среда казачья, в которой еще жива и близка была память об атамане Ермаке Тимофеевиче, и в которой образ вкорителя Сибири не утратил еще чисто казачьего колорита и не превратился в литературно-религиозный шаблон мученика за веру.

При всем том, Кунгурская летопись не есть простая сказка о Ермаке, возникшая среди сибирских казаков. Источники ее очень сложны. Тут, как и в Ремезовской летописи, мы имеем, во-первых, дело с записью не только русского преданья, но и туземных легенд и суеверий; при том записью сделанной очень точно. Предание о том, что на волоку между Серебрянкой и Баранчюю, в разных местах лежат старые суда Ермака, просиженные деревьями, слышал еще Миллер при своем путешествии по Сибири от русских и от вогуличей²⁾. Очень любопытен рассказ о Ташатканском камне, «от него-де временем восходит дождь и снег», вполне совпадающий с татарскими верованиями в «ждедамыш», т. е. возложение посредством камней, имеющих свойство, говоря словами Рашида, «вызывать даже летом ураган со снежною метелью, страшный мороз или, по крайней мере, потоки дождя»; вальность таких верований документально засвидетельствована у инородцев Томского уезда в XVII в.³⁾ В одном случае в текст внесены слова татарской песни под названием: «сарицын плач»: «яным, яным, бииш казак, бииш казак», «спречь: войны, войны пять, пять человек победилши и разорилши»; тут обращает на себя внимание более или менее верная транскрипция отдельных татарских слов⁴⁾. Чрезвычайно ценны и точны некоторые этнографические сведения, имеющиеся в Кунгурской летописи, например, очень живое описание камлания шамана (шейтаника) в Чадырском городке, вполне совпадающее с описаниями позднейших путешественников: «проклятого связавше крепко, и уткнут саблюю или ножом в брюхо скрозь и держат связана дождею по вопросу всем скажет, и тогда выдернут нож или саблю, шейтаник же, встан, поточит пригоршни крови свои, выпьет и вымажется, будет весь цел,

¹⁾ Сиб. лет., 315.

²⁾ Там же, 314. Миллер, Описание Сиб. царства, 106.

³⁾ Сиб. лет., 342. Рус. Ист. Вост. II, № 92, D'Obsson, Histoire des Mongols II, 614—615. Ср. Миллер, а, стр. 186; по его словам, татары называют такие камни «Гиз-таш», т. е. «ногосту производящие камень».

⁴⁾ Сиб. лет., 342. «Бииш» — беш, пять по-татарски; казак — воин.

что и язв не знать»¹⁾. В отдельных случаях попадаются, впрочем, неудачные попытки растолковать непонятный туземный обряд; так, старинный остяцкий обряд: «пить с золота» при заключении союза дал, повидимому, повод для фантастического рассказа о том, как молится остяки: «молится-де ови русскому богу, и тот-де русской бог литой золотой в чаше сидит, и в ту-де чашу, наливши воды, пьет и зовут его Христом; а скаывают-де, привезен от Владиморова крещения»²⁾.

Наряду с записью русского и туземного преданья и с непосредственными наблюдениями окружающего быта, в Кунгурской летописи мы находим признаки знакомства и с письменными памятниками. Автор ссылается на документы архива Строгановых: «на городище-же Ермакове», говорит он: «с женами зряне, и книги их писарей и память жилия их, что имени и отчеством домов, доныне у Строгановых в казне выскучеся»³⁾. Ему было известно по опальную грамоту, которую царь Иван, разгневавшись нарушением добрососедских отношений с сибирским султаном, послал к Строгановым по поводу похода Ермака; по эту грамоту он излагает своими словами, совершенно в народном стиле: «мужики» писал будто-бы царь Иван: «спомни, да как ты с таким великим и полномочным соседом сосорши, и какая несогосотельная сноа меж нами учиниши, и не угадаеш, что я тебе учиню; а ежели доброе что в таком случае учиниши бесспорочно, не ведаеш, чем ты со своими пожалован будеш в твоем опасении»⁴⁾. Впрочем, автор, повидимому, самых документов не видел и пишет об них по слышке. Из всех Строгановых он поэтому знает только одного Максима.

При всей нестрогости своего состава Кунгурская летопись сообщает очень много конкретных фактов, которых нет в других сибирских летописях. Так, при чрезвычайной запутанности хронологии, сообщаются некоторые числовые даты с указанием дней и месяцев, дающие повод думать, что автор пользовался какими-то современными записями. Точно также сообщаются имена остяцких и вогульских князьков, с которыми пришлось бороться казакам. В одном случае мы можем проверить точность этих данных. (В летописи рассказывается подробно о том, как казаки взяли укрепленный город могущественного остяцкого князя Самара; потомки этого Самара, Таур Самаров в царствование Василия Шуйского и Вайбалак Самаров в царствование Михаила, но документальным данным, продолжали числиться «лучшими людьми» в Белогорской волости, а Самарово городище

¹⁾ Сиб. лет., 326. Ср. у Миллера, стр. 120.

²⁾ Сиб. лет., 334. Карамзин, VI, прим. 461 («на крепость их, со золоту воду пиле, говорится про кодакских остяцких князей»).

³⁾ Сиб. лет., 315—316.

⁴⁾ Сиб. лет., 314.

было обследовано на месте Миллером³⁾. Точно также точны и поддаются проверке на ясаичным книгам XVII в. многочисленные географические названия, попадающиеся в Кунгурской летописи⁴⁾.

В заключение, приходится отметить в изучаемом нами памятнике одну фразу, которая, если это не ошибка, представляет очень большой интерес. Описывая штурм городка останного князя Дежнева, автор пишет: «егда-же начяхом приступати»⁵⁾. Эти слова дают повод думать, что рассказ написан участником боя, если только, повторю, это не ошибка или, может быть, сказочный оборот речи.

Из сказанного видно, насколько разнообразен, интересен и загадочен состав Кунгурской летописи, и насколько непонятна утрата ее в полном виде. До сих пор, однако, она не была исчерпывающего и всестороннего изучения и остается любопытным, хотя и не единственным, образцом особого типа сибирских летописей, не восходящих к рассмотренному нами выше первоисточнику Строгановской и Есиновской летописей и основанных, в значительной степени, на изустном предании или на источниках, не поддающихся точному определению. К такого рода летописям относится та, которая вошла в известное «Описание новые земли Сибирского государства», послужившее источником для Витзена в его сочинении: «О северной и восточной Тартарии»⁶⁾.

В мои задачи не входит выяснение источников «Описания». Достаточно указать, что оно составлено из разновременных документов из которых некоторые почерпнуты из канцелярии Приказа. То обстоятельство, что им мог воспользоваться Витзен, которого снабжал материалами стоявший во главе Сибирского Приказа думный дьяк Андр. Винкус, дает повод думать, что в этом приказе оно и было составлено. Время написания «Описания» определяется довольно точно: в нем упоминается о взятии китайцами двух русских островов на Зин в 1683 году; а с другой стороны о калмыцком Бошохтухане, погибшем в 1697 г.⁷⁾, говорится как о находящемся в живых. В «Описании» внесен рассказ о завоевании Сибири. Рассказ этот разрывается вставленными в него отрыв-

¹⁾ Асты царств. Василия Шувалова (изд. Гусевым) №№ 61 и 118. Сиб. Прок. кн. № 78, л. 694. М и з а е р, Описание Сиб. царства, стр. 161—162. Сиб. лет., 335—336.

²⁾ См. Сиб. Прок. кн. № 19. Миллер во время своего путешествия проверил многие из этих названий на месте.

³⁾ Сиб. лет., 334.

⁴⁾ Оно вошло в издание Сиб. летописей Археогр. Комиссии, а также в изданный Титовым сборник: Сибирь в XVII в. Параллельные места у Витзена можно найти в статье Титова в том же сборнике: «Обзор иностранных известий о Сибири со 2-й половины XVI века» в Сибирском Сборнике за 1887 г.

⁵⁾ Pallas, Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, 1779, I, 62.

ками из одного из географических описаний сибирских путей и расстояний между главнейшими сибирскими пунктами, известные нам известны от XVII в. в нескольких редакциях; эти отрывки ставятся в связь с повествованием, но не всегда удачно; так, по поводу завоевания Тобольска выписаны сведения о расстоянии «от камня Верхотурского до Тобольска», по случаю посольства Ивана Грозы в Москву к Ивану IV — о пути и расстояниях между Москвою и Сибирью и т. д. За устранением этих ветвоек остается довольно полный исторический очерк, который нельзя поставить в непосредственную связь с известными нам летописями. Он представляет из себя совершенно самостоятельное произведение, изобилующее неизвестными из других источников деталями и построенное по плану, отличающемуся от трафаретного.

Как и Кунгурская летопись, вошедшая в «Описание» повесть тесно связана с Прикамьем. Это видно из упоминания в ней прикамских городов и урочищ—Осы, Сарангуля, Рыбной, Чортова городища, и особенно из тех сведений, которые она сообщает о Строгановых. Сведения эти едва-ли почерпнуты из каких-либо письменных источников; они, как и сведения Кунгурской летописи, занесены по слышке, и, тем не менее, они точны и не дают повода к сомнению. «А тот мужик Строганов», говорится здесь: «породою новгородец, посадчик человек, избе от страха смерти и казни вел. государя царя (sic) Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца из Новгорода убежал со всем домом своим в зырян, сиречь в Пермь Великую, чрез Великий Устюг, на вершину Камы реки, на места изобильные, на великую реку Каму»¹⁾. По слышке же сообщается повесть о содействии Максима Строганова экспедиции Ермака, которую он финансировал. Все эти данные могли быть почерпнуты только на месте, так как в самой Сибири, как видно из примера Есинова и Ремезова²⁾, Строгановыми не интересовались и об их роли в деле завоевания Сибири мало что знали. Автор, однако, сам был жителем Тобольска, если судить по тому как отчетливо он знает топографию Тобольска. «Град Тобольск», пишет он: «стоит над рекою Иртышем, новыя Тобола речки 2 поприща, на горах восток»; он рассказывает, что Ермак воевал, «Тоболом плывуще, до Тобольска не доходя 7 поприщ, урочище называемое ныне Шинкина деревня» (дер Шинкина под Тобольском известна по актам XVII в.) и на следующий день «появился судами под горы Тобольские на лужок, где ныне стоят амбары хлебные государевы»³⁾. Не менее точно определяется

¹⁾ Сиб. лет., 363.

²⁾ В восточной части «Истории Ремезова» говорится только, что Ермак «сжег до Орага городища и ту многие знаменья Стрелчанских, ружья и всякой влад и бже во Чукотью». (Сиб. лет. 317) и больше о Строгановых не упоминается.

³⁾ Сиб. лет., 372.

местоположение Абалака, «от Тобольска расстоянием 20 поприщ¹⁾». Так мог писать только человек, хорошо знавший столицу Сибири. Автор, вероятно, сам видел и те две пушки, стоявшие с косогора, с которыми связывалась легенда о пушках Кучума, заколдованных казаками, и сообщил точные размеры их²⁾. Это, очевидно, такой же тобольский грамотей, может-быть, служивый человек, как и Семен Ремезов, но сохранивший связь и с «Пермью Великой».

Источники его сведений очень напоминают те, которыми пользовался Ремезов для дополнения Есиновской летописи. Это — русские и магметанские легенды. Как и Ремезов, он знает некоторые предания, связанные с урочищами; он помнит что на месте Тобольска «город деревянный с осью был у сибирского царя Кучума», что Абалак был «любоию вотчиною» того же Кучума. Некоторые легенды, которыми он воспользовался совпадают с Ремезовскими, например, о пушках царя Кучума. Он, повидому, слышал и предание о волшебном паньшре, так как два паньшра фигурируют и у него в рассказе о гибели Ермака; о том, как выловлен был татарами труп Ермака, он рассказывает в несколько иной редакции, чем Ремезов. Но наряду с этим мы встречаем в повести и такие легенды, которых нет у Ремезова; такова сказка о «пыжах», послыца характер чисто народный. Наконец, в повести попадаются описания туземных обычаев, слегка переиначенные; в этом отношении можно отметить сходство с Кунгурской летописью. В высшей степени интересен рассказ о созвье Кучумом своих воинов путем рассылки золоченых стрел: «и посла, вместо царских своих грамот, стрелы свои золочены, чтоб другой послычки не дожидаться, повеже де идет на нас неведомо какой лютой неприятель»³⁾. Обряд оповещения о войне посредством стрелы, как известно, существовал у многих первобытных народов; в частности мы встречаем его в Сибири в начале XVII века у приобских остяков⁴⁾. Автор повести, очевидно, слышал об этом обряде и приурочил его ко времени Кучума.

Построенная на устных рассказах лиц, знавших потомков Максима Строганова, на русских и туземных преданиях, на наблюдениях над местными обычаями, — повесть сообщает также некоторые сведения, которые должны быть отнесены к шибемным источникам. Так, в противоположность сказочным мотивам, которые мы имеем в Кунгурской летописи, она дает более или менее верное число сподвижников Ермака — 600

¹⁾ Там же, 375. Показание это совпадает с данными чертежа 1667 года. «От Тобольска же до Абалакского села сушим путем 20 верст. (Титов, Сибирь, в XVIII в. стр. 57).

²⁾ Там же, 375.

³⁾ Там же, 371.

⁴⁾ Акты царств. Василия Шуйского, №№ 61 и 118.

чел., что приблизительно соответствует данным, почерпнутым Есиновской и Строгановской летописью из их первоисточника (540 чел.). Из описания событий, предшествовавших решительной битве под Искором, можно заключить, что автору был известен заключавшийся в том же первоисточнике рассказ о том, как Ермак и его товарищи в решительную минуту подбавляли друг друга верую в бою помощью и заявлениями о готовности послужить своему государю, но он изложил его своими словами; очевидно, ему об этом говорили; может быть, он сам читал про этот трагический и высокопоучительный с тогдашней точки зрения эпизод, но, во всяком случае, самого текста под руками у него не было. Некоторые его сведения совпадают с теми фактами, которые Ремезовым заимствованы из неизвестной летописи, например, про взяли¹⁾ Тым-ин. Наконец, при описании посольства к царю поража²⁾ точное исчисление посланной им в Москву казны³⁾. С скромные размеры этой казны (60 сороков соболей, 50 бобров и 80 ялиц чернубурых) и особенно техническое в календарском смысле выражение о соболях: «с лукии с хвосты» дают повод думать, что эти сведения заимствованы из официального источника. Что касается отписки, которую Ермак послал будто-бы царю, то она, несомненно, сочинена совершенно в народном вкусе.

Влияние разобранной нами повести можно проследить на некоторых литературных памятниках XVII в., например на сокращенных редакциях Есиновской летописи (по спискам Бузуновскому и Головинскому); которые из нее, вероятно, заимствовали сообщение о роли Максима Строганова и о числе сподвижников Ермака⁴⁾.

Рассмотренные нами произведения по существу своему являются не столько летописями, хотя их и принято так называть, сколько историческими повестями, изображающими в законченной литературной форме историю завоевания Сибири. В последние десятилетия XVII в., когда усиление научного интереса к прошлой русской Сибири нашло себе выражение в появлении иллюстрированной «Сибирской Истории» Ремезова, Кунгурской летописи и историко-географического «Описания», в Тобольске была проделана очень интересная и большая работа. На основании данных, извлеченных, повидому, преимущественно из архивов Тобольской Слезвейк казны и дома св. Софии, и отчасти некоторых литературных памятников, была составлена краткая годовая летопись важнейших событий административной и церковной жизни Сибири начиная с 1572 года. Это сочинение дошло до нас в двух редакциях: более ранней, обрывавшейся на 1687 году, в так называемой «Книге

¹⁾ Сиб. лет., 375.

²⁾ Сиб. лет., 290—311.

Записной», принадлежавшей Тобольскому собору, и более поздней, доведенной до 1702 году, в «Записках к истории Сибири служащих», напечатанных в «Древней Российской Визуальной Новиковой». II «Книга Записная» и «Записки» до 1687 года пользуются общим первоисточником, как доказано Тыхоновым в его прекрасном исследовании о городских летописях Сибири¹⁾. Содержание их заключается в расположенных в хронологическом порядке известиях: 1) о назначениях воевод в сибирские города, о построении городов и островов, о важнейших происшествиях в административных кругах Сибири (например, о больших смутах, о недоразумениях между воеводами), о посольствах к азиатским государям и о походах на инородцев, 2) о назначениях архиепископов на Сибирскую кафедру и об их административной деятельности и 3) о собственно тобольских происшествиях, вроде пожаров и т. п. К этому присоединены известия о выдающихся событиях обще-русских (о смерти и вступлении на престол государей, о смутном времени). В Книге Записной, составленной как показывает ее принадлежность Софийскому собору, в кругах, близких верхам церковного управления Сибири, известия, касающиеся церковных событий, представляются более подробно и полно. Источники, которыми пользовался первоначальный сводчик разнообразны. Историю завоевания Сибири он изложил по Енисейской летописи, дополнив отчасти по другим источникам. Обще-русские известия описаны преимущественно по Новому летописцу. Но главная часть труда составлена на основании официальных документов Сызьей избы и архиперейского дома. Извлеченные отсюда факты отличаются точностью, как показывает произведенная тем же Тыхоновым проверка; действительно, в делопроизводстве бывшего Сибирского приказа мне попадались многие из тех дел, на которые в летописи имеется краткое указание (напр. дело мангазейских воевод, дело кн. Телятевского и П. Мелевского, дело П. Годунова и др.²⁾). Значение этих записей, таким образом, очень большое, и нельзя не пожалеть, что они остаются во вполне оцененными и сравнительно мало использованными. В общем итоге составился систематический, расположенный по годам, обзор важнейших событий в Сибири более чем за целое столетие. Время, в которому следует отнести возникновение первоисточника этого обзора, Тыхоновым весьма убедительно определяется 80-ми годами XVII века. И по замыслу, и по исполнению разбираемое нами произведение выходит далеко за пределы «городской» местной летописи, каковой его принято обычно считать. Оно

носит обще-сибирский характер, не ограничиваясь пределами Тобольска и его разряда и охватывая всю страну в целом.

Погодные обзоры важнейших событий, в форме летописей, являются, наряду с новостями о завоевании Сибири, одним из характерных проявлений научного исторического творчества в XVII в. По их образцу составлялись подобные же своды в Сибири в течение всего XVIII в. Таков «Сибирский летописец», обнимающий события с 1590 по 1719 год и пользовавшийся, по видимому, кроме первоисточника, какими-нибудь местными тобольскими записями³⁾. «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводами и губернаторами и прочих чинах, и кто именно и в каких городах были, и кто-какой город строил и когда», доведенное до 1791 г. и напечатанное в 1792 году и др.⁴⁾.

В сущности к тому же типу искусственно составленных на основании разнородных источников летописей принадлежит и «Новая Сибирская История» И. Черепанова, доведенная им до 1759 года. Это сборник хронологически расположенных известий, заимствованных в первую очередь из «Описания Сибирского царства» Миллера (до 1619 года, так как продолжение этого труда в «Ежемесячных сочинениях» автору осталось неизвестно), из Ремезовской и Енисейской летописей, из Хронографа, Нового летописца, сочинения Новикова со вводе остатком⁵⁾ и других литературных источников. Наконец, Черепанов несомненно пользовался и летописными заметками типа Книги Записной или Новиковских Записок, а также отдельными сказаниями местного происхождения. Самостоятельное значение этой компиляции тобольского самоучки-вечечника, может быть, не очень велико, но она представляет наглядный образец вкуса и интереса образованного сибиряка того времени⁶⁾. Соединяя в одно целое рукописную литературу XVII в. с научными произведениями XVIII-го, «Новая Сибирская история» рисует конкретно постепенный переход от науки старинных московских книжников к новой науке иностранных профессоров вплоть основанной Академии. В широких кругах общества выработанные веками историческое мироощущение и старые приемы научного мышления лишь медленно уступали место методам западно-европейской науки, как медленно вообще усваивал старо-московский быт чуждую ему западную цивилизацию.

¹⁾ Напечатан в 1826 году в «Северном архиве», т. 19, №№ II и III.

²⁾ Визуальной так назыв. «городских» летописей, см. у Новикова, Опыт русской исторической географии, т. II, кн. 2, стр. 1451—1468.

³⁾ Отрывки из «Истории Черепанова» напечатаны Славским в Сибирском Вестнике 1821 и 1823 гг. и Майковым в Летописи Зам. Архистр. Комиссии, VII. О содвине же см. статью Спасового в Сибирск. Вестнике 1821, № 6 и доклад Майкова в протоколе засед. Архистр. Комисс. 11 ноября 1876 г. (Дет. арх. Ком. VII).

⁴⁾ 1-е изд. 1774—1775 г. VI и VII. 2-е изд. 1788, ч. III.

⁵⁾ Там же и в «Записки о городских летописях Сибири, часть I, летопись города Тобольска».

⁶⁾ Разбор весьма лучшего произведения сводки Тыхоновым в названном выше сочинении.

II.

ГЛАВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С XVIII ВЕКА.

Научное обследование Сибири в XVIII в. Труды акад. Миллера по истории Сибири. Их влияние на последующую историографию Сибири. Новые задачи в Сибирской историографии в XIX в.; Связь их с его «Историческое Обозрение». Будущий и его план научения истории Сибири. Четверть задачи научения Сибирской истории в начале XX в.

В XVIII веке наступает период научного изучения Сибири. Несомненно, что наблюдаемый со времени Петра Великого торгово-промышленный рост России вызвал потребность в более близком ознакомлении с обширными пространствами земли, принадлежавшими Российской короне за Уралом, и с их природными богатствами. Вместе с тем, тут отразилась общирный подъем интереса к географическим наукам в Западной Европе. ПерIOD бессознательного стихийного захвата сибирских пустыней закончился; наступал момент, когда и правительство, и общество в России начинало присматриваться к своим завоеваниям в Азии с более широкой точки зрения; России предстояло внести свою лепту в ту большую работу по последовательному исследованию поверхности земного шара, с которой ознакомился Петр при своих путешествиях за-границу и которая поразила его удивляющееся воображение. Северная Азия оставалась еще, по выражению Гмеллина, «спруженной для географов в глубокий мрак». «Вся страна слыла под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже, как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки, или отделится от нее морем»¹⁾. Таким образом, с одной стороны «явные выгоды для торговли», с другой чисто научные интересы побуждали русское правительство приступить к исследованию азиатских владений России.

(Уже в 1719 году в Сибирь был отправлен д-р Готфрид Мессершмидт: согласно договора, заключенного им с правительством, он обязывался изучить географию страны, ее естественные

произведения, этнографию и, наконец, исторические памятники и древности и, вообще, все «замечательное»²⁾. Этот план обследования Сибири любопытнее тем, что показывает направление и размах интереса, который проявлялся правительством в отношении к дикой, но много обещавшей в будущем окраине. Поистине, что выполнить его один человек не мог. В 1733 году была снаряжена обширная и научно обставленная академическая экспедиция под начальством капитана Беринга, которой ставились две задачи. Во-первых, морской состав экспедиции во главе с Берингом должен был продолжать начатые в несколько лет до того тем же Берингом исследование береговой линии Камчатки для выяснения восталенного еще Петром I вопроса о том, «сошлася ли» Азия с Америкой; во-вторых, предстояло прозвестн подробное обследование всей Сибири приблизительно по тому же плану, какой был у Мессершмидта. Для последней цели, Академия ввела в состав экспедиции лиц, способных не только к совершению путешествий, но и к тому, чтобы принести известную пользу в деле землеописания, осветить историю дотеле неизвестных стран, через которые лежал путь, и населяющих их народов и точно изучить естественную историю, познания в которой необходимы для сознательного знакомства с страной, и вообще узнать все, что имеет научный интерес»³⁾. К участию в экспедиции были привлечены историки Герард-Фридрих Миллер и позднее Иоганн-Эбергард Фишер, натуралист Иоганн-Георг Гмеллин, астроном Людвиг де-ля Иль де-ля Кройер, несколько студентов, в том числе Крашенинников, геодезисты Красильников и Попов и другие. Из них на Миллера было возложено историко-этнографическая часть обследования. Экспедиция продолжалась десять лет с 1733 по 1743 годы. Позднее, при Екатерине II, была снаряжена по-тому-же плану другая большая академическая экспедиция для обследования восточных областей империи, в которой привали участие: Паллас, Георги, Лепехин и Фальк. Таким образом, выражаясь словами Словцова, «благодаря совокупным усилиям многих ученых мужей, покрывало спало с Сибири; и она в царстве природы являлась богатою, а в общегитии человеческом не без надежды»⁴⁾.

Одним из результатов обследования Сибири в первой половине XVIII в. явились труды Миллера по Сибирской истории, долженствовавшие предетавить последовательно завоевание и заселение этой страны русскими. В 1750 г. вышел I том его «Описания Сибирского царства и всех происшедших в нем дел с начала, а особенно от покорения его Российской державе, во

¹⁾ О Мессершмидте, см. П е т р о в с к и й, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 360—362.
²⁾ Г м е л л и н, предисловие.
³⁾ С л о в ц о в, Историческое Обозрение, изд. 2, т. 1, 285—286.

⁴⁾ Г м е л л и н, Рис., I, предисловие.

они времена», в составе 5 глав. В конце 1761 г. готовы были и печатать следующие шесть глав (VI—XI), а в 1762 г. академическо были рассмотрены и одобрены главы XII—XVII, и уже, повидимому, были подготовлены на немецком языке главы XVIII—XXII. В феврале 1763 г. Миллер передал Фишеру 23 главы своего сочинения для составления из них скатоного очерка¹⁾. Из них главы VI—VIII, представляющие обзор внутренних событий в Сибири приблизительно до 40-х годов XVII в., причем отдельные стороны Сибирской истории доведены даже до 1711 г., были напечатаны в «Ежемесячных сочинениях для развлекания и пользы служащих» в 1764 г. (и на немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichte*). В тех же «Ежемесячных сочинениях» разновременно появлялись отдельные статьи, относящиеся к задуманному Миллером труду²⁾: «О первых российских путешествиях и поселениях в Китай» (в 1755 г.), «о торгах Сибирских» (в 1756—1758 гг.), «изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами, 1797 года» (1757 г.), «история о страхах при Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением» (1757 г.), «описание морских путешествий на Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненных» (1758 г.), «известие о песочном золоте в Вухарии, о чивенных для того отправленных и о строении крепостей на Иртыше» (1760) и другие. В заключение приходится отметить, что «Сибирская история» Фишера, доходящая полагание приблизительно до 60-х годов XVII века, является в сущности сокращенным переизданием соответствующих глав из сочинения Миллера. Таким образом, печатные работы Миллера охватывают фактически почти всю историю завоевания Сибири.

Значение трудов Миллера заключается не только в широте охватываемого ими периода, но и в глубокой их научности. В лице Миллера в русской историографии выступил серьезный ученый типа исследователя-монографиста, необыкновенно четко отграничавший свои задачи точным восстановлением исторических фактов. «История», говорит он: «не довольствуется одними критическими рассуждениями (гипотезами); она должна показать дела (факты), из которых иные утверждаются на подлинных, а иные на вероятных доказательствах»³⁾. «Я не требую», писал он в одном частном письме: «чтоб историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которые нельзя рассказывать и которые, быть может, мало любопытны, чтоб раскрывать их перед публикою, но все, что исто-

рик говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения»⁴⁾.

Исходя из таких принципиальных соображений, Миллер строит все свои научные выводы исключительно на показаниях источников и избегает всяких соблазнительных догадок, всего того, что ни на каких исторических известиях доказано быть не может. Все, что он пишет, по его собственному заявлению, утверждается «на достовернейших и по большей части на неопровержимых доказательствах»⁵⁾. Он поэтому уклоняется от разрешения этнографических загадок о древнейшем населении Сибири, которые в то время были в моде в научной литературе. «Лучше будет», говорит он, «чтоб древние истории о народах, за неимением основательных доказательств, в прежней темпоте оставили, нежели сообщать к ним ложное изъяснение»⁶⁾. Таковы методологические приемы, которых должен, по мнению Миллера, держаться «предосторожный и беспристрастный историк писатель». Подобные требования к русскому историку в те времена, когда еще не вполне изжиты были средневековые домыслы, и Сиповен продолжал оставаться главным пособием по истории России, являлись большим шагом вперед в области исторической методологии. Свои взгляды Миллер проводил упорно, встречая полное непонимание не только среди окружавшего его образованного общества, но даже в ученых кругах. По выходе в свет «Описания Сибирского царства», Академическая канцелярия сделала автору выговор за злоупотребление цитатами: «сумотрено», говорилось в указе канцелярии, «что в I томе Истории Сибирской... большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских, а никак не книга надлежащей величины не имела, то чрез сие накрепко запрещается, чтоб шканики копии в следующие томы не вносить, а, когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что она действительно в академической архиве хранится»⁷⁾.

Канцелярия довольно верно подметила страсть Миллера к обширным выпискам из источников. Под влиянием общих его методологических воззрений, у него складывается какой то культ источника. «Кто», говорит он в проекте предисловия к своему «Описанию»: «к архивным письмам привыкает, тот подлинно оные читать будет с удовольствием, как бы намеания читателей или причины удовольствия различны ни были»⁸⁾. Самый слог актов приводит его в восторг. Этою любовью к подлинному памятнику объясняется то, что он жалеет пропускать из него малейшее известие,

¹⁾ Пекарский, *История Академии*, I, 406—407.

²⁾ Большая часть этих статей печаталась вместе с тем на немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichte*.

³⁾ Описание Сибирского царства, стр. 36.

⁴⁾ Пекарский, *Ист. Академии*, I, 381.

⁵⁾ Описание Сиб. царства, стр. 19, 58, 9.

⁶⁾ Там же, стр. 33—34.

⁷⁾ Пекарский, *Ист. Академии*, т. I, стр. 361, ср. стр. 333.

⁸⁾ Пекарский, *Ист. Академии*, т. I, 356.

за что его нередко обвиняли (и несправедливо) в отсутствии критики. «Должность историк писателя», говорит он, «требует, чтобы подлиннику своему в приведении всех, хотя за ложное почитаемых, приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается, и здравое рассуждение у читателя возможности не отнимает»¹⁾. Поэтому, «сам себе насилые дела», он приводит баснословные рассказы Ремезова о всяких чудесах. Это требование к историку держаться всего подробностей текста объясняется, конечно, слишком свободным отношением современников Миллера к подлинникам. Даже в предисловии к «Описанию» Миллера, составленном помимо автора канцелярским, высказывается мысль о необходимости издать Сибирские летописи, «очистив прежде оные от басней, которые не принадлежат к самому делу»²⁾. Но Миллер понимал необходимость критики текста. Он отметил в «Тобольском летописце» (т. е. в Ремезовской летописи) наличие, «прибавленных» «по первом сочинении», листов, «что не токмо по письму, но и по находящимся в нем рисункам довольно явствует», и высказал предположение, «что все бывшие случаи оных времен не тогда, когда они учинились, но по прошествии многих лет по словесным только объявлением записаны», отчего могли произойти «погрешности»³⁾. Он делает резкое различие между подлинником и позднейшей копией, в которой «можно надеяться, ...что и описки ...находятся»⁴⁾.

Из Сибирской экспедиции Миллер вывез обширные и разнообразные исторические материалы. Конечно, на первом плане среди них стоит грандиозная коллекция архивных дел (большую частью в копиях), которые он собрал в Сибирских канцеляриях. Нельзя сказать, чтобы работа была произведена безупречно. Он действовал опущно: «но сознаю при том», говорил он сам впоследствии: «что я еще не очень знал все, что мне следовало требовать и о чем спрашивать; для этого нужны практические сведения, которые приобретаются только опытом». «Первоначальная моя работа», рассказывает Миллер: «состояла в том, чтоб старинные столбцы и книги расположить по годам, потом просматривать один за другим и отмечать, что следовало из них для меня выписывать... Мне только надобно было ставить знаки на полях, а в переписках, которые мне давались (из местных канцелярий)... не было недостатка, и я мог быть уверенным, что все, мною отмеченное, будет списано». Впрочем, он не сразу дошел до такой системы. Сначала, по словам его, «требовал и

¹⁾ Описание Сиб. царства, стр. 121.
²⁾ Оправдание тогдашнего ученого надзирательства см. отзыв Шлегелера, в его «Privat und öffentliches Leben», об издании Нестора Тубертон.
³⁾ Описание Сиб. царства, стр. 124, 136, 178, 180.
⁴⁾ Там же, 22.

только реестры архивным делам и по оным замечал, что мне потребно было, а где реестров не было, то переводчик и студенты дела читали и, ежели они по своему рассуждению к моему намерению и к выписке в мои книги что находило полезного, оное оособо откладывали и потом мне для пересмотру приносили». Только в начале 1736 года, начиная с Илимской архивы, Миллер изменил свой метод: «понеже архивным письмам реестру еще не сделано было, то я сам трудился в переключивании оных по годам и между тем, как реестры изготовлялись, одну книгу за другою пересматривал п, что к моему намерению прилично было, оное приказывал выписывать. Сей труд подал мне великую ясность и обстоятельное познание подлинного архивного состояния. Притом же удостоверился я, что и вверде на чужие глаза же надлежит надеяться. Потом, хотя архивы сколь велики ни были, однако, я в пересматривании оных поступал всегда вышелоказанным образом и имел от того великую пользу»⁵⁾. Таким образом, по мере работы, усовершенствовались ее приемы, и, хотя благодаря пользованию малозаметными переписчиками, в Миллеровских копиях наблюдаются большие дефекты⁶⁾, они до сих пор остаются тем более ценным пособием при изучении Сибирской истории, что многие из подлинников с тех пор пропали. Миллер не ограничился изучением одних Сибирских архивов. Убедившись, что первоначальные сношения с Сибирью шли через Чердынь, он ознакомился с состоянием местного архива; из семейного архива баронов Строгановых он извлек изданные грамоты XVI века, позволившие ему осветить роль Строгановых, о которых очень мало говорили найденные им в Сибири летописи (Евпиевская и Ремезовская); он, наконец, открыл такой ценный памятник, как Ремезовская летопись («Тобольский летописец»). Не довольствуясь русскими источниками, он привлекал также и восточные рукописи, например, «татарскую рукописную книгу Абулгазову»⁷⁾; он пользовался «сокращением Китайской истории», составленным «из наилучших китайских и манчжурских летописцев» академическим переводчиком, «искусным и трудолюбивым» Росохиным⁸⁾.

Помимо письменных источников, Миллер придавал большое значение устному преданию и умел им пользоваться⁹⁾. Он является одним из первых собирателей сибирского фольклора.

⁵⁾ Пикарева В., История Академии, I. 321—322, 325.
⁶⁾ Оглоблин, статья в «Вестнике» 1889. № 1 и № 8—9. (Герард Миллер и его отношение к первоисточникам. К вопросу об историчности Миллера).
⁷⁾ Опис. Сиб. царства, 51.
⁸⁾ Там же, 22—23.
⁹⁾ Там же, 23.
⁹⁾ Пикарева В., История Академии, т. I, 340.

как русского, так и туземного ¹⁾, и в его книге встречаются беспрестанно непосредственные ссылки на словесные источники. Так, он собрал много легенд об Ермаке; об его судах, остатках которых видны «еще и поныне» между Барачею и Серебрянкою, он узнал от «многих живущих на тех местах русских и вагулчей» ²⁾; «по словесному преданию тамошних жителей» о пещере на берегу Чусовой, в которой Ермак будто бы спрятал свои сокровища, он спрашивает людей, «которые в той пещере были» ³⁾; о том, как Ермак ехал по Чусовой «помощию распростертых парусов... на подобие словоз», ему сказывали «чуовские жители» ⁴⁾. Особенно любопытны записанные им туземные предания, в частности «словесные сказки тобольских татар; он сам говорит, что всячески «старался изведать, сколько оных еще ныне у сего народа содержится». «От многого обходительства, которое... (он) имел с разными тобольскими бухарцами и татарами», Миллер «падаеся» приобрести ценные исторические сведения, тем более, что сумел заслужить их доверие, и они «не сомневались» открывать ему свои «тайности» ⁵⁾. Так, «по словесному объяснению татар и бухарцев», он записал легенды о введении Кучумом магометанского исповедания в Сибирь и об установлении культа местных святых, «которых помнят татары и поныне празднуют» ⁶⁾. От них же он «о водлинных происшедших случаях кн. Сейдяка более обстоятельств услышал» ⁷⁾. На татарских, вероятно, устных источниках пошла в его книгу любопытная родословная спибирских сентов ⁸⁾. «Некоторый духовный человек бухарец» в Тобольске перевел ему родословие сибирских ханов из Абулгази ⁹⁾; в другом случае «некоторый ученый мунгалский Лама или поп» сообщил ему сведения о начале «Чингисова владения» из тангутских (тибетских) и мунгалских книг ¹⁰⁾. В Красноярске он нашел старика-арина, единственного человека из этого народа, говорившего еще на своем родном языке, и через него он

¹⁾ До Миллера к этому месту обращался Штраденберг, записи которого Миллер проверил при своих поездках в туземцам. Предание, в частности туземным, подделывал автор и исторических повестей XVII в., в том числе Ремезов.

²⁾ Опис. Сиб. царства, 106.

³⁾ Там же, 101. Предание об этой пещере есть и у Виталли.

⁴⁾ Там же, 102—103.

⁵⁾ Там же, 70, 193.

⁶⁾ Там же, 50—51. Соответствующие легенды существуют до сих пор среди тобольских татар и были записаны Радловым. См. Ежегодник Тобольского музея, вып. VII (К а т а н о в, Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мусульманских проповедников в г. Искер). Об «языкознании» магометанских спитяз см. там же, вып. XIV, ст. К а т а н о в а, О религиозных войнах ученых шейха Багуддина и т. д. (по рукописям Тобольского музея).

⁷⁾ Опис. Сиб. царства, 50.

⁸⁾ Там же, 58. Родословная эта записана и Радловым (см. Ежег. Тоб. Муз., вып. VII и Сибирский Сборник, 1867 г. (ст. К а т а н о в а)).

⁹⁾ Опис. Сиб. царства, 51.

¹⁰⁾ Там же, 4. Встреча Миллера с этим замой описана у Гмелина, II, 114—118.

проверил точность записанных Штраденбергом легенд о происхождении его народа ¹⁾. У тюменских татар он спрашивал про древнее название их города ²⁾, у кончующих около Байкала бурят про местонахождение легендарного Чингис-ханова «тагана» ³⁾. Он пользовался точно также бухарскими и калмыцкими караванами, ходившими между Томском и калмыцкими улусами, чтоб узнать «по своей науке разные чужестранные известия» ⁴⁾. Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, как далеко шли изыскания Миллера в области туземного фольклора Сибири, а точность его записей подтверждается многими из записей таких специалистов-востоковедов, как Радлов и Катаров.

Одной из любопытных сторон исследований Миллера в Сибирь является восстановление им на месте древней топографии изучаемой страны. Все названия урочищ, встречаемые им в актах и в летописях, он при своих поездках по Сибирь старался отождествить с существующими. В некоторых случаях оказывалось, что отдельные названия «у тобольских татар совсем из памяти вышли» ⁵⁾, но, как общее правило, он справился блестяще с своей задачей. Укажу в виде примера восстановление топографии похода Богдана Бризги ⁶⁾ или выяснение местоположения географических пунктов, упоминаемых в царской грамоте князю Лутугу ⁷⁾. По мере возможности, он на месте искал следов старинных поселений, упоминаемых в актах. Он обстоятельно описал «остатки» «столичного города» Кучума, Искера ⁸⁾, Самарово городище, ⁹⁾, следы «старинного татарского городка» под Тюменью ¹⁰⁾, «остатки солиной варницы» XVII в. ¹¹⁾ и другие исторические урочища.

Не менее любопытны этнографические исследования, произведенные Миллером в Сибирь. Он не упускал случая наблюдать обычай и нравы туземцев: в Тобольске он присутствовал на татарской свадьбе и на обряде обрезания, при проезде через различные местности вызывал к себе шаманов соседних племен и ставлял их шамажить перед собой и т. д. ¹²⁾ Эти наблюдения вылились в специальный труд: «О шрадах, праздве в России обитавших», во они давали известный материал и для историче-

¹⁾ Опис. Сиб. царства, 31—32.

²⁾ Там же, 44.

³⁾ Там же, 3.

⁴⁾ Царская грамота, Пет. Академии, I, 324.

⁵⁾ Опис. Сиб. царства, 49.

⁶⁾ См. главу III Описания Сиб. царства.

⁷⁾ Опис. Сиб. царства, 205—208.

⁸⁾ Там же, 134—136.

⁹⁾ Там же, 161.

¹⁰⁾ Там же, 213.

¹¹⁾ Ежег. Сов., 1764, авг., 20—21.

¹²⁾ Ст. у Gmelin'a, passim. Нанп. I, 136—144, 163—167, 283—288, 37—490; II, 44—46, 82—89, 351—365, 491—497, 501—506 и др.

ских суждений¹⁾. То же надо сказать о лингвистических занятиях Миллера в Сибири; он необыкновенно старательно собирал и записывал туземные наречия; так, например, в Туруханском он нарочно задержался лишнее время, чтобы дождаться прибытия аманатов-племен тавгов, чтобы познакомиться с их языком²⁾. Богатый материал по наречиям сибирских народов, собранный Миллером, был впоследствии использован Фишером.

Наконец, Миллер во время своего путешествия производил с увлечением археологические изыскания. Не без волнения читаются в книге Гуслина описания археологических открытий его и Миллера: обследование развалин ственных камыцких монастырей, вроде «Семи Палат» и Аблай-Кита, откуда вывезено было большое количество тангутских и монгольских рукописей, раскопки могил, не лишнеею опасности проникновение в пещеру, в которой будто бы была похоронена «кочевник царь» и т. д.³⁾. Результатом этой стороны работы Миллера явились статьи: «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis»⁴⁾, «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных»⁵⁾ и «Von den alten Gräbern in Sibirien»⁶⁾. Впрочем, в напечатанных исторических трудах по Сибири Миллер мало пользуется археологическими данными; при тогдашнем состоянии археологии его осторожный ум воздерживался от слишком скорых выводов на основании немногих и мало изученных вещественных памятников.

Я не касаюсь обширных исследований Миллера по географии Сибири, в частности его картографических работ. Отмечу лишь, что предварительное географическое изучение страны было необходимо для ученого, бравшегося за изображение последовательной колонизации областей, о которых еще очень мало имелось точных сведений.

Таковы разнообразные материалы, которыми пользовался Миллер для составления истории русской колонизации в Сибири. Можно с уверенностью сказать, что никто ни до него, ни после него не приступал к историческому труду с таким основательным запасом сведений, проверенных на месте и освещенных собственными наблюдениями. В обширном и равноостороннем подборе материала сказалась основная черта Миллера, как историка: «стремление к восстановлению исторического факта, строго проверенного и установленного с ригорической точностью»⁷⁾. Выписные

¹⁾ См. напр., Отс. Сиб. перств. 120. Ср. Еюже. Соч. 1704, стр. 42.
²⁾ Gsell in Reise, III, 219.
³⁾ См. напр. у Gsell'a, I, 215—217, 232—237, 241—242; II, 93—96, 108—113 и др. См. также Сибирские древности Радолова, т. I, вып. 3, где напечатаны и иллюстрации выдержки из инструкции Миллера Фишеру, касающиеся археологических изысканий в Сибири.
⁴⁾ В Commentarii Academiae Petropolitanae, X, 1747.
⁵⁾ В Еюже. Сочинениях, 4764 (перев. на нем. язык в St. Petersburg Journal).
⁶⁾ В Beylagen zum unveränderten Russland, 1770.

малейшей детали представляется ему ценным, и он ищет ее и в словесном предании, и в вещественных остатках старины, и в восточной литературе. Привычка оперировать с фактами, почерпнутыми из первоисточников, отразилась и на самых приемах его работы. Миллер любит и умеет критически разбираться в запутанных вопросах там, где у него имеются для того определенные данные в источниках; он искусно сопоставляет различные известия, сравнивает показания различных памятников и делает на этом основании осторожные и верные выводы, но только в том случае, если архивные источники дают для того достаточный материал. Для примера можно привести прием, которым он устанавливает год постройки Мангази на основании росписного списка 154 года, в котором упоминались дела «прошлых лет со 109 году»¹⁾ и т. д. Зато там, где он не чувствует под руками помощи подлинного памятника, он не старается делать остроумных догадок, и просто признается в своем неведении. Так, он не пробует разобраться в запутанной хронологии похода Ермака, и откровенно заявляет: «не намерен я пространно объявлять о находящейся здесь несправности в числе лет времени, и ниже изъяснять сомнение»²⁾. Можно сказать, что человек, привыкший работать над фактами, Миллер терпится, когда, за отсутствием таковых, ему приходится переходить к отвлеченным соображениям.

Итак, и по своим принципиальным взглядам на задачи истории, и по подбору материала, и по приемам работы—Миллер был правдив в составлении фактической истории русской Сибири, и в этом, несомненно, его большая заслуга. В то время когда за отсутствием точных исторических данных, обычного типа «истории писатель» склонен был нередко заменять собственными домыслами то, чего он не находил в источниках, и прикрывал бессодержательной риторикой недостаток научного метода. Миллер дал документально обоснованный очерк внешней истории русской колонизации Сибири, каждый факт в котором был проверен на основании подлинного памятника и каждое утверждение опиралось на большую предварительную работу над источниками.

Работу Миллера часто недооценивали и современники и потомки. Сотрудник и конкурент Миллера Фишер, популяризовавший под своим именем его последования по Сибирской истории, тем не менее, говорил пренебрежительно о его трудах, «что и подъячего посредственного разума довольно к сочинению Сибирской истории, ежели архивы прилежно прочтет и выпишет и соберет все, что слышал от сибирских промышленников»³⁾.

¹⁾ Описание Сиб. перств. 390.
²⁾ Там же, 324—326.
³⁾ Чтения О-на Пер. в Др. Рос. 1866, III (Академик Миллер и Фишер в Описание Сибири).

В наше время Миллюков видел в нем «колоссальное трудолюбие, не сопровождавшееся ученыстью». «За... беспощадную работу собирающая, часто граничащую с механической работой списывания, не мог бы взяться настоящий ученый. Здесь необходим был чернорабочий—здоровый, сильный чернорабочий, от которого ничего не нужно, кроме усердия и здравого смысла». Так характеризует он работу Миллера ¹⁾. Эта характеристика совершенно несправедлива: Миллер, конечно, не может идти в сравнение с Шлецером, создателем научной исторической критики в Европе; у него нет широких захватывающих построений; его методологические приемы не создают новых путей исторического исследования. Но он работает строго научно; его область—ученая монография, без шатких гипотез, без смелых перспектив, без широких обобщений, но обставленная научно, с хорошим знанием источников, с всесторонним изучением вопроса, с исчерпывающими данными. Он приближается к тем на историков начала XX века, которые до известной степени отказались от отвлеченных общих схем и предпочли архивную работу над определенно очерченными отдельными вопросами русского прошлого. Миллер не просто привлекает к высшей истории Сибири громадный архивный материал, но только разобрался в нем критически, но сумел на основании сырых источников дать картину последовательного хода русской колонизации в Сибири, и, какие бы поправки ни вносились в детали его работы, надо признать, что в пределах, им себе поставленных, он достиг своей цели и дал исторический обзор постепенного завоевания страны, к которому очень мало что можно прибавить, и до сих пор, кто бы ни взялся за историю Сибири, исходным пунктом является «Описание Сибирского царства» Миллера. Он создал скелет Сибирской истории, бесхитростную схему, разорвал и связав в одну последовательную нить разрозненные, нередко запутанные факты, и сделал это в то время, когда подобной работы еще не было произведено в области Русской истории в целом. Вследствие странного стечения обстоятельств, благодаря Миллеру, у нас история Сибири опередила, таким образом, историю всей России. Эти свойства работы Миллера, отразились на дальнейшей разработке Сибирской истории. Все последующие ученые в значительной степени оказывались в зависимости от его «Описания» и от собранных им материалов. Выдадена готовая канва истории Сибири, научно обоснованная, отчетливая и точная, а в неиссякаемых портфелях Миллера был готовый подбор материалов. Не требовалось ни новых архивных поисков, ни тем менее коренного изучения вопроса заново.

¹⁾ Миллюков, Главные течения русской истории, записк (изд. 1898 г.), I, 81—82. Автор, повидимому, находится под влиянием технок, но по поводу беспристрастных отзывов о Миллере Шлецера (Schlözer's öffentliches und privat Leben, 1865).

Первым использовал наследие Миллера академик Фишер ²⁾, которому в 1753 году сам Миллер передал готовые главы своего сочинения для составления из них сокращенного издания, рассчитанного на более широкую публику, чем написанное для специалистов «Описание Сибирского царства». Участник Камчатской экспедиции, сличком ленивый, самопадевший и неуравновешенный, чтобы братья за самостоятельную работу, к тому же совсем не специалист по русской истории (он был хорошим лингвистом и посредственным востоковедом), Фишер отнесся к своей задаче совершенно формально. Вышедшая в 1757 г. на немецком языке, а по смерти его в 1774 году на русском языке, ее «Сибирская История» самого открытия Сибири до завоевания его земли российским оружием представляется в сущности сокращенным пересказом соответствующих глав Миллера. Написанная без тщательного научного аппарата, без излишних подробностей, она, повидимому, отвечала потребностям неприхликого к серьезному чтению общества, тяготевшего слишком длинными цитатами у Миллера и его научным рассуждениям. Весь план работы, весь фактический материал—все заимствовано у Миллера, на что, впрочем, Фишер откровенно указал в предисловии к немецкому изданию ³⁾. За исключением незначительных разногласий, Фишер вносил от себя лишь рассуждения об древней этнографии Сибири, от которых в свое время осторожно воздержался Миллер, но которые тоже основаны на его материалах.

Позднее Карамзин привлёк несколько новых источников по истории Сибири (например, Строгановскую летопись, которой он с основанием придавал крупное значение), но легко убедиться, что и он идет по стопам Миллера, который служит ему этнографический и в дробях Сибирской истории. При просмотре примечаний к соответствующим отделам «Истории Государства Российского», видно, что даже там, где он не называет Миллера, он в сущности повторяет его, и всюду, между строк, выглядывает лицо первого историка Сибири.

Не только современники, как Фишер, и писатели близкие к Миллеру по времени, как Карамзин, находились в зависимости от него, но и гораздо позже исследователи древней Сибири продолжали оставаться под сильнейшим влиянием трудов Миллера. Начать с того, что основным фондом, из которого долгие время черпались материалы для истории Сибири оставались коллекции документов, вывезенных из Сибири. Его неистощимые портфели, хранящиеся в Петербургской Публичной Библиотеке и в Московском Архиве б. М-ва Иностран. Дел, симблизили в течение всего XIX века издателей исторических актов

²⁾ Шекарекин, История Ивн. Антона Паук, I, 368, 682, 635. Для характеристики Фишера см. там же, 64, 619—622.

³⁾ В русском издании предисловие не было помещено, благодаря чему за «Историей» Фишера установилась слава самостоятельной работы.

богатым подбором сибирских документов. Отсюда по большей части, заимствованы акты, напечатанные в Собрании Госуд. Грамот и Договоров, в Актах Исторических и в Дополнениях к ним, во II томе Русской Исторической Виблотехи (вышедшем в 1875 г.), в Памятниках Сибирской Истории (изданных Археографической Экспедицией в 1882—1885 гг.) и даже в Актах времени царствования Василия Шуйского, изданных Гневушевым в 1914 году. «Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири» Архива М-ва Иностр. Дел., составленный Пущило в 1879 г., в сущности представляет собою почти исключительно перечень документов из тех же Миллеровых портфелей с очень небольшими и далеко неполными указаниями на документы, хранящиеся в других отделах того же архива. С выходом в свет «Полного Собрания Законов» к собранию Миллера присоединилась напечатанная в этом издании коллекция официальных документов, относящихся к Сибири. В 1866—67 гг. известный исследователь Сибири Потанин печатал в «Чтениях О-ва Истории и Древностей Российских» под заглавием «Материалы для истории Сибири» экстракты из архивных дел XVIII века, и только в 80-х годах начинаю печататься в более или менее большом количестве материалы, самостоятельно извлеченные из дел Сибирского Приказа, хранящихся в Архиве б. М-ва Юстиции¹⁾. В 1889 году известный знаток делопроизводства этого Приказа Н. Н. Оглоблин впервые обратил внимание на дефекты в Миллеровских списках и высказал мнение о необходимости издать подлинники²⁾.

Не менее продолжительно было влияние трудов Миллера на приемы разработки и на общее построение Сибирской истории. Им продолжали пользоваться исследователи в течение всего XIX века. Примером могут служить вышедшие в 80-х годах работы Щеглова и Андреевича. Щеглов составил «Хронологию Сибирской истории», нечто вроде годовой летописи Сибири с XI века до 1882 года, труд очень добросовестный и не лишённый пользы справочник. В основе этого справочника, посколькo дело идет о XVI и XVII веках, у него положен Миллер. Еще ярче зависимость Андреевича от Миллера. Написанная им «История Сибири»³⁾ (от древнейших времен до воцарения Елизаветы Петровны) является незамысловатой компиляцией из не очень многочисленных, известных ему, исторических трудов по Сибири.

¹⁾ Рус. Ист. Библ., т. VIII, 1884 г.

²⁾ Оглоблин, Описание списков в книг Сиб. Приказа, I, 10. Его же статьи в Виблотехе 1889, №№ 1, 8—9.

³⁾ Вышла в 1869 году, кроме того им выпущены «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года» (1881), «Особое и самостоятельное истории Забайкалья» (1865), «Исторический очерк Сибири по дальним предельным воинам Сибир. Экспедиции», т. II и III (1866—67), «Сибирь в царств. Екатерины II», 2 ч. (1867—69), «Сибирь в XIX в.» (1889).

Он стоит всецело на почве «Описания Сибирского царства» и его продолжения в «Ежемесячных Сочинениях» и у Фишера; его не коснулись даже богатые материалы по истории Сибири того же Миллера, напечатанные Археографической Комиссией и использованные отчасти Соловьевым в «Истории России». Не только подбор фактов, но и самый план (для истории XVI и XVII вв.) им заимствован рабаки у Миллера. Там, где кончаются данные Миллера, он пользуется Полным Собранием Законов и Щегловым. Еще менее затейливы другие его работы, обнимающие историю Сибири в XVIII и в первой четверти XIX века, на которых отразилось отсутствие руководящей схемы, какую для предыдущих исследований давал ему Миллер.

При всех своих достоинствах труд Миллера, однако, не удовлетворяет всем требованиям русской исторической науки XIX в. Давая прекрасную руководящую нить для дальнейших работ, Миллер рисует лишь внешнюю историю колонизации Сибири и совершенно не касается внутренней стороны этого процесса. Он сделал первую необходимую работу, без которой невозможно было бы изучение прошлого Сибири по существу, он облегчил своим последователям это изучение, но очень рано, уже в 30-х годах XIX века, явилась потребность глубже вынуть в процессе заселения Сибири русским элементом и в связанные с ним явления. Первую попытку в этом направлении сделал ученый сибиряк, Петр Андреевич Словцов.

Словцов—чрезвычайно интересная фигура. По своему воспитанию, по мировоззрению это типичный человек XVIII века, питомец духовной семинарии, впитавший в себя все недостатки семинарской схоластики с тем рационалистическим налетом, который восприняло официальное богословие эпохи господства «Разума»; по методам работы и еще более по постановке вопросов—это вполне ученый XIX века. Представитель условной учености духовной школы, друг и товарищ Сперанского, учитель философии и элоквиенции в Тобольской семинарии, он в середине 90-х годов XVIII столетия привлек внимание тобольского общества своими проповедями эти проповеди, составленные в стиле тогдашнего духовного красноречия с некоторым уклоном в сторону того легкого литературного либерализма, который характерен для эпохи Екатерины,—мечта ума, бредящего будто сквозоз сон, вкладывающегося то к вере, то к суемудрию и всегда старающегося прикрыться темнотою речи, чтобы не была замечена пустота его», как выразился не без некоторого основания один из его духовных критиков,—имели большой успех и раз едва не навлекли на него кару за заключающиеся в одной из них «мечты невольнительные». Словцов был вызван к ответу в Петербург, но последовавшая смерть Екатерины положила конец начавшемуся было делу, и в дальнейшей мы видим его с 1797 по 1808 г. в роли неудачного чиновника при канцелярии генерал-прокурора. Ка-

кая-то неосторожность или недобросовестность с деньгами, несколько похочая на взятку, прервала его службу в Европейской России и бросила его опять в Тобольск. В смысле, числясь в штате тобольского генерал-губернатора, еще веря в покровительствую всемогущего Сперанского, он тяготился своим изгнанием и рвался обратно в Петербург, пробовал даже вернуться туда без разрешения в шите генерал-губернатора Пестеля, но был возвращен с пути. Человек, перед которым мелькнула было блестящая карьера, покорился судьбе, служил в Сибири, свыкся с своим положением, привыкся изучать Сибирь, ее настоящее и прошлое, много ездил, много наблюдал и читал все, что попадало под руку. Уже в 1826 году появились его «Письма из Сибири», а в 1830 году «Прогулка вокруг Тобольска», написанные в искусственном тоне сантиментальных путешествий XVIII века с вводными разговорами, с рассуждениями на высокие темы, но выражающие самобытный интерес этого своеобразного самоучки к географии и истории Сибири. Наконец, «праздний в старости и свободный от сует», он привыкся за оставление своего капитального труда, которому он присвоил «скромное полуимя» «Исторического Обозрения Сибири», вышедшего в свет в 1838—1844 гг. ¹⁾

По внешней форме «Обозрение» является произведением XVIII века, написанным в велепом стиле ученических семинарских работ того времени. Читатель, при первом знакомстве с его книгой, выносит чувство недоумения и с трудом разбирается в его запутанном, порой претенциозном, порой наивном изложении. На каждом шагу встречаются неожиданные риторические отступления. Автор то и дело погружается в религиозные размышления: «о вечный!», восклицает он: «если твоей лучезарный шар в так превосходной степени благотворен на края полушарной окраины, сколь неизреченно ты сам превосходный в благословенных видящих и постигаемых, но более непостижимых, хотя и видимых» ²⁾. По поводу недолговечности губернского разделения Петра, он пускается в рассуждения о бренности земного: «такова судьба человеческих творений! Единую боту принадлежат раз навсегда сказать: да будет свет! и бысть свет навек» ³⁾. Он любит моральные сентенции: «ненасытный человек, для чего тяжкие опыты нужны тебе и мне», говорит он по случаю ссылки гетмана Самойловича: «чтобы увериться, какой малости довольно для здоровья и здорового духа» ⁴⁾. И на ряду с этим мелькают рассуждения в духе рационалистической философии XVIII века; он пишет, например, про «народ, дикий, между собою

только свыкшийся, как табуи стених лошадей, без правды естественной, без понятия о человеческом праве собственности, вовсе незнакомый с нравственною честью» ⁵⁾. Иногда проявляются порою страсть к причудливым литературным оборотам: «история», говорит он: «осклабляется без осмеяния, как и пересказывает без злости» ⁶⁾. Но из-за этой старомодной и непривычной нам формы проглядывают острый взгляд умного наблюдателя и тонкая мысль ученого, ученого, может быть, лишнего школы (так как семинария не дала такой школы), но обладавшего природным здравым смыслом и нутем самостоятельного размышления сумевшего стать на высоту чисто научных заданий. Словцов пришел к заключению, что Миллером дело «сделано в половину». «Касательно повествования о приобретении, заселения и дальнейшем завладении страны от Урала до Алячической губы», говорит он: «то дело сделано Миллером, светльшником архивов, уже истребленных огнем и временем» ⁷⁾. Он и Фишер «передали памяти все происшествия, с первых дней покорения Сибири с такими подробностями, какие по маловажности дел едва ли уместятся в историю, ищущей общих или решительных взглядов» ⁸⁾. Очертив современное положение вопроса об истории Сибири, Словцов ставит вопрос: «что остается делать?» И отвечает, что надлежит «возобновить в памяти сибиряков изменившийся состав управления... напомнить постепенность мер и видов правительств, более или менее посеществовавшего благоустройству или безопасности страны, выставить учреждения, ускорившие или замедлявшие проявление сил жизни, более всего представившие жизнь частную и общественную». Иначе говоря, он ставит себе целью изобразить внутреннюю историю колонизации и эволюцию форм общежития на сибирской почве: «он мыслит», говоря его словами, «что это зов его, единичный из-под развалин 250 лет» ⁹⁾. В процессах, сопролождавших колонизацию, он ищет «единство не техническое, но внутреннее, живое единство, которому по временам почует голос народный и постоянно само правительств» ¹⁰⁾. Задача историка и заключается в том, чтобы выявить это «единство»: «протянуть через данное пространство времени нить историческую» ¹¹⁾. Для Словцова основным фактом, которым объединяются разрозненные исторические явления, представляется распространение культуры, которая олицетворяется для него в двух полях — «правосудия» и «правоислания». Медленные успехи культуры изображаются им, как «борьба с духом мира, повидному

¹⁾ Обозрение, 2-е изд., I, 100.

²⁾ Там же, I, 125.

³⁾ Там же, I, предисловие, XX.

⁴⁾ Там же, I, 285.

⁵⁾ Там же, I, предисловие, XXI.

⁶⁾ Там же, II, предисловие, VII—VIII.

⁷⁾ Там же, I, предисловие, XXVIII.

¹⁾ Биографические данные о Словцове собраны в предисловии ко 2-му изданию «Обозрения». Библиографию о Словцове см. у Б а к а я, Памяти П. А. Словцова, как историка Сибири.

²⁾ Обозрение, 2-е изд., I, 298.

³⁾ Там же, I, 161.

⁴⁾ Там же I, 176.

побеждаемым и вечно вопиствующим». Радикалист, как все люди XVIII в., в этой борьбе он приписывает главную роль организованным социальным силам: государству и церкви, и следит внимательно за тем, «какие меры вновь приняты правительством для правосудия, и какие успехи ознаменованы силами церкви в деле православия». Но смутно он слышит в изучаемых событиях и «голос народный» и своим своеобразным тяжеловесным языком отмечает роль масс и сложность факторов в изучаемом им процессе: «в духе целой страны или толпы, который еще не сложился», говорит он по этому поводу: «не видно общего цвета». В общем итоге, как он и отмечает в заключении своего II и последнего тома, все его изложение имеет целью показать, «далеко ли подвинулись в своем шествии православие и правосудие, неразлучные подруги народного благоденствия»¹⁾.

Перенос центр изучения с внешней истории на внутренние процессы, Словцов естественно должен был группировать исторические факты иначе, чем это делали его предшественники. Его интересует не хронологическое перечисление фактов, а их внутренняя связь. Так, он рассматривает колонизацию в известной схеме, «не по преемству времени, а по порядку и падению рек»²⁾. При этом он делает выбор из этих фактов, отмечая, как мы видели, те, «какие по маловажности дел едва ли уместятся в историю, ищущей общих или решительных взглядов»³⁾. Рассматривает он их исключительно со стороны их внутреннего содержания и тех идей, которые в них выявляются. Например, тракаты с соседними государствами представляются ему «единою спорною»: «самое ядро заключается в помислах, какие правительство тало или выражало в рассуждении южно-сибирских соседей»⁴⁾.

Исходя из таких общих соображений, Словцов всю историю Сибири разбивает на четыре периода: 1) до 1662 года, 2) с 1662—1709 г., 3) с 1709—1742 г. и 4) с 1742—1823 г., и внутри этих периодов группирует отдельные вопросы, по существу, а не хронологически. Система, по которой им рассматриваются явления каждого периода, впрочем, не выдержана. Для первых периодов (до 1709 года) он держится следующего плана. Во-первых, он изображает «обстоятельства Сибири» за данный период, т.-е. дает очерк «возобладания Сибири» и «обзор заселения и завоевания страны» и условий колонизации («бедствия народныя» и «забавы»); далее описывает «судреждения» и «узакопления»; под эту рубрику подходят финансовые меры правительства, организация торговли и десятинной пашни, пути сообщения и т. д.; последним отделом являются «следствия»; под этим словом

Словцов понимает те новые факты, которые явились результатом колонизации: сношения с азиатскими народами, торговля, состав и численность колонистов. Этого плана, не лишенного единства, автор уже не держится при описании двух последних периодов (с 1709—1823 г.). Тут он располагает материал по следующим рубрикам: 1) географический очерк Сибири, 2) завершение процесса завоевания страны и сношения с соседними государствами, 3) организация управления («о составе управления» в III периоде, «разделение Сибири на две губернии с общими на нее взглядами» в IV периоде), 4) государственное хозяйство Сибири («о умножении государственного богатства» и мероприятиях правительства в хозяйственной области), 5) просвещение («в двойном значении: распространение христианства среди инородцев и просвещение среди русского населения»), 6) торговля и промышленность; горные промыслы, искусства, 7) быт поселенцев («жизнь Сибирская») и 8) сведения об отдельных городах и местах.

При всей невыдержанности общего плана, основное направление проявляется в нем с достаточной последовательностью. Работа была задумана широко и на новых началах. Предполагалось дать полную и систематически наложенную картину внутренних процессов, которым сопровождалось продвижение русской народности по территории Сибири. Другой вопрос, насколько Словцов справился с поставленной им самим себе задачей? Его труд для его современников-сибиряков явился своего рода открытием, ключом к пониманию прошлого их родины, но, конечно, в целом задача им не была и не могла быть выполнена. Причиной тут была, во-первых, скудость имевшихся у него материалов. Для XVI и XVII веков источником его знаний служили почти исключительно Миллер и Полное Собрание Законов. «Я тупицел», говорит он про себя: «который пользовался услугами чужих упражнений и не умел в свое время поставить себя в доступность к архивным папкам»¹⁾. Даже Актами Археогр. Экспедиции он не смог воспользоваться, так как получил их «поздно», «по совершешом изготовлении I части Обзорения. Отсюда, случайность и неполнота сообщаемых им фактов, пробьены по многим существенным вопросам». Отсюда, наконец, ошибки вследствие прямого незнания: так десятинную мяжку рухляд он считает формой ясака, деньги отождествляет с копейкой, оспаривает открытие Дежнева «по неказанности права» и т. и. Далее, сильно дает себя чувствовать отмеченный выше недостаток научной школы. Природный здравый смысл никогда не заменял ему такую школу: он, например, обратил внимание на «проевличенное показание Никонского летописца намест дани Едигеровой», которое до сих пор принимается многими

¹⁾ Обзорение, 2-е изд., II, предисловие, VIII и 292.

²⁾ Там же, I, 21.

³⁾ Там же, I, 265.

⁴⁾ Там же, I, 166.

¹⁾ Обзорение, 2-е изд., I, предисловие, VIII.

последователям на веру ¹⁾). Но чаще всего это отсутствие методологических приемов делает его работу бесплодной, и не всякое его критическое и научное соображение устояло, употребляя его выражение, «при настоящей археографической перетруске». Одной из любопытных сторон его труда являются статистические выкладки; можно сказать, что он одним из первых приложил к историческому труду приемы статистического исследования, но если позднейшие статистические данные, сообщаемые им, интересны и важны, то для раннего времени они совершенно фантастичны. «Представление Сибирской населенности в числах», говорит он: «есть дело соображений, потому что ни летописи, ни грамоты древние, дошедшие известны, не помогают этому делу». Он, как сам сознавался, не мог «быть столько хладнокровным, чтобы не пожелать доискаться, сколь людна была Сибирь в I и во II периодах, дабы самым усиленным изысканиями дойти до указанной населенности», но «основания», по каким он брал ту или иную цифру, в научном отношении не безупречны. Он сам говорит, что «опытно» находил число духовенства, казаков и чinov управления, «потому что не было острога, не говоря о городе, без священнослужителя, не было острога: без начальника и подъячего, не было зимовья без полудюжины казаков». «Вот данные для счисления трех сословий, а счеты прочих пополнил произвольно приглядами. Ведь сибиряки не из земли выросли!» ²⁾.

Однако, все эти дефекты в значительной степени оправдываются широтой и свежестью плана, правильностью и чуткостью кругозора и особенно той любовью, с которой Словцов подходит к своему предмету. Он любил Сибирь и «принимал к сердцу как усмешку, так и скорбь родины». «История страны невеселой, зима среди нестрых нравов и обычаев, без мечтаний славы, без проливной гениа, без побед, без политики, история, не выдавшая у себя великих мира, кроме великих изгнанников его, наследовавшая, вместо Элдорских храмов, одни курганы и непрочитаемые на утесах писаницы», много говорит этому отзывчивому сибиряку ³⁾. Другая черта его работы: ее непосредственность. Он привык писать о Сибири, зная ее не по книгам, «исчертив Сибирь разъездами» ⁴⁾, и это чувствуется всюду. У него много добродушной наблюдательности умного старика. Попадаются меткие характеристики его соотечественников-сибиряков. Вот, например, характеристика сибирской речи: она — превосходна. «Сибирский разговор», пишет он: «ленив и холоден, но без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с чумом и весом, и, к

сожалению, темноват по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль. Переважался из Екатеринбурга в Тобольск, замечаешь чувствительную разницу в разговоре и от того, что он свертывается в домашний и томится около своих муравейников. В Иркутске тем чувствительнее разлика, чем далее от России... «Наше наречие», пишет он в другом месте: «судержало обветшалые слова, утолщилось самодельные и переизменило ударение многих» ¹⁾. У Словцова есть много сленгов нравов, списанных с жизни, и он нередко незаметным образом переходит в мемуарный тон, отдаваясь воспоминаниям о тех временах, когда «в дни губернаторства (Чичерина) столько величавого, сколь благоверного» он, будучи «в отроческом возрасте», слышал, как Чичерин, «спроходо сквозь ряды учащихся, отвечал на латинское приветствие латинскими словами» ²⁾.

Словцов правильно поставил задачу, но он же ясно показал, что с различными материалами разрешить ее нельзя: необходима была предварительная работа по первоисточникам. Еще в 1886 г. Семеновский по поводу нового издания «Исторического Обозрения Сибири» должен был отметить, что наука мало ступила вперед за истекшие полвека с момента появления в свет этой книги и что остаются неизученными обширные материалы бывшего Сибирского приказа. Ему представлялось «не мало чрезвычайно важных вопросов, ждущих разрешения: «история колонизации Сибири, не ограничивающаяся одной хронологией населенных мест... а исследующая этнографическую и экономическую сторону этого явления, история крестьян..., история городской жизни, история сибирского казачества, история торговли, цен, домашней жизни и проч.» ³⁾. Нетрудно усмотреть, что это в сущности плад, по которому мечтал построить свое Обозрение Словцов.

Первая попытка подойти к разрешению поставленной Словцовым задачи на основании полного и всестороннего изучения дел Сибирского приказа была сделана проф. Вудинским в его книге «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» (Харьков, 1889 г.) и в дополняющих это исследование статьях в Записках Харьковского Университета за 1893 год. Замысел Вудинского чрезвычайно интересен. Он пришел к заключению, что, прежде чем писать историю Сибири, необходимо всестороннее монографическое изучение отдельных уездов, из которых складывалась Сибирь. В изданиях им сочиненных он успел пронавестить такую предварительную работу для уездов Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Целинского, Березовского, Нарымского, Сургутского, Котского и Мангазейского за период «от начала

¹⁾ Обозрение, 2-е изд., I, предисловие, XVII.

²⁾ Там же, I, 83—84. На своеобразные научные приемы Словцова мало обращали внимания позднейшие исследователи, охотно пользовавшиеся его статистическими выкладками.

³⁾ Там же, I, предисловие, XXI.

⁴⁾ Там же, I, 169.

¹⁾ Обозрение, 2-е изд., I, 69.

²⁾ Там же, II, 294.

³⁾ Сибирский Сборник, 1886 г., кн. III.

завоевания этого края до конца царствования Михаила Федоровича. Мысль в основе была верная, по понятию, что одному исследователю была не под силу грандиозная задача детального изучения за такой обширный период времени громадного материала, сохранившегося по этим уездам. Поэтому автор не успев произвести более или менее глубокого обследования, не исчерпав имеющихся в его распоряжении архивных данных; он скопировал по документам, ознакомился урывками с отдельными из них, ограничился примерными и случайными цитатами — словом, не выполнил намеченной задачи. Вместо исследования об отдельных уездах получились отрывочные сведения о различных сторонах уездной жизни. К этому приходится прибавить, что спешность громоздкой работы не позволяла достаточно тщательно выискать в существе изучаемого материала. Отсюда не всегда достаточно строгое критическое отношение к источникам, небрежность цитат; отсюда нередко ошибки вследствие невнимательного чтения текстов. Наконец, главы, имеющие целью свести во единую нестройный материал, рассеянный по отдельным монографиям, поражают слабостью общего исторического кругозора и элементарностью построений. При всех указанных недостатках книга Вуцинского и его статьи представляют крупный шаг вперед в деле изучения Сибирской истории. Помимо того, что он наметил по существу правильный план этого изучения, он осветил бывший до тех пор в ходу материал, привлек новые и свежие архивные данные, проткнул слегка завесу, скрывающую от нас подлинную старую Сибирь. Лучше других его монография, посвященная Мангазею, может быть, потому что этот уголок Сибири сам по себе особенно интересен и богат бытовым материалом. Эта свежесть материала делает исследования Вуцинского необходимым пособием при изучении истории Сибири и позволяет забывать пробелы его научной работы и некоторую зашнурованность его научного мышления.

Дальнейшая разработка Сибирской истории в настоящее время облегчается выходом в свет в 1895—1901 годах превосходного «Обозрения етодцов и книг Сибирского Приказа», составленного Н. Н. Оглоблиным. Это «Обозрение» фактически открыло для науки громадную коллекцию документов по истории Сибири, хранящуюся в Архиве б. М-ва Юстиции, и должно служить путеводной нитью в лабиринте дезорганизации Сибирского Приказа для последующих исследователей. Сам Оглоблин, занятый над своим «Обозрением», не мог воспользоваться теми обширными познаниями, которые он приобрел в течение многолетней работы, и лишь, по собственному его выражению, «нимолоходом» касался отдельных, большую часть, незначительных вопросов в статьях, разбросанных в научных журналах. Зато он сделал возможным для других серьезное и систематическое изучение истории Сибири.

Появление «Обозрения» Оглоблина, вскрывшее разнообразие и многочисленность архивных материалов по Сибири XVI и XVII вв., поставило снова на очередь вопрос о делах и о методах Сибирской историографии.

«Ближайшие задачи исторического изучения Сибири» были формулированы Головачевым в статьях, появившихся в Журнале М-ва Народного Просвещения в 1902 — 1905 гг. ¹⁾ Эти задачи, по его мнению, следующие. Во-первых, подлежат изучению «сложные и трудные вопросы, вызываемые отдельным прошлым Сибирской окрестности: исторические судьбы Сибири до русских», говорит он: «представляют еще неразгаданные и неразобраные страницы». Вторым является «вопрос о сибирском летоисчислении», который он не без основания считает далеко не разрешенным. Наконец: «воспроизвести перед потомством эту замечательную по внутреннему содержанию эпоху (XVII век), проследить малозаметные органические процессы народной жизни во всех ее проявлениях в этот период — вот задача историка, трудная, но вместе с тем благодарная, потому что в этом случае окрестная история является ценным выясняющим вкладом в историю общерусскую». «Эти, можно сказать, самые важные главы Сибирской истории», говорит он: «представляют в настоящее время зияющий пробел. Здесь нет даже груды беспорядочно разбросанных киричек — здесь мы находим только перничную материю, из которой сначала должны быть сделаны кирички, а из них впоследствии можно будет соорудить и самое здание». В таких, немного вычурных, выражениях Головачев указывает на необходимость предварительной монографической разработки отдельных вопросов по истории Сибири. Он тут же и вычерчивает примерный перечень таких очередных вопросов. 1) «Вопрос о заселении Сибири, конечно, должен быть краеугольным камнем при изучении жизни этой окрестности». Эту основную тему он расчленяет на следующие: а) необходимо разработать имеющиеся в архивах «ценные материалы о земледельческой, народной колонизации»; б) «невольная осмысленная колонизация Сибири представляет крупный вопрос местной истории, очень плохо разработанный»; в) «колонизационная роль зверопромышленников также достойна внимания исследователей»; д) «роль сибирских монастырей в деле заселения края также ожидает еще своего исследователя»; е) «наконец, служилая колонизация намечена лишь в общих чертах, преимущественно с внешней, фактической стороны, в являясь более крупная, между тем как мелкие, хотя и более типичные, пока остаются в тени». 2) Во-вторых, «в тесной связи с колонизацией Сибири стоит обширный ивородческий вопрос, как следует, не разрешенный и в наше время.

¹⁾ Журн. М-ва Нар. Пров. 1902, № 9 (Ближайшие задачи историч. изучения Сибири), 1905 № 10 (Желательный тип сборников материалов для истории сибирских городов XVII века).

Это в полном смысле слова один из больших вопросов не только для Сибири, но и для всей России». 3) Требуют изучения «вопросам финансового управления» и «история торгового и промышленного движения в конце XVII и начале XVIII веков», в частности «торговые сношения старинной Сибири с Бухарией и другими среднеазиатскими ханствами» и, наконец, 4) «подробное изучение документов воеводского управления должно открыть много новых оригинальных черт». «Итак, монографии по указанным выше вопросам на основании, главным образом, архивных материалов— непосредственная задача лиц, занимающихся изучением истории Сибири».

Таковы очередные задачи Сибирской историографии, как они вымались к началу настоящего столетия. В дальнейшей разработке намеченных вопросов главная роль принадлежит, разумеется, самой Сибири, в частности вновь возникшему Иркутскому Университету. Уже в 1886 г. Семевский писал, что «для развития сибиреведения вообще и Сибирской историографии в частности, самым лучшим толчком несомненно будет с таким нетерпением ожидаемое открытие Сибирского университета», и выражал уверенность, что «университет на далекой русской окраине даст много новых работников для столь действительно необходимого изучения того своеобразного мира, который носит название Сибири»¹⁾. Первым опытом молодого Иркутского университета в этом направлении является «Очерк Истории Сибири до начала XIX в.» проф. Огородникова, I часть которого, посвященная «до-русской Сибири», вышла в 1920 году²⁾. Не задаваясь целью самостоятельного исследования, эта книга представляет из себя попытку собрать и систематизировать результаты предшествующей работы и представить ход сибирской истории в свете последних научных изысканий. Подводя «итоги всей научной разработке Сибирской истории», она является заключительным звеном в той работе по изучению прошлого Сибири, начало которой положено трудами Миллера и Слоцова.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

ПУТИ В СИБИРЬ В XVI—XVII вв.

¹⁾ Сиб. Сборн. 1886, III.

²⁾ II часть должна быть посвящена «завоеванию и заселению русскими Сибири, положению в ней русского и инородческого населения, областному управлению и хозяйственному быту и нравам сибирского общества в XVI—XVIII вв.». Одна глава этой II ч. издана в виде отдельной статьи под заглавием: «Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв.». Дополнением к ней является другая статья, вышедшая в 1922 г., «Из истории инородческих волостей в Сибири». Наконец, в том же 1922 г. вышла брошюра Огородникова: «Из истории инородцев Сибири (Полонские Юагирской земли)», находящаяся в связи с общей темой его исследования.

I.

ПУТИ ЗА УРАЛ В XVI—XVII вв.

А. Печорский «чрезкаменный» путь. Его направление. Новгородские пути в Югру. Пермская епархия на Выми. Захват Печорского пути Москвою. Промышленные поселения на Печоре (Усть-Цильма, Ижма, Пустозеро). Русское продвижение «чрезкаменным» путем за Урал. Таможни на «чрезкаменном» пути: Ижемская, Обдорская и Собенская, Киртасская. Условия перевала «через Камень». Статистические данные о движении «через Камень». Закрытие «чрезкаменного» пути.

Б. Морской путь. Его направление. Условия плавания по Ледовитому океану. Судьбы морского пути в XVII веке.

В. Камские пути. Лозьинский путь. Чусовский путь в XVI в. Колонизационная деятельность Строгановых, их роль в деле захвата Чусовского пути. Чусовский путь в XVII в. Верхотурский путь. Данные о движении через Верхотурскую таможенную заставу. Путь через Кушгур. Образование Екатеринбургского тракта в XVIII в.

Русские в своем движении за Урал или за «Камень», как его называли в XVII в., воспользовались двумя большими водными путями, которые с незапамятных времен связывали Восточно-Европейскую равнину с Северо-Азиатскою. Этими путями были реки Печора и Кама с их притоками.

Русским раньше сделан доступен путь по Печоре, известный в XVII в. под именем «чрезкаменного» или просто пути «через Камень». Важность его заключалась в том, что через посредство Северной Двины и ее притоков Юга и Сухоны, получающих начало из Алаунской возвышенности, он был связан с центром русской равнины, а восточными притоками Печоры подходил к Уральским горам, образуя водораздел между бассейном этой реки и бассейном Оби. «Чрезкаменный путь» шел в XVII в. от Устья вверх по Вычегде до впадения в нее р. Выми, далее вверх по Выми и по ее притоку Тетере (теперь Шом-Вуква) и по Говнюхе. С верховьев Выми переходили «Вымским волоком» на Ухту, приток Ижмы, и спускались по Ижме до впадения ее в Печору. От устья Ижмы путь резко поворачивал на восток и подымался вверх по Печорде.

Вблизи устья Ижмы происходило соединение с одним очень важным разветвлённым «чрезкаменного» пути, связывавшим Печору с Мезенью, с Пинегой и с Двиною. Из устья Двины можно было либо ехать морем вдоль берегов до устья Мезени, либо въехать в устье Пинеги, подняться вверх по Пинеге до Пинежского волока, соединявшего Пинегу с Кулоем; перетащив суда на Кулой, спускались вниз по Кулою до впадения его в море, отбавляя мыс и входили в р. Мезень. Далее путь лежал вверх по Мезени до р. Пезы и рекою Пезою до так называемого «Пезского волока». Пезский пятиверстный волок приводил до озера, из которого обычно или рекою Рубихою в Чирку, приток Цильмы, впадающей в Печору. Существовал, впрочем, и другой путь из озера волоком прямо в Цильму. Цильмою входили в Печору. Мезенский путь, связывавший северное побережье восточного Поморья с большой дорогой через Камень имел очень большое значение в экономической жизни страны. Иногда им пользовались даже при проезде с Печоры на Устюг, «для того, чтоб ити к Русн людям, а не пустыем местом».

От устья Цильмы и Ижмы «чрезкаменный» путь шел вверх по Печоре и далее по Усу. Из Усы въезжали в ее приток Собь и из Собы в Елец или Ель. Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Собы, впадающей в Обь.

«Каменный волок», которым производился перевал через Уральские горы, прерывался семью озерами, в промежутках между которыми приходилось волочить лодки и переносить поклажу на руках. Ни как-де они будут на Камени, речкою Собью», говорится в одном документе 1641 года о березовских служилых людях, ехавших из Сибири: «... пришил к первой обводному волоку, и учали государеву казну носить через волок на речку на Елец на понизкую воду». Перевалив через Урал, Обскою Собью входили в Обь, «а иной дороги, oprичь Собы реки, через Камень летним путем нет».

От устья Собы было два пути, либо вверх по Оби на Березов и на Тобольск, либо вниз к Обскому устью и Обскою губою в Мангазей, расположенную на восточном побережье Тазовской губы, составляющей часть той же Обской губы¹⁾.

¹⁾ Описание «чрезкаменного» пути см. Р. П. В. II, № 254 (IX) и в «Списке с чертежа Сибирские земли 1672 года, изданным Титулом Ивана (Сибирь в XVII в., стр. 50—51). В документах Сибирского Приказа он упоминается обычно часто, напр., ст. № 81, л. 81, № 90, л. 40—41, № 111, л. 220. В Списке чертежа 1672 года, как он напечатан у Титова, надо исправить опечатку: вместо «Собью-Мукою», надо читать: «Собью и Усою».

Описание «Каменного» волока в Списке 1672 г. и Сиб. Прик. ст. № 103, л. 266. Прик. дела ст. лет 1631, № 55, л. 303. Перевал через Урал описан Дьяков и Шерем, посетившим Березовский уезд в 1653 году (Путешествие в северные страны, перев. Семенов и Чая, изд. Моск. Археол. Института, стр. 52—53, 71—72); впрочем, точно установлено место, где он совершил перевал, невозможно.

Мезенский путь описан в дорожнике, которым пользовались Герберштейн

Дроме пути Усою и Собью в XVI—XVII вв. еще пользовались для перевала через Урал другим притоком Печоры, Щугором. Этот путь, в частности, был описан в дорожке, который послужил источником для Герберштейна. Поднявшись до верховьев Щугора и перевалив через горы, спускались в р. Сыгву, на Сыгву въезжали в Киртас и из Киртаса в Сосьву, впадающую в Обь. Судя по карте Ремезова, у верховьев третьего большого притока Печоры, Ильча, также был «переход из Сибири»²⁾.

Общее протяжение «чрезкаменного» пути от Соли Вычегодской до Березова почислялся в 1656 г. ямщиками в 3000 верст³⁾. Нахождение его, по расчету, имеющемуся в Списке с чертежа Сибирские земли 1672 года, требовалось 13 недель 4 дня, и расчет этот более или менее верен, так как, по другим источникам, от Обдорска до устья Ижмы было 5—6 недель пути и даже больше⁴⁾.

Описанной дорогой в Сибирь можно было пользоваться только летом, «водным путем», так как зимой перевал через Камень сопряжен был с очень большими трудностями, — снега и ветры бывают великие⁵⁾. Только в виде исключения перебрался через горы зимою на оленях или на собаках⁶⁾.

Печорский путь, судя по случайным археологическим находкам⁷⁾, очень древний и был уже известен финским туземцам, от которых его узнали и русские. Для последних, долгое время отрезанных волжскими болгарями, а после них казанскими татарами от другой дороги через Урал — Камою, он был наиболее старинным путем для сношений с Зауральем, свидетельством

(перев. Малевича, стр. 127—129). См. также Сиб. прик. ст. № 62, л. 285, ст. № 111, л. 208, Прик. дела ст. лет 1670, № 71, л. 467. У Герберштейна упоминается река Рисуэва, впадающая в Пезу; может быть, это неслучайно Герберштейном названное озеро (Пезский). Описание Пезского волока и пути от Мезени до устья Цильмы см. у Шеремок «Reise nach dem Nord-Osten des Europäischen Russlands zum arktischen Ural-Gebirge 1845—1856 т. I, тл. 5 (про вокз ст. 158—159 и 173—176). У него же в приложениях — английские описания Пезского пути 1611—1612 гг. (т. II, стр. 173 и 181).

²⁾ Герберштейн, в перев. Малевича, 129—130. Буцицкий, Заселение Сибири, 77—78. Ср. Сиб. прик. ст. № 78, л. 104. Дорогой по Сосьве воспользовался, вероятно, князь Курбский в 1499 г., так как он, перевалив Урал, взял окский городок Ляши, расположенный на Сыгве.

³⁾ Прик. дела ст. лет 1656, № 4.

⁴⁾ Титов, Сибирь в XVII в., стр. 50—51.

⁵⁾ Сиб. Прик. ст. № 108, л. 259, стр. № 62, л. 296: «А из сибирских городов зимним путем, государя, а Ижменскую свободу дороги нет, ходит водным путем».

⁶⁾ Р. П. В. II, № 77. Ср. рассказ Разрядной книги о походе князя Курбского у Миллера (Описание Сиб. царства, стр. 63) и рассказ Ламартьера (loc. cit.). О переходе через Камень мимо Березов город на ямках, «слезом», см. Сиб. прик. ст. № 72.

⁷⁾ Макешинов. Год на севере, изд. 4, стр. 506. Сидорова, Север России, стр. 543.

чему служит сохранившееся исключительно за ним вплоть до XVIII века название раг excellence пути «через Камень».)

Это — древний новгородский путь в «Югру», г.-е. в область южной Оби, заселенной остяками¹⁾. Направление повгородского пути восстанавливается довольно точно по летописным данным: он шел Сухоною, мимо Устюга, как видно из того, что в 1323 г. новгородцы, «кто ходил на Югру», были ограблены устюжанами, а в 1329 устюжские князья опять перебили повгородцев, «которые были пошли на Угрю». Именно в целях очистить дорогу на восток, ходили новгородцы в 1324 г. походом на Устюг и, взяв город на шит, принудили устюжских князей к заключению мирного договора²⁾. Далее он сворачивал на Печору, судя по тому, что в 1187 году югорские данщики были перебиты на Печоре³⁾. Это подтверждается маршрутом отрока Гюрты Роговича, который был послан «в Печору», «и оттуда иде в Югру». Наконец, из рассказа о походе 1364 года видно, что повгородцы, перешли через Урал, выехали в Обь одним из левых ее притоков, вероятно, Сосьюю, и, разделившись на две партии, одна «воевала по Оби река до моря», а другая половна рати «наверх Оби воевала»⁴⁾. Таким образом, направление повгородского пути в общих чертах совпадает с направлением позднейшего «чрезкаменного» пути.)

Слухи о сказочных пушных богатствах «полюющих стран», где, по рассказам очевидцев, из туч на землю падают молодые «пшерицы» и «оленьи малы», рано стали привлекать за Камень предприимчивых новгородских промышленников, которых не пугал ступ до гор тех непроходим пропасти, снегом и лесом. Уже современник ладожского посадника Павла, писавший, следовательно, в первой четверти XII века, говорит, что «ходили люди старии за Югру и за Самоедь»⁵⁾. По следам промышленников и Новгородское государство снаряжало военные экспедиции для сбора дани с туземцев, порою приносившие довольно много в Югорскую землю, как это случилось, например, в 1364 г.) В летописях сохранились не лишние яркости повествований об этих походах и об упорном сопротивлении, которое оказывали новгородцам югорские князьки за стенами своих городков. Не могло быть и речи о правильном завоевании страны: походы

¹⁾ «Страны — зырянские провинции остягов. Первоначально остяги обитали и по западным склонам Урала, как видно из рассказа Гюрты Роговича (Лавр. летопись, изд. Археогр. Ком., стр. 226—227). Позднее юг Югрой подразумевается, несомненно, остяжские земли к востоку от Урала на южном течении Оби. Историко-географический вопрос об Югре см. у Д. Митраева, «Пермская старина», V, глава 1, и у З. М. Сидорова. Герберштейн и его историко-географические известия о России (Зап. Ист. Физ. Ф-та Сиб. У-та, XVIII), стр. 152, 139.

²⁾ Новгород. летопись, изд. Археогр. Ком., стр. 320—327.

³⁾ Там же, стр. 161.

⁴⁾ П. С. Л., IV, стр. 64—65; V, стр. 230.

⁵⁾ П. С. Л., II, изд. 2, стр. 277.

носили характер более или менее случайных набегов, производившихся под начальством «воевод новгородских» шайками добровольцев, «путников», как их называет летопись, набравшихся из «детей боярских и удалых людей». Эти набеге, имевшие целью принудить Югру к уплате дани Великому Новгороду, нарушали, повидимому, торговые интересы частных предпринимателей, дороживших Югрой, как рынком пушных товаров, и имевших здесь прочные связи среди туземцев. Конкуренция между государством и частными предпринимателями временами принимала очень острый характер, и этим объясняется, например, что посланная в 1193 г. под предводительством воеводы Идея новгородская рать была истреблена, благодаря просякам некоторых новгородцев, «совет державших с Югуро на братью свою»¹⁾.

В результате походов новгородцев за Урал, «Югра» была номинально присоединена к новгородским волостям, в числе которых она фигурирует в грамотах XIII века. Впрочем, прочного завоевания не имело места, и зависимость «югорских князей» от господина Великого Новгорода ограничивалась очень нерегулярной уплатой дани соболиными мехами и другими местными произведениями.)

Торговые пути новгородцев на северо-восток рано стали привлекать внимание русских князей, владевших средним Поволжьем. Уже в XII в. суздальские князья делали попытки перехватывать «данинских новгородских»²⁾. Входивший в состав Суздальской земли Устюг, как видно, врезывался в новгородские владения и мешал беспрепятственному выходу новгородцев из Сухоны в Вытегду. С присоединением Устюга к великому князю Московскому, начинается в XIV веке планомерное наступление Москвы на Двину и на Печору. Чтобы парализовать это движение, новгородцы в конце XIV в. и в первой четверти XV в. совершают ряд походов на Устюг (1393, 1398, 1417 и 1425 гг.), сопровождавшихся жестоким грабежом города³⁾. В своем стремлении стать твердой ногой на Печорском пути, вел. князь Дмитрий Иванович оказывает властную поддержку шедшей на Устюг проповеди христианства среди вытегодских зырян. Стефан пермский, выступивший на миссионерское поприще с благословения церковных властей Москвы, является не только «апостолом зырян», но и проводником московского влияния среди ииородческого населения бассейна Вытегды, а основанная им на Выми Пермская епархия приобретает большое политическое значение, как исходный пункт для распространения московской власти на Печору. Недаром в «Плаче» по поводу

¹⁾ Новгород. лет., стр. 166—169, 426.

²⁾ Там же, стр. 138.

³⁾ Там же, стр. 379, 386, 404, 413.

смерти этого святого отмечаются его столкновения с «новгородцами, разбойниками-ушкуйниками»¹⁾.

Расположенная на границах между русским миром и зырянским, на путях к Вычегде на Печору, Пермская епархия в течение всего XV в. носит своеобразный характер полу-светской и полу-духовной пограничной марки, владетель которой, владыка пермский, выступает с чертами могущественного церковного магната, духовного вассала великого князя Московского. Ему принадлежали обширные земли «на Выми и на Вычегде и на всей Вычегодской земле», деревни, пустоши и великие угодья; еще к началу XVII в. уцелели в Вычегде, вверх и вниз от устья Выми, значительные владенья пермских владык, которым принадлежали здесь более или менее крупные участки «в реках, озерах и курьях», и тянулись «леса владычьи». Центром этих владений был в XV в. укрепленный «владычьею город Усть-Вымской», основанный Стефаном пермским на месте разрушенного им языческого мольбища. В 1608 году еще виделся развалины этого города, — «вологодского и великопермского епископа городище», со следами бывшего величия: на городище еще стояли церкви в честь основателя и патрона епархии св. Стефана и часовня, служившая усыпальницей пермских святителей, где в гробницах, покрытых синей краснойной, а поверх «адамашкой лазоревой», покоились тела епископов Герасима, Пиррима и Иоанна; сохранились и следы существовавшего в XV в. «двора владычя большого» и «места владычних крестьян, а имяя им не помнят»²⁾.

Исключительное положение пермского владыки объясняется теми сложными отношениями, в какие он попадал к туземцам, обитавшим на путях за Урал. Он является, во-первых, единственною защитником христианского населения Выми от натиска «шюалячшиков» — вогулячей и остяков³⁾. Туземные князьки, вроде вымских князей Петра и Федора при преемв. Филофее, выходят как бы под патронатом владыки⁴⁾. При том же Филофее влияние пермского владыки распространяется за Урал на югорские и вогульские племена, обитавшие по нижнему и среднему течению Оби: на пельымские вогулячей и на «сюю землю Кодскую и Югорскую». При его участии в 1485 г. кодские князья заключили мир с вымскими князьями под владычным городом Усть-Вымским, «за том, что им лиха не смыслили, ни

силы не чинити над пермскими людьми, а великому князю правити во всем». Он служит посредником между этими зауральскими князьками и великим князем Московским: с ним ссылается в 1484 г. пельымский князь Юмшап, чтоб получить «опас» для приезда в Москву; его «печалованием» было удовлетворено ходатайство кодских и югорских князей об освобождении их племенных сородичей⁵⁾. Таким образом, из владычьи Усть-Вымского города подготавливается мирное завоевание Зауралья.

Одновременно Вымь становится исходным пунктом военных экспедиций, снаряжаемых московским правительством за Урал, при чем делаются попытки использовать для подчинения зауральских инородцев — туземных князьков, находившихся в вассальной зависимости от Москвы, подобно тому как позднее использованы были остатки князьки на Оби, особенно кодские. Так, в походе 1465 г. на Югорскую землю участвовал вымский князь Василий «с вымичами»⁶⁾.

С падением Новгорода, весь Печорский путь оказался в руках Москвы, которая и торопится воспользоваться им, чтобы утвердить за собою старинные новгородские владения за Уралом: В 1499 г. был организован грандиозный поход «в Югорскую землю, на Куду»⁷⁾ и на вогулячи под начальством князей Семена Курбского и Петра Ушатого и Вас. Гаврилова. Экспедиционный корпус, состоявший из более 4000 человек, двинулся двумя путями: часть под начальством кн. Ушатого, состоявшая из двинян, ишмежан и важан, пошла Мезенским путем через Пинежский волок, а кн. Курбский с устюжанами и вымичами направился, повидимому, Вымским волоком. Местом соединения была Печора, где воеводы «осеволяли» и, выступив поздней осенью, перервали «щелью» через Уральские горы и вступили в Югру. Рать дошла до остяцкого городка Ляпина, сделал, по расчету разрядной книги, 4650 верст; по сибирским туздам ехали на собаках, а воеводы на оленях⁸⁾. Однако, Печорский путь был слишком отдален от Москвы, чтоб им можно было совершить прочное завоевание Зауралья. Дело ограничилось тем, что

¹⁾ Карамзин, VI, прим. 461.

²⁾ Архангелогород. лет., изд. 1781 г., стр. 141.

³⁾ Кодя — остячное княжество на Оби, в пределах Березовского уезда.

⁴⁾ М и а ю в о в, Древнейшая разрядная книга, стр. 25. М и а л е р, Описание Сибирского царства, стр. 63—64 (ссылка на разрядную книгу 7009 г., у Миллера опечатка 7109). П. С. Р. Ж. IV, стр. 271, VI, стр. 43—44, VIII, стр. 257, XII, стр. 249. Г е р б е р г в е й н, в прил. Малена, стр. 235, 238. О — К о в а, князь княз Курбский, см. 3 а м е т к и о с и м п. вала, сочинение, стр. 434—436. Поход имел место зимою 1499—1500 (выступили в конце лета 7007 года, возвращение весною 7008 года). В разрядной книге, которую цитирует Миллер, он помечен 7100 годом (им. 7009), что дало повод Миллеру высказать предположение, ирочем, с оговорою, будто было совершенно два похода в 7007 и в 7008 г. Сравнение с владычною Миллевым разрядной книгой не устанавливает, однако, сомнения в том, что мы имеем дело с одним и тем же походом.

¹⁾ Житие св. Стефана Пермского, над. Археогр. Ком., стр. 87.

²⁾ Акты врем. правл. ц. Вас. Русл.ского, собр. Г. И. в у ш е в и м, стр. 292—297, Карамзин, Ист. Рос. Шес., VI, прим. 461. Жалов. грам. Филофеев пермскому 1491 г. в Тр. Удв. Витской Уг. Арх. Ком., 1908 г. II (Акты по делу о присоединении к Витской епархии Усть-Вымской десятины).

³⁾ См. в Житие св. Стефана, стр. 87, 93.

⁴⁾ О вымских князьях см. Труды Пермской Арх. Уг. Ком., вып. 1 (Г о л у б о в, Кавалы великопермские, перемские и вымские).

временами отдельные югорские князья обязывались платить дань в великокняжескую казну. В XVI веке, с завоеванием Казани и освоением Камских путей, Московское правительство совершенно отказалось поистому от мысли использовать Печорский путь с завсегодними целями. Но и в дальнейшем Печорский «чрезкаменный» путь служил обычной дорогой, по которой в течение XVI и XVII столетий шло очень большое движение за Урал.

«Чрезкаменный» путь является в изучаемую эпоху по преимуществу путем торговых и промышленных людей, которые идут по старым проторенным дорогам за Камень в поисках драгоценной пушны. Особенно крупное значение он приобретает в экономической жизни Поморья с половины XVI века, когда открытия торговых сношений с англичанами через Белое море, повысив спрос на сибирские меха, усилило промышленное движение по восток. Устюг, благодаря своему положению на перепутье, связывавшем Печору с русскими рынками среднего Поволжья и с единственным русским портом для внешней торговли — Архангельском, делается средоточием торговли сибирской пушпы. Далее на северо-восток, на всем протяжении Печорского пути вырастает ряд промышленных слободок и становищ.

Печорские промыслы: «рыбные ловища», «скрепаты и соколы седбища» привлекали издавна на пустынные берега большой северной реки кеврольцев, чакальцев и мезенцев, которые «ловили рыбные ловища наездом». «На Печору», говорится в царской грамоте 1603 г.: «присажают нижежан и мезенци, и вакане, и вымчи, и пустоозерцы и промышленлют в местных угодьях¹⁾. Уже в XV в. здесь образуются промышленные поселки — села и слободы. Так возникла Ижемская слободка недалеко от впадения р. Ижмы в Цильму; здесь у устья Ижмы еще в XV в. была топя: «кол — рыба лонитя и всякие промышленные угодья, «шупки»: «перевещища» для ловли птиц, «оборные гоны», «нолетие леса», и образовалось несколько небольших поселков, состоявших из отдельных дворов с папшиями и ножиными²⁾. У впадения р. Цильмы в Печору основалась другая слободка Усть-Цилемская, устроенная по жалованной грамоте царя Ивана Грозного новгородцем Ивашком Ластюком на месте, где стоял «лес черный», «от людей далеке, верст за 500 и больше»; слободчик, пользуясь дарованными ему правами, стал призывать желающих поселиться в свою слободку, и уже в 1564 году в Усть-Цильме насчитано было 14 дворов, и в них людей 19 человек, а в 1575 г. — 16 дворов и 23 человека; это было в значительной мере частное предприятие, и слободчики, в качестве предпринимателей, про-

должны были пользоваться «третьею долею во всех угодьях»³⁾. Менее ясно происхождение третьего центра русской колонизации на Печоре. — Пустозерского острога; повидимому, он возник в конце XV века, когда воевода Ивана III на Печоре «град зарубил» на месте другого стоявшего здесь «града», т.-е., вероятно, промышленного становища. В течение всего XVII века он продолжал служить «для опочиву московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать»⁴⁾.

Промышленные поселки на Печоре пользовались известным самоуправлением. В Усть-Цильме при царе Борисе мы находили старост и целовальников; позднее Усть-Цильма была объединена с Ижмой под управлением общего выборного заказчика, который являлся официальным представителем всех «слободчиков» в сношениях с Москвою и с местной администрацией и на котором лежал ответственность за порядок в вверенных ему слободках и за правильное исполнение тягла⁵⁾. Права Усть-Цилемской слободки были многократно подтверждаемы жалованными грамотами — царя Ивана, царя Бориса в 1598 г., царя Василия 29 февраля и 2 марта 1610 г. и, наконец, царя Михаила от 19 декабря 1616 г.⁶⁾ В Пустозерске во главе посада стоял выборный сотский, обязанности которого мало отличались от обязанностей заказчика⁷⁾.

Заброшенные на дальний и голодный север, отрезанные от остального русского мира, эти слободки владели жалкое существование. Сношения с русскими городами были возможны только летом, потому что «зимнего пути в слободки нет». Неблагоприятные географические условия не позволяли развиваться земледелию: в Цильме «в иной год пашут, а в иной не пашут, потому что морозом побивает», не говоря про Пустозеро, где «место тундрятое, студеное и безлесное, и зимлею порою тундра с водою смерзается», где даже покосы иной год заносит песком. Пытались в слободках исключительно привозным хлебом, доставлявшимся «с Руси» «на малых кабыках однажды в год весною» — с Вычегды-реки, из Ирэнска и из Перики, а за недостатком такового великими суррогатами: «борщом», корью и листьями. В 1670 г. усть-цилемцы и ижемцы писали в челобитной царю, что

¹⁾ Максимов, Год на Севере, 4 изд., стр. 430—432. Английские описания Усть-Цильмы начала XVII в. у Schrenk, назв. соч., II.

²⁾ Мизагер, Описание Сиб. царства, стр. 63 Д. А. II, III, № 19; IV, № 197.

³⁾ Актъ прии. ст. № 1683, л. 800; ст. 470, ст. 470, ст. 471, л. 129 и 80 (здесь заказчик являлся всеобщим целовальником). Прик. дела ст. лет. 1670 г., № 467 (назван «сотским»). Положения заказчика хорошо известны из ст. № 470 Сиб. приказа. Ср. Введенская, Пам. первых лет русского старообрядства, II (в Лст. Зан. Арх. Каз., XXVI).

⁴⁾ Актъ прии. ц. Вас. Шуйского, № 44 и № 45.

⁵⁾ Введенская, Пам. первых лет рус. старообрядства, II, стр. 11.

¹⁾ Актъ времени правления п. Вас. Шуйского, № 44 и 45.

²⁾ Рус. Ист. Библ., XXXII, № 16 (Актъ Юрид. № 71, X), № 17 (Актъ Юрид. № 71, XI).

у них человек с 10 померло голодною смертию, что едим траву, да рябиновый лист, да сосновую кору, и от того мы, сироты твои, обухли и оцынкали и голодом примерли, а что остальные крестьяншка, и те последние нужные голодны и наги и босы». В Пустозерье еще хуже: тут «люди небольшие, хлеба не имеют, сами дробины, да гущу квасную в честь ядят», «питаются в мисоед птицами, а в посты из Печоры рыбою». «Жители в Пустозерском, писал из ссылки А. С. Матвеев: «гладом тают, и пустозерских жителей всегдашняя пища борщ, да и того в Пустозерском нет, а привозят с Ижмы, и такая нужда но сей стране повсюду, на Турье, Усть-Цильме и в Пустозерском остроге»¹⁾.

При таких условиях свободки росли чрезвычайно медленно. В 1638 году в Ижме было всего 21 тяглый двор, 16 нищих дворов и 10 пустых, в Цильме—15 тяглых, 11 нищих и 10 пустых, в Пустозерье—44 посадских и 10 вдовых; в 1646—1647 гг., — в Цильме 37 дворов, в Пустозерске же число уменьшилось—36 дворов посадских и 3 вдовых²⁾.

Единственным средством существования этих нищих поселкой служили промыслы. «А коринтесс-де вы зверем, да птицею, да рыбою, да травою», писал царь Борис усть-цильцам³⁾. Летом свободки пустились жители «жили для хлебные дороговизны на рыбных ловлях, по лучшим озерам и по речкам», кормясь «на речках и на озерах рыбою, и птицею, и борщом, и рябиновым листом»⁴⁾.

Отсутствие средств к существованию развило в населении промышленную предприимчивость и торговую жилку. Пустозерье сделалось центром, откуда не только местные жители, но и приезжие промышленники предпринимают дальние экспедиции на промыслы. Отсюда уже в середине XVI в. ездят «на море промышлять рыбьего зуба», который затем переправлялся на оленях в Лампожню, на Мезень и оттуда в Холмогоры⁵⁾. Весною и летом пустозерцы отправляются на охоту на лебедей, гусей, уток и куропаток, и, помимо мяса, которым они питаются большую часть года, перо является одним из значительных предметов

торговли⁶⁾. Но главным занятием свободчан являются рыбные ловли; ежегодно в июне пустозерцы, усть-цильцы и ижемцы ходят на устье Печоры и в Болванскую губу «для рыбных и белужных промыслов»⁷⁾. Продукты морских промыслов (белужье сало, моржовые лахтаны) и рыбных ловель (семга, сига, омули, дохи, нельма, язы, сухие щуки, икра), а также оленин кожи в каюках доставлялись с Печоры на Устог и в Соль Вычегодскую⁸⁾. Зимой рыбу на оленях «аргимаши» в несколько десятков сажен отправляли также для продажи в Мезень⁹⁾. Пустозерцы и усть-цильцы не ограничивались промыслами в окрестных угодьях; в неуязвимых баркасах они в конце XVI и в начале XVII вв. пускались морем в Обскую губу и далее в р. Таз и в Мангазей¹⁰⁾.

Жители печорских свободок вели оживленные сношения с самоедами, не только кочевавшими в Большеземельской тундре, но и с сибирской «каменной» самоедью. От соседства с этими дикарями они часто и много страдали. «В прошлом в 177-м году и в нынешнем 178-м», жаловались, например, в 1670 г. усть-цильцы и ижемцы: «тундрная асячная самоедь заворовалась, всех оленей у нас... отгоняла, а зерниного и рыбного промыслу не было, да и ходить мы... ни на какие промыслы не смеем, бояся тундрной воровской самоеди разгрому и грабежу и смертного убийства, что они самоедцы по летним и зимним жирам (поселкам) скот, коровы и кони, прибили и во промыслом грабят и смертным убийством побирают»¹¹⁾. Это не мешало пустозерцам, ижемцам и усть-цильцам установить деловые отношения с воинственными инородцами, среди которых у них были свои «знакомцы» и «други». Не только пустозерская самоедь, «присная, торгует в Пустозерье и на Усть-Цильме и на Ижме и на Мезени», но даже карачейская самоедь большими партиями прикочевывает к Пустозерску из-за Урала и привозит полученные от мангазейских самоедов меха¹²⁾. Приобретаемые от них пушнину и оленины жители свободок еще в XVI в. отвозили в Лампожню¹³⁾. «Из года в год сами пустозерцы ездили с Печоры на р. Усу под Камень, где у них образовался торговый пункт—Роговый городок; сюда они «сваживали» самоедь из-за Урала, с Казьма, с Обдора и с Куоваты и вели с ними оживленный меновой торг. Не довольствуясь этим, они нанимали оленей

¹⁾ Прик. деса ст. лет. 1670, № 467, Schrenk, II, стр. 178. Письма А. С. Матвеева к кн. Ю. А. Долгорукому (в История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева, С. П. В., 1773), Веселовский, Памятник первым лет старообрядчества, II, стр. 7, 15, 18, Р. И. Б. XXVIII, 223. Смирнов, Города Моск. государства I, вып. 2, примеч. на стр. 72—73. Яковлев, Приказ сбора ратных людей, 433.

²⁾ Яковлев, Приказ сбора ратных людей, стр. 372, 437. Богословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., I, прил., стр. 68. Смирнов, Города в Моск. государстве, т. I, вып. 2, стр. 73, 84.

³⁾ Акт управления царя В. Шуйского, № 44.

⁴⁾ Яковлев, назв. соч., стр. 438.

⁵⁾ Д. А. Н. I, № 154. Hacluyt, I, стр. 254 (изд. Everyman's Library edited by E. Rhyus), Schrenk, II, стр. 183.

¹⁾ Schrenk, II, стр. 167, 168, 173, 175—176, 182, 197.

²⁾ Прик. деса ст. лет. 1670, № 467. Schrenk, II, стр. 168—169, 176—177, 182, 183, 187, 196—197 (описание белужьего промысла в 1611 году).

³⁾ От. тамож. книги (например, А. М. Н. Д. Устюг 1634 г., з. л. 145, 152 153 об., 164, 165 об., 176, 187 и др.).

⁴⁾ Schrenk, II, 184.

⁵⁾ Р. И. Б., II, № 254. Schrenk, II, стр. 173, 187, 196, 199.

⁶⁾ Прик. деса ст. лет. 1670, № 467. Сиб. Приск. ст. № 134, з. 322.

⁷⁾ Сиб. приск., ст. № 103, з. 269. Schrenk, II, стр. 177, 183, 190.

⁸⁾ Hacluyt, изд. Everyman's Library, I, стр. 297—298.

у пуустозерской каменной самояди, у своих знакомцев и других, перевозили товары за Камень и партиями в несколько десятков человек ходили по тундрам к березовской самояди. Уже в начале XVII в. пуустозерцы держали окрестных инородцев в кабале, сосужали их товарами и ходили к ним «для своих старых долгов». В прехних, государь, годех», писал в 1641 г. устюжанин Мишка Кондаков: «настари родители мои, дед и отец и дядя, жители Пуустозерского городка, и торги, государь, у них и промыслы были с той карачейской и закаменною самоядю больше, и тех родов, государь, многие люди им были должны; в Пуустозере и на Обдори за них влачивали твои государевы ясаки и давали им в долги русские товары». Тогда же начался постепенный захват тундры новопришельцами и развитие их оленеводства в ущерб самодскому¹⁾.

Торгами с пуустозерской и закаменной самоядью не ограничивалась деятельность Печорского населения за Уралом. Очень рано, уже в XVI в., вымичи и пуустозерцы стали приходить «во все сибирские городы... со всякими товарами и торговали во всей Сибирской земле и по водостям, и по юртам, и по лесам с татарами и с ояками, и с вагуличами, и с самоядью»²⁾.

Таким образом, слободки сделались маленькими торговыми центрами; куда для скупки пушнины съезжались русские торговые люди разных городов³⁾. Значение печорских слободок в деле торгового посредничества между русскими и ирчуальскими инородцами уже в конце XVI века было оценено иностранцами, и агенты английской компании пробовали в 1611—1613 гг. обосноваться в Пуустозерске и захватить в свои руки весь торговый район от Цильмы до Урала⁴⁾. Позднее участники норвежской экспедиции 1653 года в Пуустозерске делали закупки пушнины⁵⁾.

Подожжение на пути в Сибирь, тяжелые условия существования, наконец, промышленные интересы, способствовали продвижению населения с Печоры далее на восток. Зыряне, вымичи и пуустозерцы беспрестанно упоминаются в царских грамотах в Сибирь в конце XVI и в начале XVII вв.⁶⁾ Задолго до появле-

ния московских воевод к служилым людям зыряне и вымичи прошли в Мангазей¹⁾. Тесную связь Выми с Зауральем хорошо иллюстрирует писцовая книга 1608 г.: из 361 жителя вымичьих волостей в ней отмечено убитыми в Югре, т.-е. в низовьях Оби, 29 чел., в Мангазее 2 чел., на Березове 1 чел. и в Тобольске 2 чел., сошедшими в Югру 3 чел. и на Березов 1 чел., сбежавшими в Сибирь 1 чел. и взытыми на Березов в казаки— 3 чел. Всего, таким образом, отмечено 46 случаев безвестного ухода за Урал (приблизительно 11% всего населения)²⁾. В 1633 г. мангазейские воеводы писали, что в Мангазее «приезжают, бегаючи с Мезени, Пуустозера и с Выми»³⁾ всякие люди от государевых податей, а иные от воровства и от своей браны, от великих долгов и, приезжая-де в Мангазейский город, живут в Мангазейском уезде». Этим продвижением на восток в значительной степени объясняется неоднократно отмечаемое запустение расположенных на Печорском пути поселений. В 1638 г., например, в Ижемской и Усть-Цилемской слободках на 63 населенных двора насчитывалось 24 пустых (около 28%), потому что «жилецкие люди разбрелась кормиться в русские и сибирские городы»⁴⁾. В 1670 г. из обеих слободок, по словам оставшихся в них жителей, «семей с 20 съехали в Сибирские городы от великие хлебные скудости»; пуустозерский воевода, с своей стороны, писал в 1671 г. в Москву, что в предшествующем году «на Пуустозерского острогу, из Ижемской и Усть-Цилемской слободок тяглые крестьяне 22 человека с женами и с детьми, со всеми семьями, сбежали в русские и сибирские городы»⁵⁾.

Продвигаясь дальше на восток, за Урал, русские промышленники основывали на дутях, по которым они шли, новые промысловые становища. Об одном таком укрепленном становище между устьями Шугура и Подчерема, служившем складочным местом для товаров, говорилось в «Подорожнике», которым пользовался Герберштейн⁶⁾. Другим становищем был вышеупомянутый Роговый городок (остяцкий Сускар) в верховьях Усы, под Камнем, где, по словам царской грамоты 1607 года, пуустозерцы по пути через Урал «осеюют» и ведут торг с зауральской самоядю⁷⁾. На самом перевале на карте Ремезова обозначено «городище», очевидно, остатки какого-то зимовья. Возможно, что таково же происхождение Новогой городок,

¹⁾ Свб. Прик. ет. № 88, л. 369, ст. 111, л. 358, ет. № 470. Р. И. Б. II, № 77. Д. А. Н. V, № 35. О воеводках пуустозерцев в Югру в 1611—12 гг. см. английские сообщения у Schrenk, II, стр. 184, 185, 190. Об оленеводстве там же, стр. 177 в Свб. Прик., ет. № 134, л. 352.

²⁾ Свб. прик. кн. № 1, л. 108 (грам. царя Бориса, который ссылается на факт, означив место «впрех сего»).

³⁾ Свб. прик., ет. № 103, лл. 209, Schrenk, II, стр. 173, 175, 170, 812, 195, 207 и др.

⁴⁾ Гамель, Англичане в России в XVI и XVII ет., стр. 190—196, Schrenk, II, стр. 162—212, где приводятся впервое на немецком языке замечания у Русских двинских и писма англичан.

⁵⁾ Путешествие Ламартинаера, стр. 55.

⁶⁾ Свб. прик., кн. № 1 лл. 50, 51, 108, 160, 195.

¹⁾ Р. И. Б., II, № 188.

²⁾ Акты врем. правл. и. Вас. Шуйского, стр. 267—284.

³⁾ В Мангазейской книге названо ее зиме, одна из многих описок, характерных для такого рода списков (Портф. Миллера, II, 477, № 5).

⁴⁾ Яковлев, назв. соч., 437—438.

⁵⁾ А. М. Н. Д. Прик. дела ет. лет., 1670, № 467.

⁶⁾ Перес. Малеева, 129.

⁷⁾ Р. И. Б., II, № 77. Кн. Б. Чертежу, стр. 206. Последни эти имели место в 1614—1615 гг. (Schrenk, II, 207).

на месте, где впоследствии построен был Обдорск. Во времена Миллера существовало предание, что и Березов был основан на месте прежнего промышленного зимовья¹⁾. В Мангазее уже в конце XVI века были поставлены русскими промышленниками «остроги»; на один из таких острогов — «Зырянский городок» патнулись в 1601 году сургутские служилые люди²⁾.

Так постепенно «чрезкаменный» путь осваивался русскими промышленниками.

Промышленное движение «через Камень» обратило на себя внимание московского правительства еще в конце XVI века, и при царях Федоре и Борисе на устье Соби был поставлен острожек «для приезжих торговых людей и десятинной пошлины»³⁾, просуществовавший, впрочем, недолго. В последней четверти XVI и начале XVII в. «чрезкаменным» путем «Печорою рекою» ходили «в судех с великими товарами» «многие люди» из Пустоозера, с Пинеги, с Мезени и с Ваги⁴⁾. Уже в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова им иногда пользовались и лица из администрации, направлявшиеся в Березов, — воеводы, посланники и гошцы, и «коли для поспешения погда через Камень отпускали и березовскую государеву соборлиную казну»⁵⁾. В 1608 г. тем же «подымим» путем на Вымь едет на Русь остаткий князь Ингчей Алачев⁶⁾. В 1618 году тобольские воеводы отмечают «большой приезд» торговых людей с товарами «с Выми через Камень на Березов, а с Березова, не займуя Тобольска, и Сургута, в Томск»⁷⁾. Путь этот в то время был все-таки сравнительно мало известен в Москве и правительством еще официально не был разрешен, и тобольские воеводы просили государя «о том велети свой учинити указ». 29 ноября 1619 г. последовало официальное разрешение отпускать «от Архангельского города и ото всех поморских городов в сибирские

города на Березов город» как обычной дорогой на Тобольск, так и через Камень. 24 апреля 1620 г. это разрешение было подтверждено, и точно указан маршрут на Усу, на Соби и на Ель до Камени, волоком через Камень в другую Собь реку и Собью до Оби⁸⁾. Вопрос вторично рассматривался в 1624 году, когда тобольский воевода, известный своими финансовыми реформами кн. Ю. Я. Сулешев снова запросил инструкции из Москвы относительно пути «Собью рекою» через Камень мимо Ижемскую слободку». И на этот раз вопрос был разрешен в положительном смысле, и дорогой «через Камень» торговые и промышленные люди пользовались беспрепятственно в течение всего XVII в.⁹⁾

Разрешая путь Печорою, московское правительство, однако, озабочено было оградить свои фискальные интересы и создало на протяжении его ряд таможенных застав, посредством которых оно рассчитывало перехватить движение промышленников, возвращающихся с промыслов. Очень крупное значение имела Ижемская застава, устроенная «для проходу сибирских воевод и дяков, и письменных голов, и их братья, и детей, и племянников, и людей, и торговых и промышленных всяких людей, которые поедут в Сибирь и из сибирских городов к Москве и в иные русские города»¹⁰⁾. Застава эта играла роль пограничной тамолины между Русью и Сибирью.

По ту сторону Урала имелась другая застава для преграждения свободного проезда на Соби в Обь и на Оби в Обскую губу. В этих делах еще в XVI в. несколько выше устья Соби был поставлен, как сказано, небольшой острожек; в царствование Василия Шуйского его, однако, уже не существовало, чем пользовались поморские промышленники для беспрепятственного проезда в Сибирь, минуя Березов и Тобольск¹¹⁾. Поэтому при Михаиле Федоровиче здесь была устроена так называемая Собская застава. На противоположном берегу Оби, у впадения в нее реки Полуя, еще, повидимому, в конце XVI в. возник острожек для сбора ясака с обдорских острогов и с кушной и карачейской Самояди, — Носовый городок, названный так по местоположению на мысу, образуемом здесь заворотом Оби, впоследствии известный под именем Обдорского острога. В Носовом производился также сбор десятинной пошлины с проезжих торговых и промышленных людей; десятинная таможенная застава называлась Обдорской. Обе заставы — Собская и Обдорская были объединены под общим управлением. До 1635 г. сюда

¹⁾ Миллер, Описание Сиб. царства, стр. 74—75. В пользу давнишнего поселения здесь русских говорит то обстоятельство, что туземное название было переведено на русский язык (Носовой город, от слова нос, мис, остяк. Ают, самодское Саял — соответствует остяцкому Пулунг-Ают-Ван, самодскому Сала-Гарден; Березов, от остяцкого слова Сургут, береза — Сургут-ван), между тем как основанным в более поздние времена городам присваивались туземные названия без перевода их на русский язык. Даже Носовый городок был переведен на Обдорскую.

²⁾ Сиб. архив, кн. № 1, л. 113. Р. И. Б., II, № 188.

³⁾ Р. И. Б., II, № 254 (IX).

⁴⁾ Р. И. Б., II, № 77 и № 254. Путь Печорою и Усою на Обь сделался известен задолжком от пустоозер уже в 1634 г. (Гамельн, Англичане в России в XVI и XVII, стр. 216).

⁵⁾ Р. И. Б., II, № 254. Акты врал. ц. Вас. Шуйского, № 44 и № 53 (32, по дорожке 1606 года).

⁶⁾ Р. И. Б., II, № 68. В 1612 г. пустоозерцы сообщают об пути Усой на Обь англичанину Логану (Schrenk, II, стр. 187).

⁷⁾ Р. И. Б., II, № 254 (VI).

⁸⁾ Р. И. Б., II, № 254 (VIII—IX).

⁹⁾ Сиб. архив, кн. № 6, л. 177 об.—181.

¹⁰⁾ Прик. дела ст. лет., 1636, № 1. (Крестовозвращенная запись Иванского заставного голови). Р. И. Б., VIII, № 11 (XXVI). А. Н. В., № 4 и № 212. Д. А. И., III, № 19.

¹¹⁾ Р. И. Б., II, № 77.

Для сбора таможенных пошлин присылались письменные головы, подьячие и целовальники из Тобольска, но в этом году, в виду важности обеих застав, двум таможенным головам, посланным с Руси на Березов, было предписано летом ехать на Обдорь «для проезду» всяких людей, и этот порядок сохранялся в последующее время¹⁾. Таможенные головы, приехав на Собоко устье и на Обдорскую заставу, посылали целовальников «на отъезжане караулы», «многие которые места приезжают из сибирских городов и с Руси через Камень Собою рекою и из Мангазеи Обью рекою торговые и промышленные и служилые всякие люди с своими товары и с мягкою рухлядью»²⁾. Деятельность обеих застав продолжалась впрочем «немногое время, всего три месяца, июнь да июль, да август, а больше того не живут, потому что торговым и промышленным и всяким людям мимо Обдорь и Собоко устье к Руси ехать нельзя, и после Семена дни (1 сентября) в осень и во всю зиму и в весну до июня-ж месяца на той заставе быти не для чего, потому что место вустое, и в сибирские города тою дорогою зимою никто не ездит»³⁾.

Зато в эти недолгие летние месяцы на Обдори господствовало большое оживление, вследствие одновременного приезда русских купцов и промышленников с Руси через Камень и едущих обратно на Русь тем же путем, а также прибытия морских кочей, шедших из Тобольска в Мангазею, и проезда служилых людей с государственной казной, а иногда и воевод, направлявшихся в Мангазею или обратно. Ехавшие через Камень из опасения нападения самоедов здесь дожидались своих «братьев, торговых людей, из сибирских верховых городов», чтобы ехать большими партиями. (Флотилии шедших из Мангазеи кочей перегружались на речные суда для перехода через Камень, приехавшие из-за Камня распродавали свои «худые лодченки» или «метали даром» и покупали «для мангазейского ходу» морские суда. Кормщики, которым «морской ход за обычай», приходили на кочи «наряжаться» за море в Мангазею. К открытию навигации из Тобольска местные торговцы привозили хлеб для продажи промышленникам, едущим в ту же Мангазею. Одновременно обдорские остяки привозили дешевую мягкую рухлядь для мены с приезжими русскими людьми; у них же тобольские жители покупали «жир рыбный и рыбу и солила в бочки и в кад» и везли в Тобольск. С своей стороны некоторые русские промышленники приезжали из-за Камня только до Обдори, продавали здесь свои товары и «исторговываясь», ехали обратно на Русь. Для нужд приезжих людей функционировали казенная

баня и казенная же «хлебная изба» для печенья хлеба, и отдавались на откуп харч, квас и узо. Все это оживление приходило быстро к концу, все разъезжались кто на Русь, кто в Мангазею, «а на Обдорской заставе Яешкают мало»; одни шли через Камень «скорым делом», «для того, чтоб им на Камени не замерзнуть», другие торопились не пропустить благоприятного времени «для того, чтобы поспеть через море»⁴⁾.

(Кроме таможенных застав на Собоком устье и на Обдори, в 1626 году была вновь устроена, по распоряжению тобольских властей, таможенная застава на Киртасе (так называемая Киртасская застава), для регистрации торговых и промышленных людей, шедших в Сибирь с Печоры Шугором и Сыгвой. Первоначально сюда посылались сборщики таможенных пошлин из Тобольска, но позднее Киртасская таможня была подчинена Березовским таможенным головам⁵⁾.

«Чрезкаменный» путь был сопряжен со многими трудностями и даже опасностями. Он шел по обширным безлюдным лесным пространствам («дорога проходила, нежилая людьми, вустое место», нередко «тесными речками», по которым вследствие их мелководности лишь с трудом можно было продвигаться «в малых судех» — «обласах», как их называют устюжские таможенные книги. Суда, «в каких ходят через Камень», — обычно либо «лодка чрезкаменная набойная» с парусом (так как «на пособных... ветрах по Оби реке бегают на парусах»), либо одио-деревка, «судно одиодревное». На таких «худых лодченках» невозможно было везти большую поклажу, и это служило значительным препятствием к пользованию этим путем⁶⁾.

Перевал через Уральские горы был, конечно, самой трудной частью пути. Камень, грандиозная горная цепь, вершины которой «в облаках не видети, а коли ветрено, или облака раздвигает, а динна его от моря и до моря», пугал своей неприступной высотой: «место вустое», «а жплецких людей на Камени нет»⁷⁾. На перевале русским людям грозила постоянная опасность от самоедов, подстерегавших добычу на волоку между Собою и Ельдом. В 1640 г. торговые люди, которые подошли «через Камень Собою рекою в сибирские города с русскими товарищи и из сибирских городов с мягкою рухлядью к городу к Архангельскую», были челом царю Михаилу Федоровичу на березовскую, ижевскую и пузостерскую самоед в том, что «ездя, государь,

¹⁾ Общую картину дает Обдорская тамож. книга 140 г. (Сиб. Прис., кн. № 42). См. также Сиб. Прис., ст. № 90, л. 40—41, № 62, л. 259, № 102, л. 169, № 251, л. 480, № 178, л. 168, № 259, л. 688, № 81, л. 112, № 78, а. л. 101 и 107.

²⁾ Р. И. Б. VIII, № 11 (XVIII). Назва берез. тамож. головам 143 г. (Сиб. Прис., ст. 62, л. 236—277).

³⁾ Об общих условиях пути Прис. дела ст. л. 1630, № 71 л. 573 след. О «чрезкаменных судех» см. Обдорск. тамож. книгу 140 г., а также Сиб. Прис., ст. № 81, л. 112, 163, № 259, л. 688.

⁴⁾ Сиб. Прис., ст. № 103, л. 259. М и л о р, Опис. Сиб. царств, стр. 63.

¹⁾ Сиб. Прис., ст. № 62, лл. 330—339. Тамож. книга 143 года — там же, ст. № 62, лл. 236—277.

²⁾ Сиб. Прис., ст. № 178, лл. 167—168.

³⁾ Там же, л. 322.

нас, спрут твоих, через Камень Собью рекою на каменных волоках разбивают»¹⁾ (23 августа 1641 г. на красноярских, кетских и тарымских служилых людей, переносивших через горы государеву собольную казну, «нанушались... многие самоедские люди на оленях на последнем волоку на Камени верх Ельца речки и... (их) учили стрелять из луков». «И мы», писали пострадавшие: «холопы твои государевы, учили биться за твои государевы собольные казны и билися мы, холопы твои, день до вечера, и не стало у нас, холопов твоих, свинцу и пороху... и убили у нас четырех человек, да двух человек промышленных людей, которые были под твоею государевою казною в гребцах, а нас, холопов твоих, переранили и твою государеву собольную казну пограбили, красноярскую собольную казну, с пушками и с хвостами 18 сороков, да тарымскую твою казну государеву всю пограбили-ж, все соболы и бобры, и наши животишка пограбили-ж... мягкую рухлядь и деньги»²⁾. 2-го сентября того же года и на березовских служилых людей, переносивших березовскую казну через волок, точно также «пришли безвестно самоеды и учили по них из луков стрелять и государеву казну громить, и убили де тут у них... березовского литвина Левку Михайлова да цедовальника еренца торгового человека Сидорка Крюкова до смерти, и их-де всех из луков переранили, ... а отгромили де у них на том бою той государевы казны два вьюка бобров, да суму с собольми, да два меха холщевых, да две сумы оленьи с белкою». С своей стороны служилые люди убили одного самоеда, после чего дикий побегали, и они «отбили у них большую часть захваченного. «И как они после того бою собольную казну свосили к судам, и сидели от той самоеды в осаде два дни да ночь, и на них-де внаехали на третий день в субботу с государевою-ж собольною казною енисейские служилые люди»³⁾.

Несмотря на неудобства и опасности «чрезкаменного» пути, в течение всего XVII в. он оставался «большой сибирской дорогой», по которой из года в год шло значительное движение в Сибирь и обратно. Об размере этого движения дает некоторое представление Обдорская таможенная книга 1640/1 г. С Руси через Камень в этом году пришло 125 человек, из них 34 человека, исторговавшись, пошли обратно к Руси, 80 пошло в Мангазею, 8 в Березов и 3 в Енисейск. Обратно через Камень пошло из Тобольска 48 или 49 человек и из других сибирских городов 213 человек, считая служилых людей и гребцов, ехавших с государевой казною, и без указания откуда—24 чел. Наконец, морем из Мангазея прибыло 319 человек, которые тоже, лишь за несколькими, может быть, исключениями, пошли через Ка-

мень к Руси. Всего, таким образом, из Сибиря к Руси через Камень отправилось 638 или 639 чел. Всего же зарегистрировано было более 760 случаев проезда чрезкаменным путем⁴⁾. В 1638/9 г. «в Сибирском устье и на Обдорской заставе было с Руси торговых и промышленных людей 919 человек», а в следующем году 745⁵⁾. И в других пунктах Печорского пути отмечают большие размеры «сибирского приезда»; так в Соли Вычегодской «сибирский приезд» в сентябре и в октябре 1643 г., преимущественно южным путем, определялся, по таможенной книге, в 362 чел.⁶⁾ Товаров было явлено в 1639 году на 16.494 р. 80 к., а в следующем 1640 г. на 9.301 руб.⁷⁾ Большое число провозящих и провозных товаров отражалось на крупных размерах таможенных доходов: в 1638 г. «таможенный сбор Сибирского устья и Обдорской заставы» определялся в 1.859 руб. с лишним (считая Киртасскую заставу)⁸⁾, в 1639 г.— в 1.239 р. 77½ к.⁹⁾ Во второй половине XVII века, с прекращением поездки морем в Мангазею и с упадком мангазейских промыслов, движение «чрезкаменным» путем сократилось, но было все-таки значительно. Так, летом 1695 года через Сибирское устье проехало «русские города» 224 чел. и «из русских городов» 9 человек — всего 233 чел. Ехавшие из Сибиря торговые люди везли с собою мягкую рухлядь и китайские товары¹⁰⁾.

С Обдори ехавшие через Камень торговые и промышленные люди направлялись, «не займу Тобольска», в города; расположенные по Оби: в Березов, Сургут, Нарым, Кетск, Томск и далее в Енисейск, а также через море в Мангазею¹¹⁾. Надо, однако, отметить, что пользовались «чрезкаменным» путем далеко неравномерно. Он служил преимущественно для обратного путешествия из Сибиря к Руси, когда жители перечисленных выше «сибирских» городов, «торговые люди, испредав свои товары и хлебные запасы, промышленные люди, быв на промыслах», этим путем отправлялись во свосии. Все движение из Мангазея к Руси шло исключительно через Камень. Через Камень же везли государеву собольную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетска, Енисейска, Красноярска и Ленского острога¹²⁾. Для пути же в Сибирь предпочитали Верхотурье. По «тесным» болотным и горным речкам трудно было препроводить с Руси в Сибирь громоздкие товары, которые везлись для

¹⁾ Сиб. Прик., кн. № 42.

²⁾ Сиб. Прик., ст. № 102, л. 169.

³⁾ А. М. И. Д. Сольмаггер, там же, книга 1644 г., № 16.

⁴⁾ Сиб. Прик., ст. № 102, л. 168—169.

⁵⁾ Сиб. Прик., ст. № 78, л. 100—101.

⁶⁾ Сиб. Прик., ст. № 102, л. 168.

⁷⁾ Сиб. Прик., кн. № 1066.

⁸⁾ Сиб. Прик., кн. № 6, л. 177 об. 181, ст. № 259, л. 687. Р. II. В. II, № 254 (VI).

⁹⁾ Обдорск. тамож. книга 149 г. Сиб. Прик., кн. № 6, л. 177 об.—181.

¹⁾ Сиб. Прик., ст. № 90, л. 40—41.

²⁾ Сиб. Прик., ст. № 209, л. 44—45.

³⁾ Сиб. Прик., ст. № 103, л. 266—269.

мени на пушшину, и, наоборот, самая пушнина легко умещалась в небольших облаках, совершавших путь через Камень. Этим и объясняется то обстоятельство, что движение с востока на запад по «чрезкаменному» пути было оживленное, чем с запада на восток.

Древний «чрезкаменный» путь функционировал в течение всего XVII в. В 1704 г., по не вполне ясным фискальным соображениям, было предписано ездить исключительно через Верхотурье. Указ, один из многих случайных и малообоснованных указов, вышедших из-под пера Петра Великого, был повторен в 1706 году, при чем определенно запрещалось ездить «через Камень, что на Березове». В 1722 г. было вновь подтверждено, «чтоб чрез Березов и Собскую заставу как в Сибирь, так и из Сибири отнюдь никого не пропускать, для того, что по присланной Е. И. В-на грамоте 704 году, кроме Верхотурья, как в Сибирь, так и из Сибири пропускать никого не велено»³).

С этого момента этот, исторически сложившийся и в течение ряда веков связывавший Россию с Азией, путь — постепенно отмирает и утрачивает свое значение.

В непосредственной связи с Печорским путем находился морской путь, «морем-окиляом, мимо Путозерский острог», которым морские промышленники несомненно уже пользовались в первой половине XVI века и продолжали ходить до 1620 г., когда он был закрыт для них вследствие запрещения, последовавшего от властей. По словам самих промышленных людей в 1617 году, они ходили морем, «которого лета льды пропустят», в Обскую губу и в Мангазею «для своих промыслов» с Двини, с Пинеги и с Мезени, «лет по 20, по 30 и больше»⁴).

Морской путь шел вдоль побережья Ледовитого океана. Выйдя из устьев Двины, плыли «подле берег и через губу особым ветром с запада на восток... влево море, а вправо земля», объезжали Канин полуостров, отбегая отмеченный на карте царевича Федора Канин нос (Санинос), и мимо Колгуева шли через Чешскую губу на Кулуиское устье. Чито набегнуть длительного пути вокруг Канина полуострова, пользовались иногда «Чешским волоком», образуемым реками Чижого, впадающей в Белое море, и Чешюю, впадающей в Мезенскую губу, верховья которых настолько близко подходят друг к другу, что «в большую воду тот волок поимает водою». Даже в позднее время года суходое пространство составляло всего сажень 20, через которые кочи промышленников перевозили, «спаймучисью», кочевавшие по окре-

³ Памятница Сибири, истории XVIII века, изд. Арх. Ком., II, № 70, № 89 (I), № 86.

⁴ Р. И. Б., II, № 254 (X).

стным тундрам самоеди⁵). Пересекши Чешскую губу, кочи шли вдоль берега до так называемого Русского заворота, где он делает рекий поворот к югу, образуя Печорскую губу или «Сухое море, как ее называли в XVII в.⁶). Обогнув Малиянский заворот, ограничивающий Печорскую губу с востока⁷), или «большим же морем-окиляом на урочище Югорский шар», «а шли прямо большим морем, перенялася через губы морские, а на губых местах глубоко, а в иных местах мелко в сажень, а инде и меньше, а в иных местах и суда ставят». Остался вправо «Варадней мелн»⁸), пересекши Королеву (теперь Хайлундирскую) губу и въезжали в Югорский шар, образующий пролив (проезд) между материком и о-вом Вайгачем: «а тот проезд промеж Вайгача, да промеж берегов, а по берегу лежит грядю камень..., а проезд местами глубоко, а местами мелко». Бывали годы, когда, по словам русских промышленников, Югорский шар был закрыт льдами. Вблизи к Вайгачу не подходили, «потому что отшел далеко в море, да и льды великие стоят». Оставя, таким образом, в стороне «остров великий каменный» с его суровыми и пустынными берегами («местами тундра, а местами камень голый, а леса никакого нет... место пустое, людей нет») с его знаменитым самоедским святилищем, которое русские промышленники еще в 1556 году показывали Стефану Бьерро, въезжали в Карекую губу или Нярзомское море, как ее иначе называли⁹).

Полуостров Ялмал был хорошо известен русским уже в начале XVII века: на картах Массы и царевича Федора Борисовича помечен целый ряд урочищ вдоль его берегов: Мутный шар (Mutnizjar или Mogintjar), Шерпахов котки (Seergarovi cooski), Бритни столб (Britin stoll), вынешний Ведужий мыс; на восточном берегу: Заворот, реки Мутная, Зеленая, Черная (Tsernaia), Рыбная (Reebnaia); внутри полуострова «озера» (Ozera), к северу от него Белый остров.

⁵ Р. И. Б., II, № 254 (X). Чешский волок подробно описал Б. М. Житкович (в Отчетах экск. П. Р. Г. о на Канин, в Зап. Русск. Географ. О-ва по общ. геогр., т. 41, вып. I).

⁶ «Сухое море» на картах Исаака Массы и цар. Федора Борисовича. Так же называют его англичане, бывшие в Путозерске в 1611—1612 г. (Schickel II, стр. 166—167). В росписи судов, потерпевших авария в 1691 г., упоминается в доле о селке кп. Голышинов, изданном Археогр. Ком., говорится про порт, который имя Загубский берег в «ухое море закинуло». (Розыскн. дела о Ф. Шакаловитом, III, стр. 1376).

⁷ В 1594 г. голландцы видели на Малиянском завороте множество крестов, свидетельствующих о частых несчастных случаях и кораблекоп на этом месте (см. у Замиселского о плав. сол., стр. 8).

⁸ Полуостров Большой Варадней (Варадней) (Возле Варадней) на карте цар. Федора), образующий Печорский залив и Хайлундирский.

⁹ О Вайгаче и Югорском шаре — Р. И. Б., II, № 254. На слудт (двинский полуостров Бьерро), или Евгенульи Лйнегу, I, стр. 346—347. Нярзомское море, иначе Нярзомское и Нарыское.

Во избежание длительного и опасного объезда Язмала морем, русские мореходы срезали его посредством волока между Мутною рекою, впадающею в Карскую губу, и Зеленой, впадающей в Обскую губу. Мутная река³⁾, маленькая речонка (счрез можно камень перебросить), настолько мелкая, что «в грузу кочи не проходит, а дожидаются с моря прибывшие воды (прилива)», протекала по пустынной тундре, поросшей мелким лесом — «приником», по которой кочевала лишь карачейская самождь. По ней шли «прибылою водою», «тянулись бечевой» в течение 20 дней «до озера, из коих вышла Мутная река, а вышла Мутная река из тех озер невеликих, версты по две»⁴⁾. Дойдя «до озера», до вершин Мутные реки, запасы волоки «меж озерцами» в «павоках», т. е. небольших лодках, «а проводили павозки от озера до озера пачочинами (тянули, по воде бродячи), один павозок тянут два человека, а те между озерцами пачочины тоже в дву местах от озера до озера по версте и меньше, а кочи тянут канаты после запасов порожние но тем пачочинам всеми людьми, а от третьего озера шли на волок до большого озера⁵⁾, из которого вышла Зеленая река»⁶⁾. «Сухого волоку от озера до озера» считалось всего с $\frac{1}{2}$ версты, «а место ровное, земля песчаная»⁷⁾. Через волок запасы носили «на себе на плечах», павозки волочили канатами, большие кочи тянули тоже канатами «по кадкам, подделав ворота». «А носили через волок запасы и павозки волочили и кочи тянули ден с 5». Достигнув «большого озера», пересекали его и входили в вытекавшую из него Зеленую реку. Последняя была еще «меньше Мутные и мельче», «и шли ... на низ Зеленою рекою, павозили запас в павозках, а кочи тянули порожние всеми людьми». Из Зеленой реки попадали в Обскую губу и бежали «парусным погодем» (т. е. при благоприятном ветре) до «Заворота» дель. У Заворота (ныне мыс Камennyй) береговая линия Я мала делает резкий поворот на юго-запад; здесь сворачивали на восток в Тазовскую губу, все время имея в глазах «по обе стороны берег», и въезжали в устье реки Таза, берега которого были известны под именем Мангазея. Мангазея и была конечным пунктом морских путешествий XVI и XVII вв.⁸⁾.

³⁾ Иные Се-яга, т. е. Проходная река, самостоятельное название, соответствующее русской Волочанке.

⁴⁾ Это группа озер Ней-те (Налимье озеро); от них Се-яга, впадающая в Карскую губу получила название Ней-те Се-яга. Озера эти носят название Мал-то, Ер-то и Нгай-во-то (см. В. М. Житков, Полуостров Ямал, т. 49 Зап. Русск. Геогр. Общ. по общей географии).

⁵⁾ Это озеро Ямбу-то, т. е. Длинное; в XVII в. его звали Зеленым.

⁶⁾ Се-яга Валуята, т. е. Проходная река племени Валуята.

⁷⁾ Волок этот обследован и описан В. М. Житковым (напр. соч.).

⁸⁾ Р. Н. Б., II, № 254 (X). Путь этот описан англичанином в 1611—1612 гг. См. Schrenk, II, 170—171 и Reise in alle Voyages au Nord, IV, 1792 г. стр. 511 слзд.

Морской перевал совершался на «малых кочах», примитивного устройства плоских барках с палубами, вмещавших приблизительно 10 человек и 400 пудов груза и ходивших на парусах. Путь был долгий: отправляясь с Двином с Петрова заговения, приходили к устью Мутной реки только на Успеньев день или на Семень дель (1 сентября); следовательно, на одну эту часть пути требовалось от $2\frac{1}{2}$ до 3 месяцев. Продолжительность пути от Мангазейского города до Карской губы «в русский конец, Тазовскую губою и через Обь (Обскую губу) и на Зеленою реку и через волок на Мутную реку и до Карские губы» самими промышленниками определялся в 5—6 недель. Всего, таким образом, требовалось в среднем 3—4 месяца времени. В одном случае, например, из печорского устья в Мутную «Петрове дель», а в Мангазею пришли перед Покровом¹⁾.

Продолжительность пути зависела всецело от случайностей погоды: «а коли бог не даст пособных ветров, и тогда все кочи воротятся в Пустоозеро; а коли захватит на Мутной или на Зеленой реке позднее время, и на тех реках замерзает и животные свои и запасы мрут на устье, а сами ходят на лыжах в Верезовский уезд». «А как замрут льды большие, шно обходит около льдов парусом и гребью неделю с шесть, а иногда и обойти льдов не помочито, и от тех мест воротятся назад в Пустоозеро». Писеваннина Фомку Ворисова, например, под Бульвовым берегом (в Варандаях) «завалия великие льды, и они сквозь льды пробивались в том месте четыре недели, а как льды отнесло в большое море, и они пришли к Югорскому шару». В 1626 г. ехавших из Тобольска служивых людей у Заворота застигла «стуча с дождем и ветер встречный с северу, и парус на коче изордало, и павозок (шлюнку) разбил, и коч с якорей сбило и пришло за кошку, и стояли-де они за ветры 6 недель, дожидались пособных ветров» и после Успенья воротились назад, «потому что стало похоло, море стало мерзнуть и льдов стало много». Ставшими трудностями приходилось русским мореходам преодолевать «непроходимые алье места от великих льдов и велике нужи»²⁾.

Несмотря на все опасности и трудности морского пути, им пользовались не один случайные искатели приключений: «из Архангельского города», по современным свидетельствам, в Мангазею по вся годы ходит кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и с хлебом». В 1601 году в Мангазею прибыло морем 4 коча, на котором ехало человек с 40; в 1602 году столько же; в 1610 г. — 160 человек на

¹⁾ Р. Н. Б., II, № 254 (X).

²⁾ Р. Н. Б., II, № 254 (IV, X), VIII, № 11 (IX). Топография Бульвового берега упоминается рекой «Шесталая Бульвова» (Кн. В. Чертеж, изд. Салевского, стр. 187) и делом о ссылке ил. Голицыных (стр. 1376—1377).

16 кочах; в 1611 году выехало из Поморья 26 кочей, но должны были вернуться из-за неблагоприятной погоды; в 1612 г. — 16 кочей, а в 1613 г. — 17; в 1618 и 1619 гг. в Мангазее «пришли морем многие люди»¹⁾.

Морские плавания в Мангазее имели место уже в XVI в.²⁾ Первое упоминание о них мы находим в дневнике плавания по Ледовитому океану Стефана Берро в 1556 году; он встретил у Вайгача колмогорских и печорских жителей, промышлявших здесь охотой на моржей и на белых медведей; один из них вызвался, «если бог пошлет ветер и хорошую погоду», провести англичан на Обь и на р. «Нарамзай», куда сам собирался идти в виду малого улова моржей у Вайгача³⁾. От второй половины XVI века уже имеется целый ряд совершенно определенных указаний: так, по сведениям собранным в 1595 г. голландцами, ежегодно несколько людей ходило с Колмогор на р. Обь и даже на Енисей (Gilliss) и возила с собой сукуна и другие товары⁴⁾. «Морем и Обью» ходили в конце столетия в Мангазее шипежане и мезенцы, как явствует из их челобитной, поданной в 1600 году⁵⁾. В царствование Федора Ивановича, московский гость Лука организовал даже экспедицию на трех кочах «проевдывати обского устья», закончившуюся трагически: все участники ее погибли «с великими нужды», и в живых осталось только четыре человека⁶⁾.

По следам русских мореходов в середине XVI в. морским путем из Поморья в Обскую губу пробовали воспользоваться английские исследователи в поисках пути Ледовитым океаном в Китай. В 1556 году, как мы видели, путь «морем вдоль восточного побережья на восток» сделался известен Стефану Берро от русских промышленников, едвигших на морские промыслы к устьям Печоры и Оби. Несколько позднее Дженкинсон из своих странствований по России вынес сведения о баснословной «Molgomzia» (Мангазее), почитаемые из «Сказания о человеках незнаемых», и эта маленькая чуждая запись, будучи переведена на английский язык, послужила путеводной нитью для смелых научных гипотез и отважных предпрятий, подобно тому как безграмотные «чертежи» русских мореплавателей легли

в основание европейской картографии Ледовитого океана⁷⁾. Ряд английских и голландских экспедиций во второй половине XVI и в первой четверти XVII века обследовали этот путь (Виллоб в 1553 году, Берро в 1556, Пет и Джаксон в 1580 г., К. Най в 1594—95 гг., Баренц в 1596 г., Гудсон в 1608 г., Босман в 1625 г.).

В 1610 г. русские промышленники, бывшие на промыслах в Мангазее, сделали очень важное открытие. Двинянин Кондрашка Курочкин, «поговорив с товарищи своими с торговыми людьми с двиняни-же», устроил экспедицию на кочах с Трухана к устью Енисея; они не сразу пробрались к морю, потому что устье енисейское занесло из моря льдом, и «из реки в губу за льдом проехать немочно, был беспрестанно ветер с северу; простояв в устье недель пять, они хотели было назад повернуться, «да как потянул полуденный ветер, и тем ветром лед из устья отнесло в море... одним днем, а как река и море очистилась..., и они выехали из Енисея в море. Так выяснилось, что Енисей впадает в морскую губу того же Студеного моря, «которым ходят немцы из своих земель к Архангельскому городу, и проезд с моря к енисейскому устью есть... и большими кораблями из моря в Енисей пройти можно». Это известие достигло в 1616 году Тобольска, тогдашнего административного центра Сибири, и вызвало здесь переполох. Важность вновь открытого пути не ускользнула от тобольских воевод кн. Изв. Сем. Куракина и Изв. Будыгина. «И мы, холопы твои», писали они царю, «в Мангазее и в Енисее приходим чаем немешских торговых людей, потому что река Енисей угодна, рыбы в ней много, а живут по ней пашенные татарова, и зверь по ней дорогой, а им ходит с немецкими товарами податно». Тобольским администраторам новый путь представлялся обильным в двух отношениях: «мочно... немцам пройти в Мангазее из своих земель, не займуч Архангельского города, «и приехал-бы воинские многие люди сибирским городам какой поруки не učinили». Другое опасение было вызвано страхом убытков для государственной казны: «столько поедут (русские люди) большим морем, и учнут торговать с немцы и с русскими людьми, уталяя на Югорском Шару, на Тресковой..., на Колгуеве, на Моржевке, на Камные носу, и... государеве казне в пошляных истеря будет». Наконец, мор-

¹⁾ Р. П. Б., II, № 254. Schrenk, II, стр. 168—169, 173, 187, 196.

²⁾ Будыгинский в статье: Мангазей и Мангазейский уезд (в Зап. Харьк. У-та 1805 г. № 1) высказал предположение, что путь этот был известен поварам, но не приводит к тому никаких доказательств. Он сам говорит: «Мы сомневаемся, что наши предположения относительно упомянутого морского плавания поваров действительно мало убедительны; мы не можем основать свое предположение на несогласных исторических данных» (стр. 40).

³⁾ Наслюв, I, стр. 346, 347.

⁴⁾ Замысловский, назв. соч. (стр. 89—90, где приведены цитаты из журналов голландских экспедиций).

⁵⁾ А. Н. I, № 30.

⁶⁾ Р. П. Б., II, № 254 (X).

⁷⁾ О «Сказании» см. статью Д. Н. Анучина, К истории ошаконимия с Сибирью до Ермака (в Труды Моск. Археолог. Об-ва, т. XIV); «Сказание» напечатано Титовым (Словарь в XVII в.) и Анучиным в названной статье. Английский перевод нескольких глав этого сказания, сделанный Джексоном — Nаслюв, I, стр. 467 (под. Еввульда's Library). Что англичане отсюда получили свои сведения про Мангазее, видно из употребительной у них формы «Molgomzia», заимствованной из Сказания («Molgomze»). О польовании голландцами в 1594 г. русским чертежом побережья от Белого моря до Печеры у Замысловского (назв. соч.). Карта Массы, как видно из его собственных слов, составлена тою на основании русского чертежа.

ской путь был и в том отношении невыгоден, что, благодаря ему, промышленники избегали многочисленных внутренних таможен.

Пре эти соображения, политического и фискального свойства, заставили кн. И. С. Куракина ходатайствовать о полном запрещении русским людям ездить в Мангазейское море; в том же году соответствующий царский указ был прислан из Москвы с угрозою «великой ослалы» тем людям, которые задумают вперед ходить в Сибирь морским путем. Указ этот, однако, вызвал энергичное противодействие со стороны поморского населения. Торговые и промышленные люди всех городов, «которые ходят для торгов своих и промыслов в Мангазейское», подали мангазейским воеводам челобитную с ходатайством, чтоб государь пожаловал, велел «им из Мангазьи к Руси и в Мангазейское с Руси ходить поволить большим морем... по прежнему, чтоб им вперед без промыслов не быть, а... (государевой) соболонной казне в их бесторжкше и беспримыслу... убытку не было». Доводы торговых людей о том, что запрещение морского пути отразится на казенных доходах, оказались убедительны, тем более, что в Москве, при смутных географических познаниях того времени, с трудом разбирались в вопросе, поднятом кн. Куракиным. В 1618 году первоначальный указ был отменен, и было разрешено ходить в Сибирь «большим морем», «как шаперд того ходили». Но при этом правительство в сущности перелазало окончательно разрешение вопроса на местную администрацию: «а во всем мы в том морском мангазейском ходу положили то дело на тебя, боярина нашего кн. Ивана Семеновича, писали из Москвы Куракину, «а ты бы всякие наши дела делал в Сибири, смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу было прибыльнее и поруки никакой в нашем деле не было». И. С. Куракин и воспользовался предоставленным им полномочием и в 1619 году своею властью запретил ездить из Сибири к Руси и обратно морем, о чем уведомил поморские города. В следующем году это распоряжение было официально утверждено правительством, и из Москвы последовал «казак крепкий». В 1620 г., таким образом, запрещено было окончательно ездить «старою дорогою, большим морем»; жестокое наказание грозило ослушникам: «и тем людям за то их воровство и измену бы казненным злым смертми, и домы их велим разорити до основанья»¹⁾.

Сказанное решение проводилось в жизнь непреклонно: «та дорога, по государеву указу, от дальних лет в крепкой заповеди с смертною казнию належит, чтоб никакой человек тем заповедным путем из большого моря-окиала в Мангазейское море, ни из Мангазейского моря в большой океан никто не

ходил»²⁾. Из Москвы было предписано поставить на волоке между Мутной и Зеленой рекой «для береженья проходу немецких и торговых людей» острожек, куда посылать из Березова ежегодно служилых людей, которые должны были там оставаться в течение всего навигацонного периода. Исполнение этого указа встречалось на практике с непреодолимыми препятствиями, так как «для великого дальнего расстояния и свирепости моря служилые люди не только не могли поставить острог, но нередко не могли даже дойти до волока. Московское правительство не переставало, однако, из года в год посылать о том указы в Тобольск с требованием посылки служилых людей «во время, не испустя поры», а тобольская администрация безжалостно чинила наказание служилым людям, не сумевшим исполнить поручение»³⁾.

Так великий морской путь был закрыт для предприимчивых поморских мореходов, но память об «заповедной», «ворской» дороге «океанскою проливом» долго жила среди «ведомых» морских ходовою Поморья, покрывалась налетом легенды, и долго еще ходили среди них толки о том, что «обским устьем в большое море и большим морем в Литву и в немцы пройти можно»⁴⁾. Предания о ней дошли до XVIII века, когда в 1753 г. П. И. Шувалов, сведомился, что «в прошлых годах» морем «промышленники хаживали не малое число, отчего «промышленный народ весьма пользовался», и выхлопотал себе на этом основании разрешение образовать компанию для эксплуатации «океанских» промыслов по берегам Ледовитого океана до реки Таза⁵⁾. Но только во второй половине XIX и в начале XX века, благодаря, главным образом, экспедициям Норденшильда (1875—1876, 1879) и Навсена (1893—1896 и 1913 г.) и усилиям русских предпринимателей Сидорова и Сибирякова, окончательно выяснилась возможность пользоваться «старой морской дорогой» для сношений с северным побережьем Сибири.

¹⁾ Прик. д. ст. а. 1630, № 79, ст. 76—80.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 16, ст. 1—5, 25, № 25, ст. 156, 245, № 60, а. 509. Р. И. В., II, № 264 (XII), VIII, № 11 (IX).

³⁾ Прик. дела ст. акт. 1630, № 79, ст. 76—80. В 1630 г. морским путем зантересовался мангазейский воевода Г. И. Копырев. Это дало повод его врагам обвинять его в попытке нарушить «заповедь», будто на обратном пути из Мангазьи он ходил «неугодною дорогом... и перебежал на другую сторону Мангазейского моря, имея Зеленую реку быд, и не пропустил его мелью. И то, государь, знавше, писал доносил царю и патриарху, что он, Григорий, по своему воровскому умыслу промывал и Нарымскому морю и в Карской губе, к большой охлоской проливу, да не пропустил его мели больше, и не попустило тако государю крестное ижевало, послало его... что в такой безмерной широкон пучине не узнал своей воровской дороги... и то, государь, не являл ли к вам, государь, измена? И поето, государь, он, Григорий, умисля воровски, хотел, те заповедную дорогом промывал, и привести тем путем немецких людей и нашей государственною златокопачиюе дальнюю мангазейскую Мангазейское землем и иными землями завладеть.

⁴⁾ П. С. Зап. XIII, № 10683.

Пути по Печоре и ее притокам и по морю обслуживали, главным образом, промышленные нужды населения русского Поморья. Для истории завоевания Сибири более важное значение имеет другой путь — рекою Камою и ее восточными притоками.

Корни Камского пути теряются в глубокой древности. Этим путем еще в VI в. по Р. Хр. доставлялись из Азии те серебряные сосуды, характерные для эпохи Сасанидов, которые до сих пор попадаются на берегах рек, принадлежащих к бассейну Камы. Долгое время, однако, этот путь был закрыт для русских, которые при продвижении своем в среднее Поволжье нашли здесь, близ устья Камы, могущественное государство тюрков-булгар, захвативших в свои руки торговые пути в «страну Мрана» т.-е. в Сибирь. Булгарские купцы ходили за Урал за пушшиной, и арабские писатели сохранили любопытные подробности о немой торговле, производившейся ими с сибирскими племенами, которых они, подобно русским, называли именем Югры («Юра») ¹⁾.

Начиная с XII века, суздальские великие князья тесно боролись за обладание Камским путем и предпринимали ряд боевых или менее удачных походов на Каму. Булгарское царство оказалось достаточно сильным, чтобы выдержать натиск; по временам булгары даже сами проявляли некоторые агрессивные намерения, стремясь распространить свою власть на Утогор, служивший ключом к поволжским торговым путям на север. Когда в середине XIII в. Булгарское царство пало под ударами татарских завоевателей, на его развалинах образовалось сперва княжество, потом ханство Казанское, в руках которого сосредоточивались подступы к Зауральскому пути. Между Казанью и Сибирью устанавливаются оживленные торговые и политические сношения, свидетельством чему служит название одних из ворот в Казани «Тюменским» и брачные союзы между царствующими домами казанских и сибирских ханов. Впоследствии русские называли «старой казанской дорогой» путь Камою на Уфу и степью «полема» на верховья Исети; это был, вероятно, очень древний караванный путь из Бухары в Булгар, о котором говорят еще арабские писатели. На-ряду с караванной дорогой через уфимские степи, казанские татары пользовались, повидному, и речными путями по Чусовой и Сылве.

Только после завоевания Казанского царства русские стали твердой ногой на Каме и на ее притоках.

Несколько путей вело с Камы за Урал. В XV и XVI вв. наиболее известен был путь «от Соли Камской мимо Чердыньюдиным путем Вишерою (притоком Камы, на котором спонт

Чердынью) вверх, да чрез Камень в Лозью реку, да Лозьюю вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки и далее по Иртышу и по Оби.

Путь Камою через Чердынью имел то преимущество, что он был тесно связан с Вишегдою и с Печорою. С Вишегдою он соединялся двумя артериями: либо непосредственно от Соли Вишегодской р. Виледью и «Вилецким волоком» на Сысолу, из Сысоли Ужгою и волоком на Каму к Гайламу и в Вишеру к Чердынью ²⁾; либо с верховьев Вишегды рекою Немом и волоком на Вишеру, приток Колвы, впадающей в Вишеру близ Чердынью ³⁾. На Печору путь шел из Вишеры в Колву до Вишерки, выходящей из Чусовского озера; в Чусовское озеро впадает р. Березовка с притоком Вогулакою, которая подходит очень близко к верховьям р. Волосинцы, притока Печоры ⁴⁾.

Путь Камою и Вишерою мимо Чердынью сделался доступен русским после покорения Перми в 1473 году. Уже в 1483 г. этим путем ходили воеводы великого князя кн. Фед. Курбский и Ив. Из. Солтыков походом против великих вогуличей, живших на Тавде за Уралом. После боя «на усть-реки Пельны» (Пельм — приток Тавды), они «пошли вниз по Тавде реке мимо (т.-е. оставив в стороне) Тюмень в Сибирскую землю... а от Сибири шли по Иртышу реке вниз, воюючи, и князей югорских воевали» ⁵⁾. Этим же путем производил, с своей стороны, великие вогуличи свои опустошительные набеги на Пермь в XVI в. Путь из Сибири «по Тавде вверх и через Камень вогуличам» был известен и «вожак» Ермака ⁶⁾.

После покорения Сибирского царства, Московское правительство поторопилось захрестить за собою чердынский путь постройкой около 1590 г. городка на р. Лозье. Дорога через Чердынью и «новый город» Лозью и была первое время официальной дорогой, по которой шли все сношения Москвы с вновь завоеванным краем. Этой дорогой ходили государева денежная и собольная казна и хлебные запасы и торговые люди, пермяки и иных городов ⁷⁾. Чердынью сделался центром, откуда производилось зановое зауральских земель, постройка новых горо-

¹⁾ Платонов, О двух грамотах 1611 года (Статьи по русской истории, изд. 1-е, стр. 196—200). Прим. д. ст. лет 1656, № 4.

²⁾ См. описание пути у Писана Масси (Russia seu Moscovia. Lugduni Batavorum, ex officina Elseviriana, 1630, стр. 87) и в месячном издании кн. Оболенского и вальдер-Линде (Histoire des guerres de Moscovie par J. Maass de Naarlem, Bruxelles, 1866) I, стр. 274 след.

³⁾ Загоцкий и, Русские военные пути в до-Петровской Руси (изд. Упр. внутр. воен. пути и шос. дорог, вып. XVI), стр. 193—194. А. М. И. Д. Стрел. деп. 1823. № 2, т. 5.

⁴⁾ Архангелогор. летоисч., изд. 1730, стр. 160—161.

⁵⁾ Сиб. летоисч., стр. 320.

⁶⁾ Сиб. Царк., кн. № 2, т. 151. Миллер, Опис. Сиб. царства, стр. 332.

⁷⁾ Тизенгаузен, Сб. материалов по истории Зем. Орды, стр. 297. Лерберг, О географии, колонизации и истории Югорских земель, в Исследованиях, 1819, стр. 38—41.

дов (напр. Пельма, Березова, Верхотурья), снабжение их всем необходимым и даже сбор ясака ¹⁾.

Значение чердынского пути утратилось с открытием Артемием Бабинным в 1597 году более короткого пути непосредственно от Соли Камской на верховья Туры. С постройкой Верхотурья официальный тракт пошел через этот город, и в 1598 г. Лозьвинский городок был срыт. Тем не менее промышленные и торговые люди, особенно пермичи, не сразу привыкли к новому направлению дороги на Верхотурье и продолжали некоторое время ходить «старою дорогою на Лозьву» ²⁾.

Другой путь с Камы за Урал шел по ее притоку Чусовой до устья впадающей в нее реки Серебрянки, по Серебрянке до Татальского волока, волоком в 25 «поприщ» на р. Жеравлю, из р. Жеравли в Баранчу, из Баранчи в Татил и из Татила в Туру ³⁾. Имелся, кажется, и другой вариант того же пути по притоку Чусовой Сызве ⁴⁾.

Путем в Сибирь по Чусовой, повидимому, пользовались уже казанские татары для сношений с Тюменью ⁵⁾. Этим же путем в течение всего XVI века производились зауральскими инородцами набеги на пограничные русские области.

В 1573 г. из Сибирской земли, с Тобола, на Чусовую приходил ратью царевич Махмет-Кул «дорогу проводить» в Пермь, а в 1580 г. разорил русские поселения на этих реках пельмичский мурза Бекбелли Агтаев. В результате таких набегов сибирским ханам удалось одно время подчинить своему влиянию остоков, живших по Чусовой. С другой стороны, есть признаки, показывающие что со стороны Казани по Чусовой и ее притокам шла татарская колонизация. В 20-х годах XVII века татарские «вотчинны» встречаются у владения Чусовой в Каму (муллинские татары в Верхних и Нижних Муллах) и по Сызве и ее притокам Тазу, Бабе, Шакве и Юрману ⁶⁾.

¹⁾ Р. И. В., II, №№ 53 (I), 56, 60. Сиб. лет., стр. 45.

²⁾ Сиб. Прик., кн. № 2, л. 151.

³⁾ Сиб. летопись, стр. 11, 16, 216, 314. Книга Б. Чертеж, стр. 146. Загоскин и, назв. соч., стр. 198—199.

⁴⁾ Архангелог. летопись, стр. 177—178. Дмитриев, Пермская Старина, I, стр. 192.

⁵⁾ Это видно из того, что Тигильский волок задолго до завоевания Сибири русскими послы называли Тюменского (ж. Пермскую Устайя, грамоту 1551 г., и дреч. Деятельность в I т. Пермской старины), и что в 1572 г. посол Ивана IV Чебуков шел в Сибирь по Чусовой через Казань. Сила Чусовского пути с Казанью сохраняется в течение всего XVII в.

⁶⁾ Пермская Старина, IV, стр. 79. Шинюшко, Пермская летопись, II, стр. 126—129. См. данные о татарских вотчинах в книге Кайсарова в IV т. Пермск. Старин. Ср. А. М. И. Д. Строган. дела, 1576—1640.

Русские завладели путем по Чусовой после завоевания Казани, но еще раньше они пользовались им для торговых сношений с сибирскими инородцами. Уже в первой половине XVI в. пермичи посылали «к волоку Тюменскому и в волоцкую и в Сызлу своих людей с пермским со всяким товаром торговати, и в этой торговле принимал участие через своих людей сам наместник пермский ¹⁾. С падением Казани эти торговые сношения должны были получить дальнейшее развитие, и «чердынские страны люди» стали ездить по Каме и по Чусовой, «купя себе остиащие купля» ²⁾. Достаточно указать, что в 1572 г. около Строгановских городков инородцы побили 87 человек русских торговых людей ³⁾.

Путем через Казань до Чусовой пользовалось и правительство Ивана Грозного для сношений с Зауральем: мимо Строгановских городков, как видно из жалованных грамот, ездили царские послы с Москвы в Сибирь и из Сибири в Москву ⁴⁾. Так шел, например, из Сибири Третьяк Чебуков в 1573 году, когда был застигнут и убит Махмет-Кулом.

Завоевание Казани открыло русской колонизации доступ «на вершину Камы, на места изобильные». Сюда хлынула волна поселенцев. Казань пала в 1552 году, а уже в 1558 году сольвыгодские промышленники Строгановы ходатайствуют о разрешении обосноваться на новых «местах пустых», где в то время тапнулись «леба черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые». Энергичные предприниматели, они еще в начале XVI в. из Соли Вытегодской распространили свою хозяйственную деятельность на Камское Устье, где зарили большие соляные промыслы ⁵⁾. Теперь в гонках соляного рассола, они, начиная с 1558 г., постепенно спускаются от Соли-Камской вниз по Каме, сперва удерживаются в нескольких десятках верст к юго-востоку от Соли-Камской, между устьями Лысьвы и Чусовой, и оттуда в ближайшее десятилетие последовательно захватывают речные пути дальше на Сибирь—Сызлу и Чусовую, а в 1574 г. уже горючатся обеспечить себе и дальнейшее обладание этого пути и обосноваться «в Сибирской стороне, за Югорским

¹⁾ Пермская Старина, I, стр. 92.

²⁾ См. Житие Трифона, напечатанное в Трудях Пермск. Губ. Уч. Ком., IX (стр. 63) и прот. Осокиным в Трудях Вятской Арх. Ком. 1912, вып. I—II (стр. 35).

³⁾ Д. А. И., I, № 193. Ср. Житие Трифона в Трудях Вятск. Уч. Арх. Ком. 1912, I—II, стр. 38; там же любопытные сведения о присутствии среди восставших черемис русских людей веригицы—Адрей Давыдова сына Мельского с товарищами.

⁴⁾ Д. А. И., I, №№ 117, 119.

⁵⁾ Ценные данные о землевладении Строгановых в Устьемском уезде в начале XVI в. имеются в Строгановских актах, хранящихся в Моск. Историч. Музею (Барсов, № 1819). Хозяйственная деятельность старшего поколения Строгановых исследана еще А. А. Введенским в его статье «Казань Строганов в связи Соляного промысла» (в Сб. статей по русской истории, изд. С. Ф. Платонову, Пет. 1922 г.)

каменем, на Татее и на Тоболе реке и на Иртыше и на Оби и на иных реках». Позднее, когда само правительство выдало в свои руки завоеванное Строгановыми Сибирское царство и положило, таким образом, предел их наступлению на Восток, они распродают свои владения на юг, вниз по Каме, по Очере (при царе Федоре) и по Ошану (при Михаиле Федоровиче)¹⁾.

Московское правительство, предоставляя Строгановым «места пустые», даровало им вместе с тем обширные льготы и привилегии, чтобы облегчить хозяйственную эксплуатацию пожалованных им земель. Они имели право «называть» в свои новые вотчинные колонистов, т. е. числа людей «пенсименных и нетяглых», которые на известные сроки (от 10 до 20 лет) освобождались от всяких податей и повинностей в пользу казны. По истечении срока, Строгановы получали право самим собирать с населения своих вотчин следующие с них подати и возить их в Москву. Суд также передавался в руки вотчинников, и пермским воеводам и их тшувам запрещалось судить Строгановских людей, и их доводчикам и праретничкам—везать к ним, дарить их на поруки и высылать их по что-либо. Наконец, в Строгановских вотчинах устанавливался свободный торг: «которые люди кто приедут, и с деньгами или с товаром, соси или рыбы купити, или иного товару, и тем людям волюню туто товары свои продавать и у них покупати безо всяких пошлин».

Таким образом, на путях в Сибирь образовалась во второй половине XVI века обширная частновладельческая вотчина, почти независимая от власти местных воевод, маленькое пограничное государство, владельцы которого сосредоточивали в своих руках и экономические, и политические права над занятой ими территорией. Правительство, не будучи в состоянии своими силами колонизовать далекую окраину, оказывало поддержку частной предприимчивости.

Сосредоточив в своих руках громадные латифундии на Каме, Строгановы развили кипучую колонизационную деятельность на пожалованных им землях. Они имели в виду, по их собственным словам, «называть на то место пашенных гулящих людей и дворян строить и пашня распахивати и ложки рощицати и в реках и в озерах рыба ловити и, где будет найдут соляной рос-

¹⁾ Жал. грам. 1558 г. на имя Григ. Анничева Строганов, назов. у Миллера. (Опис. Сиб. царства, стр. 76—80), перепис. Дмитриевым в «Пермской Старине», выд. IV. Жал. грам. 1568 г. на имя Якова Анничева Строганова у Миллера (стр. 80—84) и в Д. А. И., I, № 117. Жал. грам. 1574 г. на имя их обоих у Миллера (стр. 87—90). Эти грамоты приведены и в Строчи. летопис. Жалов. грамота царя Федора на имя Никиты Григ. Строганова известна по подтвержденной грамоте царя Михаила от 15 сент. 1614 г. (А. М. Н. Д. Строгановские дела 1575—1641, л. 11—12, и 1614 г.). Жалов. грам. 123 года (1614—1615) на имя Андрея и Петра Строгановых—Строган. дела 1575—1641 гг., л. 12.

сол, и в тех местех... варницы ставить и соль варить и трубы соляные, и кладези делать, и дрова сечь к соляному варенью».

Верста Камы в XVI в. представляли собою «леса дикие» и «заросли» («быху-же ту дресва велики и многоветвенны»), среди которых были разбросаны редкие «гузены» татар, вогуличей и остяков. Поселения стали «труды к трудам прилагати, лес сечи, селения ради хлебного» и «подеску... огнем полагати», «якоже обычай», и в сравнительно быстрое время «место пустыню» начало заселяться русским элементом²⁾.

Итоги колонизационной деятельности Строгановых могут быть подведены по официальным данным конца XVI и первой половины XVII века. В 1579 году, т. е. приблизительно через 20 лет после первого пожалования мы находим во владениях Строгановых 1 городок, 39 деревень и починок с 203 дворами и 1 монастырь, ими основанный. Приблизительно через полвека, в 1623/4 году в них числилось 3 городка, 3 острожка, 2 слободки, 2 монастыря, 2 бальны, 118 деревень и починок с 12 церквями, 933 дворами, 11 мельницами и с населением в 1354 чел. Фактически население было еще многочисленнее, так как в писцовой книге перечислены только крестьяне; между тем, как, наряду с крестьянами, в вотчинах Строгановых имелись значительный контингент «сабальных служилых людей», «жильцов должных» и «казак». Одновременно развивалась и колонизационная деятельность основного Строгановыми Пыскорского монастыря: в «подмонастырской слободке» жили «детеныши и крестьяне и бобыли» и был устроен «девичь» монастырь, а на землях, пожалованных владельцами монастыря, раскинулись монастырские деревни и починок. Еще позднее, в 1647 г. в состав Строгановских владений входили уже 3 городка, 4 острожка, 1 слободка, 6 сел., 231 деревня и починок, в них 1844 двора с населением в 5701 человек³⁾.

На-ряду с развитием хлебопашества—развивались соляные промыслы. Уже в 1579 г. под Орлом городком мы находим 7 варниц соляных «со чрены» и пустых 6 варниц без препов⁴⁾.

²⁾ Житие Трифона (Труды Пермск. Арх. Ком., IX, ст. 65. Тр. Ватсковой Арх. Ком. 1912, I—II, стр. 48).

³⁾ Писцовая книга Яковлтова 1579 г. не сохранилась, итоги восстановлены Дмитриевым по подлинным данным (Пермская Старина, IV, 84). Подсчитана книга Яковлтова 1623/4 г., л. 162/4 г. записана Дмитриевым в IV т. Пермской Старины (стр. 110—194). Переписанная книга Елизарова 1647 г. напечатана в Трудх Пермской Арх. Ком., вып. II (итог, стр. 146). О землеуладеии Пыскорск. монастыря см. А. М. Н. Д. Строган. дела 1673, № 4; о «слободных людех» там же, картон XXIV, № 6.

⁴⁾ А. М. Н. Д. Строган. дела 1575—1641, л. 5. О соляных варницах Строгановых в 1614 г., см. у С. В. Веселовского, Семь сборов запросных денег, прилож. № 31.

В 1623 г. Строгановым принадлежали 24 варницы, а в 1647—31 г.). Не последнее место занимали в хозяйстве Строгановых и другие промыслы: «рыбные ловли и боровые горы и всякая звериная ловля». Они эксплуатировали «в Каме и в малых речках, и в озерах, и в истоках... неводные и оханные, и переметные, и продолженные, и переводные, и бережные всякие рыболовные угодья». Своих людей они посылали «особой и боров и великого зверя ловить». Меха приобретались и путем мены от инородцев, которые съезжались в Строгановские городки даже из-за Урала. С своей стороны и Строгановы посылали своих людей за Урал для закупки пушнина³⁾.

(Помимо большого колонизационного значения деятельности Строгановых на дальней Пермской окраине, их вотчины имели также крупное стратегическое значение.)

Расшищая леса и привлекая людей на новые места, Строгановы должны были принимать меры к защите посещаемых от туземцев. Их владения непосредственно граничили на Сысьве и ее притоках с «остяцкими улусами» и «юртами» обосновавшихся здесь до них татар; в других местах они входили в непосредственное соприкосновение с вогульцами и черемисой. Непосредственными столкновениями между вчерашними хозяевами и новопришельцами, которые своими нашествиями и поочинами вторгались в борные леса и в звериные ловли, принадлежавшие туземцам, «своим великим насилием» стояли их «со старых их искони вечных вотчин» и разоряли их священные молища: «и деревни-де свои и жильцев на тех их вотчинах (Строгановы) устроили, и медвяные их ухойки и боровые горы и рыбные ловли, с чего-де они лека платили, все поотнимали»⁴⁾.

С своей стороны, Строгановы жаловались на обиды от туземцев. «А те-деи слободки стоят на украине, а вогуличи живут близко их слобод», говорится в их слов в одной из царских грамот на Пермь, «а место теплее, людям и крестьянам из островов выходить не дадут, и пашни пахати, и дров сечи не дадут-же. И, приходя ден, и непеликие люди, украдом, лошади и коровы отганивают и людей побивают, и промыслы ден у них в слободках отняли, и соли варить не дадут»⁵⁾. Чусовские вогуличи

то и дело производили набеги на Строгановские слободки, во время которых выжигали слободки и деревни и хлеб всякий, а крестьян с женами и с детьми в полои имали, разоряли варницы и мельницы.

Опасность от окрестных инородцев сделалась особенно чувствительна, когда в своем продвижении на восток Строгановы столкнулись с шедшим им навстречу аналогичным наступлением со стороны сибирских татар. Признаки такого наступления можно заметить еще в начале XVI века, когда тюменские татары под предводительством царевича Кулук-Салтана, сына Ибака, повоюали всю нижнюю землю, разорили Усолье на Каме, русаков вывели и перебили⁶⁾. Но особенно определенно выступает агрессивная политика сибирских ханов при Кучуме, который, утвердившись на престол в Тайбути, проявляет явное стремление распространить свою власть за Урал. В 1564 году Грит. Строганов пишет, что «слух его дошел... хвалится ден сибирской салтан и шибаны итти в Пермь войной»⁷⁾. Под влиянием Кучума имел место в 1572 году черемисский бунт; в следующем году Махмет-Куд, «собрался с ратью», погромил русских даннико-остяков, живших на Чусовой, пробовал пройти на Пермь и не дошел до Строгановских слободок всего 5 верст. Через несколько лет «беззвонно, украдом» напал на Строгановские владения мурза Векбелый Атаков, «с вогульским и остяцким собранием», «и ту окрест живущих села и деревни поплениши и пожгоши и в поле... многих поймаши». Наконец, этим же путем, Чусовую и Сысьву, возвращался в 1561 г. в Сибирь из-под Усолья Камского вогульский немльский князь после опустошительного набега на Кап-город и на Чердынь, предпринятого не без участия со стороны Кучума; при этом опять пострадали вотчины Строгановых, «и их ден слободка на Сысьве, деревни все выжгли и людей и крестьян побили, жен и детей в полои поймаши, и лошади и животину отогнали»; много людей «из их слободок, из островов, из осады» бежало тогда в Пермь⁸⁾.

Неспокойное состояние приуральской украинки заставляло принимать меры предосторожности. Поэтому для защиты своих колоний Строгановы начинают воздвигать укрепленные острожки. Уже в 1558 г. Гр. Строганову разрешено было построить городок Канкор на Пысгорской мысе в 15 верстах от Усолья-Камского,⁹⁾ «где бы место было крепко и усторожливое, и ца го-

³⁾ Любопытные данные о соляных промыслах Строгановых см.—А. М. П. Д. Строган. дела 1626 г. Из них видно, что количество соли, выпариваемой в чусовских варницах в 30-х годах XVII в., было около 90.000 пуд. Выставка подробностей в Житии Трифона (суде с рассказом, заготовлен дров).

⁴⁾ А. И., III, № 112. Д. А. И., IV, № 56. «Description regionis Sibericae» Исаака Маски (изд. Обозенского, т. I, стр. 268).

⁵⁾ Об инородцах и их отношениях к Строгановым, см. А. М. П. Д. Строган. дела 1575—1641, лл. 23—25; житие Кайсарова (Перм. Старина, IV); А. А. З., III, № 112; А. И., III, № 112; Житие Трифона (Гр. Пермск. Арх. Ком., IX, стр. 64; Гр. Вятск. Арх. Ком. 1912, I—II, стр. 37).

⁶⁾ А. М. П. Д. Строг. дела, карт. XXIV, № 5. Д. А. И., I, № 120. Ср. Сиб. лет., стр. 9, 12.

⁷⁾ Архангелов. лет., стр. 136.

⁸⁾ Д. А. И., I, № 117.

⁹⁾ А. М. П. Д. Строг. дела, карт. XXIV, № 5 в 6. Д. А. И., I, № 120, № 126 (П. Сиб. лет., стр. 12).

¹⁰⁾ По рассказу Книги Большого чертога (изд. Стасюка, 1846 г., стр. 144); надо иметь в виду, что в верстах в XVI—XVII вв. считалось 1000 саж.

роде пушки и пищаля учинити и, пушкарей и пищальников, и воротников... устроить собою для береженья от погайских людей и от иных орд²⁾; в 1564 г. он выхлопывает разрешение в 15 верстах выше Канкора поставить на Орлове наволоке другой городок — Кергедаи или Орей, для защиты вновь заведенных солиных варниц: «стены сажен п^о 30, а с присугнуюю сторону для низи и к варницам ближе в глины место камнем закласти, а пищальники и сторожи для береженья... собою-ж деркати, а варяд скорострельный в тех городкх устроить ему собою-ж». Очевидно в это же приблизительно время был выстроен и третий городок Яивенский на устье реки Усолы, впадающей в Яйву, приток Чусовой. В 1568 г. Яков Строганов получил такое же разрешение у нового солиного промысла вверх по Чусовой «крепости поделати и городок поставити и содержать в нем гарнизон и артиллерию. Так возник Нижне-Чусовский городок, а позднее с открытием россола в верховьях Чусовой, — Верхне-Чусовский городок³⁾. Уже в царствование Ивана Грозного был основан укрепленный городок и на Сылве, а при царе Федоре в 1597 г. Очерский острожек, долженствовавший охранять рыбные ловли на Очере.

Эти городки представляли собою в сущности укрепленные усадьбы вотчинников. За их деревянными рублеными стенами, защищенными глухими башнями, возвышались свои верхи, обитые белым железом, храмы и колокольницы, и были расположены хоромы владельцев с хозяйственными службами, поварнями, погребами, авбарами, банями и скотскими хлевцами. На случай нападения, городки были снабжены достаточным количеством артиллерии, — пушек и пищалей, огнестрельного оружия (самоналов и ручных пищалей), луков и стрел, порохом, свинцом и каменными ядрами. Селитру для пороха Строгановы вываривали сами⁴⁾.

Для защиты своих городков Строгановы получили право набирать охочих людей — казаков и стрельцов (грамоты 1572 и 1574 г.), не считая сторожей, пищальников и воротников. В 1581 г. они опять ходатайствовали о разрешении «прибрати охочих людей казаков и теми казаки и своими людьми от вогулич обречен». «И как к вам ся наша грамота придет, писали по этому поводу из Москвы в Пермь, «а которые будут охочие люди похотят итти в Овникевых слободы в Чусовую и в Сылву и в Яйву на их наем, и те-б люди в Овникевых слободы шли и с ними против чусовских

¹⁾ В 1616 году.

²⁾ Книга Б. чертас, стр. 145. Д. А. И. IV, № 56. А. А. З. I № 264. Писемная книга Канкора 131—132 гг. в IV вып. Пермской старины. Об артиллерии в Канкоре см. поступаю письмо Строгановых Пискаревскому монастырю в г. Ижи. Пермск. старина.

вогулич стояли, острогов и деревень и починок от их войск оберегали⁵⁾.

Строгановские городки, возникшие по хозяйственным соображениям на частных землях, — по своему положению на границах русской населенности, сделались не только форпостами русской колонизации на востоке, но и внушительной военной защитой восточной Украины. Канкор, Кергедаи и Яивенский острожек охраняли подступы с юга на Усолье Камское, образуя заставы на речном пути из Сибири на Каму. С появлением Кергедаи-Орда в 1564 г., военное значение Канкора утратилось, и уже в 1570 г. он был подарен Строгановыми основанному ими Пискаревскому монастырю⁶⁾. Чусовские городки перешагивали тот же путь дальше к югу, а Сылвенский острожек преграждал один из вариантов Сибирского пути, которым иногда пользовались инопороды — р. Сылву.

Укрепленные усадьбы Строгановых были той засечной линией, о которую разбивались набеги зауральских инопород. За деревянными стенами построенных или городков их наемные казаки «столюх против безбожных агария буйственно и единосленно с живущими ту людьми в городках и бяхуся с безбожными немилостиво и на неверных поощрахуся». В 1573 г., прослыша «в городках людям ратным скоп», отступил сибирский царевич Махмет-Кул; в 1581 г., во время набега палыжских вогуличей, «проблагли бог не понусти окаляных», и они были с уроном отбиты из-под городков⁷⁾.

Правительство, разрешая Строгановым строить остроги, заводить артиллерию, назыв «ямчуг», держать военные силы, так и галдело на их вотчинах, как на средство защиты восточных границ. На Строгановых официально возлагается обязанность «пермских мест оберегати», и в 1582 г., как известно, они получили царский выговор за то, что «Перми ничем не пособили». «И только бы вы нам служили, говорилось в опальной грамоте. «в вы-б... послали их (казаков) и своих людей наших земли пермские оберегати»⁸⁾. На Строгановых смотрели, таким образом, как на организаторов военной защиты Пермской Украины. Сам Григорий Строганов так определял задачи воздвигаемого им городка: «а как ден он городок поставит на берегу и варяд скорострельный устроит на обех городках, и в Пермь ден воишским людям безвестно пройти будет нельзя»⁹⁾.

Служба оборонительной линией для Перми со стороны Урала, Строгановские городки являлись и опорными пунктами для

¹⁾ А. М. И. Д. Строган. дел. карт. XXIV, № 5.

²⁾ Пермск. Старина I, стр. 193—197.

³⁾ Сиб. дел., стр. 6, 9—10.

⁴⁾ Д. А. И. I № 128. Ср. папск. грамоту 1572 г. с разрешениями о мечах против черемис (там же № 121).

⁵⁾ Там же, № 117.

дальнейших захватов новых территорий. Эти захваты производились частью экономическим путем. Жалованные грамоты Ивана Грозного открыли Строгановым доступ в «остяцкие и татарские уюшки и звершние довли» на р. Сылве; их люди проникают в вотчины чувосских вогуличей «сукрадом соборей и купец, и бобров, и всякого зверя, и рыбы ловить». Постепенно все далее на восток отнесаются «остяцкие улусы», молыбиши туземцев подвергаются разорению, их земли осваиваются пришельцами, в первой четверти XVII в. оказывается, что татары, живущие на Юрмаше, сидят на «Строгановых землях». В XVII в. официальные документы отмечают полную задолженность чувосских вогуличей, «что к ним приходит из Строгановских вотчин»¹⁾.

Наряду с экономическим захватом угодий и земель—шло организавное военное наступление на восток. Уже в 1574 г. Строгановы просили о разрешении «посылать бесценно» за сибирскими людьми «и обиды им своя метати», и получили грамоту, предоставлявшую им право «на Татхчах и на Тоболе реке крепости им поделати и сваряд огненный, и пушкарей, и пикальников, и сторожей от сибирских и от ногайских людей держати», «а на сибирского Якову и Григорью, собрал охочих людей и остаток, и вогулич, и югичи, и самоед с своими наемными казаки и с шарядом своим посылати воевати и в полон сибирцов имати, и в дань за нас приводить»²⁾. Повидному, в связи с этим пожалованием на «новые места» за Камнем, является посылка Строгановыми в конце 70-х годов служившего у них индериавдда Оливера Брюнцеля в Сибирь для обследования путей³⁾.

В 1582 г., ознаменованномся опустошительными набегами вогуличей на Чусовую и на Пермь, Строгановы опять ходатайствуют о разрешении «на тех вогулич, которые воровали, слободы их и деревни воевати, приходить и над ними промышляти», на что последовало царское соизволение: «а которые вогулич на их остроги войною приходят и задоры чинят, и на тех было вогулич приходил и над ними промышляли, смотря по тамошнему делу, чтоб от вогулич от войны уберечься и над ними поискати и войною им досадити»⁴⁾. Наемные казаки, если верить позднейшим известиям, действительно «по за-Камени вогулич воевали... а хлебом кормились от Максима Строганова»⁵⁾. Эти набеги завершились походом Ермака за Урал.

¹⁾ Писц. книга Кайсарова в IV вып. Перской Старины (стр. 134, 135). А. И. III № 112. Сиб. прик. ст. № 308, л. 86 об. А. М. И. Д. Строган. дела 1575—1641, л. 23—25.
²⁾ Д. А. И. I № 128.
³⁾ Н о с л и у т (Everyman's Library) I, стр. 364. Сб. Рус. Ист. Общ. О-ва, т. 116, стр. XXX—XLI.
⁴⁾ А. М. И. Д. Строган дела карт. XXIV, № 5.
⁵⁾ Сиб. лет., стр. 313.

Экспедиция, по главе которой Ермак пошел на завоевание Сибири, была в сущности промышленным предприятием, организованным Строгановыми в своих личных выгодах: «Честные мужи», отпуская своих «наемных» казаков, брали на себя все расходы по снаряжению экспедиции и осуждали ратных людей «всяким заводам и запасам», судоволища их мздою и одиением разным украсиша, оружием воинским и запасам многими... и вожей, ведущих тот сибирский путь, и толмачей бусурманского языка им даша»¹⁾. Григорий Строганов, по позднему официальному признанию, «свойску помочь чинил, деньги и платье, и порох, и свинец, и всякой к воинскому делу запас давал из своих пожитков, и вожей с ними под сибирские горы послал своих дворовых людей»²⁾. Это снаряжение, «запас» давался как-бы «взаимы», «на проем». Есть известие, что заем должен был быть обеспечен кабалами, «на ком те припасы по цене зяты, и кто отдаст точно пли с лихвою»³⁾. Иначе говоря, Строгановы доставили то, что на старинном промышленном языке называлось «ужиною», т. е. продовольствие, оружие, одежду, словом, все оборудование, как делали предприниматели в XVII в., снаряжавшие на промыслах в Сибирь ватаги своих «наемных» покручеников⁴⁾. Взамен, казаки, повидному, обязывались поделить добычей: «аще бог управит путь нам в добыче и здравн имамы быти, заплатим и наградим по возвращении нашем»⁵⁾. Договор, может быть, был скреплен «крестным целованьем» и казаки «честным людем перед богом обеты и слово свое даша»⁶⁾. Успех предприятия должен был с лихвою покрыть расходы, и подарком при первых известиях о победах казаков Максим Строганов, по словам Куингурской летописи, «о том веселился, не воуе туне запас и ружье и подмог дал и отпуске»⁷⁾. Как на частное предприятие, имевшее целью обогащение самих Строгановых и в лучшем случае расширение их частных владений, смотрело на экспедицию, снаряженную ими, и московское правительство, как видно из овальной грамоты 1582 г.

Одним наемными казаками удержать Сибирь Строгановым оказалось не под силу, и им пришлось обратиться к московскому государю за помощью. Тем не менее, вновь завоеванная

¹⁾ Сиб. лет., стр. 11, 50, 84, 317. «Наемные казаки»—там же, стр. 7, 70. Ср. грамоты 1574 и 1582 гг. о жалде казакам.
²⁾ Д. А. И. VI № 67.
³⁾ Сиб. лет., стр. 314, 315. Позднейшая легенда (см. Куингурскую летопись) старается завуалировать долговое обязательство Ермака и представляет дело так, что он отказался дать кабалы и ограничился словесным обещанием.
⁴⁾ С. В. Трушевский. Покупка на соборных промыслах XVII века («Труды в России», 1925 г., кн. II).
⁵⁾ Сиб. летоис., стр. 313.
⁶⁾ Сиб. лет., стр. 23, 68.
⁷⁾ Сиб. лет., стр. 315.

земля выступает сначала с чертами Строгановской вотчины, на которую первоначально были распространены привилегии, пожалованные им в отношении их старых владений. Так, одно время Строгановы сами посылали из своих городков «людей своих» по рекам в татарские и в остяцкие, и в вогульские улусы «сашного ради сбору» и, собирая ясак «с бусорием», доставляли его в Москву в Новгородскую часть «с своими людьми», очевидно, на тех же основаниях, на каких они пользовались правом «свое подати» с прочих своих вотчин «возити» непосредственно самим в государеву казну, в Москву¹⁾.

Утратив очень скоро эти вотчиннические права на земли по Тоболу, Строгановы продолжали играть крупную роль в деле окончательного завоевания открытых ими земель. В 1584 г. им предписано было из Москвы заготовить струги «со всем струтовым запасом» под ратных людей к. Волховского²⁾. В 1589 они должны были поставить 50 чел. в полном вооружении «с ружьями и с луки, с кремля и с рогатками, и со всяким ратным боем», чтобы ехать в Сибирь на судах с воеводо Трахалповитом, которому была поручена постройка Верхова, и столько же человек «с пищальми коными» «на войну на Пельмского³⁾. К их участию прибегало правительство и в деле колонизации вновь захваченных земель; так, на них было возложено в 1590 г. наблюдение за сбором в Соли-Вычегодской подмоги «в сибирские жилища»⁴⁾.

Таким образом, захват пути в Сибирь по Чусовой был предпринят исключительно благодаря частной предприимчивости, «промыслу и подмогею» «честных людей» Строгановых. В этом отношении Строгановы сыграли на Чусовой ту роль, которую одно время хотели играть на Выми персские владыки. И там, и здесь, на границе русской земли и иногородского мира, мы наблюдаем возникновение крупных латифундий, почти независимо от Москвы, через посредство которых русское влияние распространяется на окрестные племена остяков и вогулчей и проникает постепенно за Урал.

Чусовский путь, которым было совершено самое завоевание Сибирского царства, впоследствии не имел крупного значения для сношений с Сибирью, и построений, было, в 1683 году на верховьях Тагйла Верхтагильский городок, имевший целью утвердить господство русских на волоку между Чусовой и Тагилем, простояв 7 лет, был в 1690 году, с построением Лозьинского городка, «спокинут вгусте»⁵⁾. Развитию большого движения по этому пути препятствовали отчасти тяжелые условия пла-

¹⁾ Сиб. лет., стр. 45, 92. Ср. грамоты 1568, 1564, 1574 г.

²⁾ Миллер, Опис. Сиб. царства, стр. 171.

³⁾ Д. А. И. I № 138.

⁴⁾ А. А. З. I № 349.

⁵⁾ Др. Рос. Вост., изд. 1788 г., т. III, стр. 115.

ванья во бурным горным речкам, входившим в его состав: «Чусовая река каменистая и быстрая, и крутолуковая, береги — утесы каменные», говорится в одном доносении начала XVIII века¹⁾. Еще более препятствовали тому привилегии, которыми пользовались владельцы Чусовой—Строгановы, «подвод и проводников не давать». Отсутствие яма затруднило пользование этим путем для правительственных надобностей. «А которые гонцы гоняют из Казани, и те гонцы мимо Строгановых острожки не гоняют», говорится в «Росписи Сибирским городам и острогам», «и Чусовским волоком на Верхотурье не приезжают, потому что ям на Чусовой не устроен: подвод имать нельзя²⁾. Только «для скорого государева дела, в осень или по последнему пути», гоняли иногда гонцы с Верхотурья «на Строгановы острожки», «а для подвод и судов, и гребцов с Верхотурья налетки посылают одного человека к Соли Камской и суды, и гребцы от Соли Камской привозят по Каме реке на усть Чусовой реки, потому что на Чусовой яму нет, а Строгановы подвод и судов и гребцов не дают³⁾.

Несмотря на все эти неудобства, Чусовой отчасти продолжали пользоваться, как дорогой в Сибирь, в течение всего XVII века. Проезд торговых людей заставил уже в первой четверти XVII века правительство устроить на Чусовой «на прямой Сибирской дороге» таможенную заставу, а в 50-х годах у впадения в Чусовую Утис основать слободу, в надежде, что «стут... в таможенных пошлинах сбор будет немалой»⁴⁾. Позднее мы слышим жалобы на то, что «многие тяглые крестьяне» с Обвы, с Ианы и из Чердынского уезда бегают в Сибирь, «не займуя Соли Камской и Кунгура, мимо Чусовской вотчины Григория Строганова» и что чусовские его крестьяне проложили новую дорогу, которой вывозят из Сибиря хлеб, и тою же дорогою проходит по Сибирь в Усольский уезд гулящие люди «для воровства»⁵⁾. Вадилы этой дорогой в отдельных случаях и служили люди. В 1692 г. так везли Избранда, схваченного посланником от Петра Великого в Китай. Этим же путем пользовались в начале XVIII века для доставки на Русь железных изделий и железа с казенных заводов⁶⁾.

¹⁾ A. Adam Braand. Relation du voyage de E. Isbrand en 1681, 1692, 1693. Amsterdam, 1699, стр. 33. Сиб. прак. ит. № 1426, лл. 36 слез., 408 слез. (из неопубликов. доклада Н. В. Чекава: «Каменные железные заводы начала XVIII в.»).

²⁾ Титов, Сибирь в XVII в., 11—12.

³⁾ Титов, Сибирь в XVII в., стр. 11. У Титова запечатано: «посылают одного человека к Соли Камской, очевидно,—спшиб.

⁴⁾ Дьячиров, Пермская Старина, вып. VII, стр. 176 (замечание из приходной книги Верхот. уезда 1624—25 г.). Вулицы и в. Заселение Сибиря, стр. 54. Д. А. И. IV № 20. Сиб. прак. ст. № 809.

⁵⁾ А. И. V № 113.

⁶⁾ Чекава, Каменные железные заводы начала XVIII века.

В XVII в. путь по Чусовой шел, однако, иначе, чем в 80-х годах XVI столетия, когда им воспользовался Ермак. Ехали вверх по Чусовой до устья Утки, близ устья которой в Чусовской (Уткинской) слободе высижались и продолжали путь сущою на реку Реж, далее вдоль Режи через слободы Антекую и Арамашевскую на реку Нейву в Невьянскую слободу, откуда дальше ехали водою и по Нице спускались до Тюмени¹⁾.

Отдаленность Чусовского пути от тогдашних центров торговли пушной—Устюга и Соли Вычегодской—и отсутствие непосредственной связи с Архангельским портом, средоточием всех торговых сношений с Западом, которыми, главным образом, регулировалась весь оборот пушных товаров,—все, это помимо указанных трудностей, заставило Московское правительство держаться более северного направления с Камы на Обь. Как сказано выше, оно первоначально воспользовалось путем мимо Чердыни—Вншерою и ее притоками на Лозьву и на Тавду²⁾. В 1597 году сольвыгодский посадский человек Артюшка Бабинов «проведал» новую дорогу, «сухим путем», которая сокращала, по его расчету, путь от Соли Камской до Тюмени более чем вдвое, и вела прямо на верховья р. Туры. С основанием в следующем году города Верхотурья, эта «новая» Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом, взамен отмененного тракта на Лозьву, и с тех пор она оставалась таковым до 1763 года³⁾.

Дорога на Верхотурье шла от Соли Камской через реки Убейку и Сурмаг и верховья Лявы (реки Чикман и Молчан) на р. Косву и далее по притоку Косвы Кырпе. На Кырпе находилась небольшая поселок Ростеуз⁴⁾, у перелазы через Павлинский Камень, как называлась эта часть Уральского хребта, а на той стороне перевала была расположена деревня Павлинская или, как ее звали позднее, Подпаловские избушки. Дорога, пере-

¹⁾ Чертеж Ремезова, л. 8. Сиб. прик. на. № 1426. В г а н d, Relation du voyage de M. E. Isbrand, стр. 24—25, 32 след. (описание маршрута не совсем ясное и местами сбивчивое). О значении Антекой слободы на этом тракте см. А. И. П. №№ 126 и 133. Григорьев в статье: «Устройство и заселение московского тракта в Сибирь с точки зрения изучения русских говоров», начаточная в № 6 Известий Института исследования Сибири (Томск), восстанавливает этот путь по чертежной книге Ремезова, но допускает несколько ошибок (стр. 2): он отождествляет Суземскую слободу с Уткинской и утверждает, что она расположена на устье р. Утки. Суземская слобода стояла на р. Сулеме. Продолжительность пути по Чусовой от Уткинской слободы до Москвы была, судя по докладу сына боярского Ивана Парфенова в 1704 году—8 недель и 1 день, без «простойных дней», которых насчитывалось 6 недель и 4 дня. В следующем году сын боярский Мих. Выходило совещал тот же путь приблизительно в 13 недель. Избрад, ехавший этим путем в Сибирь, три недели ехал только вверх по Чусовой и постоянно и тяжелою трудом. (В г а н d, Relation, стр. 33. Чека и, назв. сот.)

²⁾ Мидлер, Опис. Сиб. царства, стр. 331—333. А. И. П. № 26.

³⁾ Сиб. прик. ст. № 123, л. 76. «В прошлых давших годах», говорится в царской грамоте 1684 года, «по Сибирской дороге на Верхотурьскую волость, окрест Ростеузу, иных выжаренных деревень не было, а в них Ростеусе деревня построена для бродовитицы зимней дороге». (Д. А. И. XI № 96).

назыв через Урал, пересекала р. Павду, приток Лявы, принадлежавшей к бассейну Сосьвы, затем переходила через Лялю на реку Мостую, впадающую в Туру, и достигала Верхотурья. Общее протяжение дороги от Соли Камской до Верхотурья Бабинов определял в 263 тогдашних верстах; то же приблизительно расстояние дает «Список с чертежа Сибирские земли» 1672 г. (250 в.). Гмелин, возвратившийся этим путем в 1742 г., считает 212 верст¹⁾.

При новом направлении дороги Чердыль оставалась в стороне, и Соль Камская делалась важнейшим пунктом на «новой» Сибирской дороге. Что касается пути от Москвы до Соли Камской, то он шел мимо Сергиево-Троицкого монастыря на Переяславль, Ростов, Ярославль, Вологду, далее рекою Сухойю на Тотьму и на Устюг, с Устюга по Вычегде на Соль Вычегодскую и оттуда через Кайгородок на Соль Камскую²⁾.

Наряду с таким обычным направлением от Москвы до Соли Камской, в виде исключения, ездил на Казань через Коломну, Рязань, Касимов, Муром, Н.-Новгород и Козьмодемьянск, и далее от Казани на Тетюши и Соль Камскую³⁾.

Правительство было озабочено поддержанием Сибирской дороги в удовлетворительном состоянии. В этих целях, в 1599 г. ее чистили, выкорчевывали иви и мосты мостили через бокераки и через грязные места, всего сделали от Соли Камской до Верхотурья 7 мостов поперечных и 30 в длину. В дальнейшем, «чистить» и «бродить» дорогу и убирать «завальный лес» являлось повинностью населения. Несмотря на такие заботы правительства, она содержалась очень плохо; уже в 1619 году «мосты все погнили, и по рекам водою носилося, и коренья отпалали ... и дорогу залопило лесами большими», и жалобы на плохое состояние дороги повторяются в течение всего XVII в. «Грязи и болота непроходимые, лесные завалы, наконец, трудность переезда через «Камень непроходимый», на котором «снеги... падут рано»—позволяли пользоваться верхотурьской дорогой только зимою (от Семена дня до Благовещенья) или в сухую летнюю пору⁴⁾.

¹⁾ Мидлер, Описание Сибирского царства, стр. 332. Г м е л и н, Сибирь в XVII в., стр. 42. Промолочие к черт. инаго Сибири (Ремезова), стр. 12 (расстояние здесь указано явно ошибочно). Пам. Сиб. историч. XVIII в., II № 55. А. А. З. II № 64 и 80. А. И. П. № 26. Временный О-ва Ист. и Др. Росс. XX. Пам. Сиб. ист. XVIII в., II № 69. Верхотурьский путь описан в журнале Путешествия Ланге в 1715 г. (в Recueil de Voyages au Nord, t. V. Amsterdam, 1735), у Б р а н д а (Relation, обратн. путь) и у Г м е л и н а, Reise, IV.

²⁾ См. многократное подорожное, сохранившееся в делах Сибирского приказа (напр., ст. № 53, л. 224, № 88, л. 58, 321, № 208, л. 189, 194), а также описание пути у Б р а н д а (Relation du Voyage de M. E. Isbrand, Amsterdam, 1699) и у Ланге. В 1713 г. было разрешено объезжать Вологду и ехать прямо от Шувеного яма к Обиерскому (Пам. Сиб. ист. XVIII в., I № 48).

³⁾ А. И. П. № 69 (II).

⁴⁾ А. И. П. № 26, III №№ 47, 78, 86, 114, 234. Д. А. И. VI № 119.

Предпочтительно Верхотурской дорогой пользовались зимою в расчетах посетить и вскрытию сибирских рек, чтоб продолжать путь водою. Зимний путь был к тому же самый скорый: «зимнею порою... проезжают от Соли Камские на Верхотурье в 8 дней, а в которое время и дорога попортилась, ибо ден в 9 или в 10»¹⁾. Избран в декабре—январе и Ланге в январе сделали путь от Верхотурья до Соли Камской в каких-нибудь 5—6 дней. Зато при неблагоприятных условиях, в самую распущину, «как обняла весна», «по последнему зимнему пути в расколье», иной раз тащились «Верхотурским волоком» и четыре недели; тоже случалось в «осеннюю грязную пору»²⁾. Продолжительность зимнего пути от Москвы до Соли Камской, судя по маршрутам Избрания и Ланге, может быть определена в 1 месяц.

Верхотурье, по своему положению на Правительственном тракте, являлось как бы воротами в Сибирь, le Porte de la Sibirie, как оно названо в французском переводе сочинения Адама Бранда. Здесь была устроена таможня, через которую должны были, по крайней мере в теории, проходить все проезжавшие Камским путем за Урал. Со своей стороны, таможня эта была как бы центром целой сети более мелких таможенных застав, посредством которых казна стремилась устранить всякую возможность обхода Верхотурской таможни. Так, имелась таможенная застава в Ростове у начала переправы через Камень и в Павловском у конца его, во избежание беспоязничного торга усольев с туземцами на волоку, далее на верхнем течении Чусовой и в ближайших окрестностях Верхотурья на р. Ляле, на том месте где ее пересекала дорога (Лялинский карауд, ныне село Караульное). Дорога с Верхотурья на северо-восток (на Пелым) преграждалась заставой в Кошшайском остроге и на юго-восток (в направлении Туринского уезда)—Тагильской³⁾.

Движение через Верхотурскую заставу было очень значительное. Во-первых, через нее шли все правительственные сношения с Сибирью: ездили воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, производя хлеб для сибирских гарнизонов, гнали гонцы с отписками. Летом 1623 г. под воеводами всех сибирских городов и дьяками и письменными головами и под сибирскими служилыми людьми и под государевыми хлебными запасами из Верхотурья было отпущено 86 судов различного размера: 6 кочей, 8 стругов с «чердаками» и «сез чердаков», 18 дощаников, 31 лодья, 5 навозков и 8 лодок. В следующем году пришло из Мангазеи и под воеводою и подья-

чим и из иных городов под служилыми людьми 35 судов (3 коча, 5 дощаников, 6 стругов дощаничных, 11 каюков и стругов одоверных)⁴⁾. В 1661 г. из Верхотурья было отпущено под воеводами, хлебными запасами, подрядным вьюком и т. д.—36 дощаников⁵⁾. В 1685/6 году «великих государей за казнами и за всякими делами» через Верхотурье проехало—56 чел.⁶⁾. В годы смуты воевод в сибирских городах Верхотурье необычайно оживлялось в виду приезда новых «гемов», особенно воеводы тобольского, на которого смотрели как на верховного властителя всей Сибири. Верхотурский воевода устраивал пиры в честь новоприехавших, на которые собирались все случайно находившиеся в Верхотурье служилые люди разных сибирских городов на поклон своим будущим правителям. В 1631 г., например, при приезде тобольского воеводы кн. Ф. А. Телятеского через Верхотурье, воевода Федор Бошев угощал его и прочих воевод обедом, «и как-де был (у него)... в гостях стольник кн. Ф. Телятеский да кн. Ив. Татев и иные-де воеводы», сюда же явились тобольские дети боярские Меньшой Ремезов и Микита Мотовилов, и «после обеда» подвыпивший Мотовилов «адорвал» кн. Федора на Сибирском царском престоле и целовал ему руку⁷⁾. Присутствие большого числа представителей администрации давало повод и для иного рода выступлений. В 1639 году мангазейский дьяк Богдан Обобуров являл, например, на Верхотурье тобольским воеводам кн. П. Пронскому с товарищи и иных сибирских городов воеводам и дьякам на неправильные действия ехавшего в Мангазею воеводы кн. Никиты Варитинского⁸⁾. В обычные годы через Верхотурье и воеводам в Сибирь ехали гости и направлялись запасы. Так, в 1642 году веновали на Верхотурье мангазейский воевода кн. П. Ухтомский, брат варымского воеводы Ив. Скобельцы, брат жены томского воеводы князя С. Мосальского—Ст. Кафтырев, люди кетского, сургутского и красноярского воевод, человек енисейского воеводы, везший к своему хозяину запас, и подъячий Томской съезжей палаты⁹⁾.

На-ряду с проездом чиновных лиц, через Верхотурье табулялось в Сибирь обозы с русскими товарами и проходило большое число торговых и промышленных людей. Достаточно указать, что в 1635/6 (144 г.) в Верхотурской таможне было зарегистрировано свыше 2.200 человек (считая более 550 чел. извозчиков), а в следующем (145 г.) слишком 1.700 чел. (в том числе более

¹⁾ Сиб. Прик., ст. 1665, л. 160, 166.

²⁾ Курц, Г. Верхотурье в XVII в. (в Юбл. Сборнике Историко-Этногр. кружка при Киевском У-те).

³⁾ Д. А. И. XII № 28.

⁴⁾ Прик. дела ст. док. 1634 № 78 л. 387.

⁵⁾ Сиб. Прик., ст. № 93, л. 70.

⁶⁾ Зерцалов, О митяках, стр. 133.

¹⁾ Сиб. прик. ст. № 83, л. 153. Ср. Титов, Сибирь в XVII ст., стр. 27.

Gsh 11 v. Reise, IV, стр. 407.

²⁾ Сиб. прик. ст. № 93, л. 39—40. А. И. П. № 114 в. 234.

³⁾ Сиб. Прик., кн. № 2, л. 151. А. И. В. № 60 Д. И. В. № 96. Верхот. пригород-раскол. книга 133 г. (напечат. в отрывках Дмитриевым в Пермской Старине, VII, стр. 176—177) Будискиев, Заселение Сибири, стр. 53—54.

730 взошников). Товаров на эти годы было провозезено приблизительно на 62.363 и на 69.214 рублей¹⁾. С 29 ноября 1646 по 27 февраля 1647 года (за три месяца) через Верхотурье проехали 30 купцов с товарами на 18.794 руб. сляхком²⁾. В 1692/3 (191 г.) году с Руси через Верхотурье приехало и прошло 1.186 человек, к Руси 284 чел.; взошников в обоих направлениях 711 ч.; зарегистрировано гулящих и иных людей 315 чел.; всего отмечено 2.496 человек; кроме того, с Верхотурья к Соли-Камской с возами рыбы ездили местных верхотурских жителей 75 человек «с товарищями». Товаров с Руси провозезено через таможеню на 25.656 руб.³⁾. О размерах движения дает наглядное представление количество лошадей, на которых провозилась кладь: в 1635/6 г. их зарегистрировано 945, в 1636/7—949, в 1692/3—711 с русскими товарами и 255 с рыбой с Верхотурья, всего 966. Общая выручка таможи за указанные годы выразилась в суммах 2.240 р. 48½ к., 2.451 руб. и 1.345 р. 57 к.).

Движение через Верхотурье происходило неравномерно в течение года. Из таможенных книг известно, что обозы с товарами отпускаясь с Устюга и от Соли Камской по зимнему пути, в расчете поспеть на Верхотурье до «раскальи», т. е. не позднее конца марта или первых чисел апреля. Затем, в течение апреля ожидали на Верхотурье вскрытия рек и в мае на купленных у местных жителей допанички и набойных лодках сплавляли товары речным путем дальше на восток. С июня наступало на Верхотурье полное затмение, которое продолжалось до декабря или даже января. В первой половине столетия Верхотурским путем пользовались почти исключительно при проезде с Руси в Сибирь, а обратно, как указано выше, ездили «через Камень» с прекращением морского хода в Мангазею и с упадком мангазейских промыслов, торговые люди стали, однако, ездить к Руси и через Верхотурье. Так, в 1692/3 г. отмечено 240 человек проехавших из Тобольска к Руси с мягкой рухлядью и китайским товаром, и из других городов 19 чел. В направлении из Сибири ехали преимущественно в ноябре и декабре; проезд продолжался до марта. Повидимому, в ту имел место расчет доехать зимним путем до Соли-Камской и Устюга.

В течение зимних месяцев Верхотурье, благодаря наезду купцов, принимало вид оживленного торгового стана. В ожидании открытия навигации приехавшие с Руси торговые люди складывали товары на гостинном дворе и в лавках у верхотурских посадских людей и слегка торговали; продавалась, впрочем, незначительная часть привезенных товаров, так как боль-

шинство торопилось ехать дальше в «соболиные места» на Енисей и на Лену, «а на Верхотурье у торговых людей мягкою рухлядью торгов не бывает». Лишь отдельные торговцы обосновывались на долгое время в Верхотурье для скунки и вогулячей и у местных посадских людей и крестьян дешевой пушным, преимущественно белки, и лосиных кож. Сопровождавшие обозы взошники пользовались случаем, чтоб привезти для продажи на Верхотурье несколько аршин сукна и тому подобную мелочь. Верхотурские служилые и посадские люди и крестьяне, со своей стороны, зимою возили к Соли Камской возы «крупной и мелкой рыбы» (язей, шук и карасей) и из этих поездок привозили на Верхотурье соль и кое-какие русские товары. Несколько сот гулящих людей толпились ежегодно на Верхотурской заставе; из них приезжали торговые люди нашивать «рабочих людей» на свои суда и покрученков на соболиные промыслы. Здесь же покупались и суда, и хлебные запасы для дальних экспедиций. Таким образом, положение главного пограничного пункта между Русью и Сибирью складывалось на Верхотурье особый отпечаток, придавая ему своеобразное оживление⁴⁾.

Правительство из фискальных соображений стремилось направить все движения за Урал через Верхотурскую заставу, «потому что из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть непристойно», и энергично боролось с образованием новых дорог «мимо Верхотурья», приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «заечь накрепко, чтоб отнять коным людям проезд, а пешим проходу не было»⁵⁾.

Несмотря на строгие указы, наряду с официальной Верхотурской дорогой продолжала существовать старая Казанская дорога» через уфимские степи, на Тюмень, древний караванный путь, связывавший татарскую Казань с торговыми центрами Средней Азии, унаследованный еще от Булгарского царства. Москва одновременно с завоеванием Сибири поспешила освоить и этот путь, и постройка «на дороге» в 1586 г. Уфы мотивировалась тем, что «на того города на Белой Волоке казанским людям многим ходить в Сибирь». В конце XVI века правительство в отдельных случаях пользовалось этой дорогой и военных целях; в частности, этим путем из Казани были в 1594 году направлены в Тобольск войска, посланные против Кучума⁶⁾. В первой половине XVII века с Тюмени на Уфу в экстренных случаях посылали гонцов «для государева дела по вестям»⁷⁾. По старому, этой же дорогой через Тюмень шла

¹⁾ Сиб. Прик., кн. №№ 66 и 85, ст. № 788.

²⁾ А. И. V № 113.

³⁾ Миллер, Опис. Сиб. царства, стр. 259. Дмитриев, Пермск. Страницы, VIII, стр. 26. Тюмень в XVII в., изд. Чумалдиной, стр. 71.

⁴⁾ Титов, Сибирь в XVII в., стр. 14, 44.

¹⁾ Сиб. Прик., книги № 66 и № 85.

²⁾ Сиб. Прик., ст. № 269, лл. 236—241 (напечат. у Кур и а в изд. статье).

³⁾ Сиб. Приказ, кн. № 747.

звалась «тезники» (купцы) из Бухары и Юргендак¹⁾. Точно так же и уфимские татары, и башкирцы, и тюменские татары возили «с Уфы степью и из уфимских волостей из башкир» мед на продажу (в Тюмень²⁾). Продолжительность этого степного пути определял «с лошадыми сухим путем» в 3 недели; зимний путем ходили на лыжах 5 недель³⁾.

В середине XVII века устанавливается одно направление этой дороги, которое в последней четверти столетия приобретает довольно крупное значение. Это направление через основанный в 1649 году Кунгур. Эта «через Урал-камень проезжая большая дорога» шла с Кунгура через Кунгурский уезд на реку Висерть, приток Уфы, с верховья Висерти («с верхибсертских татарских юрт») на верховья Чусовой и пересекала ее, «не хвадая Чусовской (Уткинской) слободы»; затем дорога раздваивалась: в северо-восточном направлении она шла рекою-Уткою и Режью на Арамашевскую слободу и Ирбиту, а на юго-запад от верховья Чусовой на р. Камешку и через Камешку на р. Исеть к слободам Арамашьской, Колчеданской и Катайской и к Даматову монастырю. Последний вариант довольно верно предначертывал будущее направление сибирского тракта на Екатеринбург⁴⁾.

Несмотря на неоднократные запрещения пользоваться этой «окольной дорогой» «мимо устроенного яма» и на угрозы высылки ослушников в Москву, во второй половине XVII в. через Кунгур не только ездит «из русских городов в Сибирь торговые и промышленные, и гулящие люди, и семейники», в частности «по вся годы» ездит туда и обратно «купеческие люди» с товарами и с рыбой, и ходят «из Сибири на Русь на слободок с Тюмени слободские всяких чинов и промышленные русские люди, и проземцы для русских хмелевой и восковой покупок и в Сибирь с Руси для сибирских же покупок»; ею пользовались также сибирские воеводы и служилые люди, ездившие по казенной надобности: «ныне-де положена из Сибири мимо Верхотурскую заставу дальная вновь окольная дорога по слободам через Утку и Кунгур на Каму в русские городы, и ездит-де тою новою

¹⁾ Новиков, Сборник Материалов для ист. Уфимского дворянства, стр. 18.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 90, л. 76.

³⁾ Титов, Сибирь в XVII в., стр. 14.

⁴⁾ Чертежная книга Ремезова, л. 21. Сиб. Прик., ст. № 788 (упомянуты путь с Камы реки в Уткинскую слободу через Кунгур). Д. А. И. VIII № 65, 71, 79. А. И. V № 60, 173 (ср. Кунгурские акты, изд. Арх. Ком. № 56), 181, 246 (Кунг. акты № 69). Памятник Сиб. лет. XVIII в. I № 70. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 11, 29. Дмитриев, Пермск. Стар. VIII, стр. 36—37, ср. Г м е л и н, Reise, I, стр. 85 след. Григорьев («Устройство и заселение Московского тракта в Сибирь» в Известиях Института исследования Сибири № 6) на основании атласа Ремезова восстанавливает общее направление Кунгурской дороги приблизительно так же, как и мы: у него, впрочем, есть некоторые ошибки; напр., реку Камешку он принимает за Уральские горы (Камы).

окольную дорогою—всякого чина люди,—сибирские дети боярские и служилые люди торговые и иноземцы всякие люди, а с Руси с русскими, а из Сибири с сибирскими товарами и с мяско рухлядью, летним и зимним путем беспрепятственно», писали уже в 1659 году из Москвы верхотурскому воеводе¹⁾.

Кунгурский путь лишь слабо мог обслуживать интересы северного Поморья, через которое шли в XVII в. все торговые сношения с Западной Европой, но он приобретал все более серьезное значение по мере того, как заселялись нижние Поволжье и Уфимский край²⁾.

В XVIII веке, когда торговая жизнь в поморских городах падает, и, наоборот, усиливается торгово-промышленная деятельность центра, в частности Москвы, Кунгурская дорога, связывавшая Тюмень непосредственно с Москвою через Казань, вместо далекого объезда на Соликамск, должна была равно или поздно заменить собою старую дорогу через Верхотурье. С развитием Екатеринбургского горного округа значение Верхотурской дороги падает окончательно. Однако, правительство и в XVIII веке упорно держится старой московской политики искусственного направления всего транзита исключительно на Верхотурье. В 1704 году последовал указ, запрещавший «кром Верхотурья, иными дорогами как на Сибирь, так и из Сибири пропускать» кого бы то ни было, в частности «купеческих людей». Указ этот был подтвержден через год, при чем определение оговаривалось, чтобы не ездили через «Арамашь и Катайский острог и Уткинскую заставу и Ирбиту», и вторично в 1722 году³⁾. С основанием Екатеринбург в 1722 же году дело не изменилось. В 1735 и даже в 1758 годах имели место повторные запрещения, под страхом конфискации, ездить с товарами через Екатеринбург и Кунгур. Впрочем, с конца XVII в. дорогой на Кунгур пользовались для правительственной почты. Только в 1763 году открыто было свободное сообщение по дороге Кунгур—Екатеринбург—Тюмень, и в том же году была уничтожена Верхотурская застава⁴⁾.

Таким образом, постепенно сложился тот Сибирско-Московский тракт, который в течение всего XIX века являлся единственным путем из России в Сибирь и по направлению которого в 1885 году была проведена Пермь—Екатеринбург—Тюменская железная дорога.

¹⁾ А. И. IV № 129, V № 6, 173, 246, Д. А. И. IX № 70, VIII № 65, 79. Дмитриев, Пермская Стар., VIII, стр. 37.

²⁾ Кроме означенных в тексте путей, существовала дорога из Тобольска на Астрахань через калмыцкий Дербетский уезд и через реку Яик или через «Салова Камыша» (Придн.) к черт. карте Сибири, стр. 11—12. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 8, 11, 44) Дорога эта была мало употребительна.

³⁾ Памятник Сиб. Истории XVIII в., I № 70, II № 80 и 86.

⁴⁾ Григорьев, цит. сочинение, стр. 3—7.

II.

ПУТИ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ.

А. Пути с Оби на Енисей. Путь через Маковский волок. Путь через Элогудский волок. Путь через Смыский волок. Морской путь в Мангазю. Устья впадения по Мангазскому морю. Путь из Мангазеи в Туруханское через «россохи». Поиск сухопутного пути из Мангазеи на низовья Оби. Прекращение «морского хода».

Б. Пути с Енисея на Лену. Путь через Ленский волок. Путь по Валуе. Путь через Чучуйский волок.

В. Пути с Лени на северо-восток. Пути сушею на Яну, Индигирку, Алмазю, Колыму и Анадыр. Морской путь на Оленек и на Колыму. Попытки найти путь «возврат «Камешного доса».

Г. Пути к Тихому океану. Пути с Лени на Амур через Тутуринский волок и через «Зипские хребты». Пути с Енисея на Амур через Баргузинский остров, через Иртышский волок и через Еранинский остров. Пути с Лени на р. Улью и на р. Охоту.

Продвижение русских на восток, в глубь Сибири, шло преимущественно речными путями, позволявшими с большей легкостью преодолевать обширные пространства сибирских лесов и тундр. Благоприятным условием являлось в этом отношении обилие вод — реки пространнее и прекрасные затоны, — и их равномерное распределение по поверхности северо-азиатской равнины. Этапы русской колонизации за Уралом определяются моментами перехода из бассейна одной реки в бассейн другой, с Оби на Енисей, с Енисея на Лену, далее на Амур.

Нам предстоит поэтому ознакомиться с важнейшими речными путями, которыми пользовались русские в своем движении от Урала до Восточного океана.

Наиболее употребительный в XVII веке путь с Оби на Енисей вел через Маковский волок, связывавший приток Оби — Кеть непосредственно с Енисеем близ г. Енисейска. Этим путем обычно ходили из Тобольска: из устья Иртыша плыли «своею силою, шестами и беговою» вверх по Оби, мимо Сургута и Нарыма; у Нарыма входили в Кеть, которая здесь впадает тремя устьями в Обь, и подымались по ней вверх, мимо Кетского острога. В одном месте на Кети, у «яра Колокольного» существовала опасная мель («мель великая и река быстрая, будто пороги»), и «против того яру и мели от торговых людей, на правой стороне, на ельнику был помещен колокол небольшой для того, чтоб то место знали иные люди, которые будут на дощаниках, плучи

вверх реки Кети». Снафарию, ехавшему по Кети в 1675 году, она показалась «зело тосклива... для того, что по ней ни елани, ни поля нет, только лес непроходимый, болота и озера». В верхнем своем течении Кеть становилась «велми узка» (от устья: р. Сочура). По Кети шли вверх до Маковского острога, где начинался волок ¹⁾.

Маковский остров, господствовавший над волоком, служил в XVII в. «приставником великим государевым людям», которые, «презжая сюда «в осень», выгружали товары и хлебные запасы в анбары, а зимю перевозили их «наймом» в Енисейский остров, чтоб весною идти дальше на Лену. В полверсте от него возникла целая «слобода торговых людей», где было построено «анбаров множество»; представители всех крупнейших торговых семей, Босые, Ревякины, Валезины и др., имели здесь «на приезд себе» «избенка и анбары для своей нужи». Тут же на берегу лежало «дощаников и каюков зело множество разбитых и целых» ²⁾.

От Маковского острога начинался волок, ведущий по берегу р. Тыи, через Кемь, прямо на Енисейск. Летнею порою «тот волок держит 5 верст»; зимним путем считали с 50 верст. Дорога волоком шла по болотам и местами была замочена: «а по всему волоку зело грязно и квет, и для того везде по нем великие мосты построены для ради множества грязей и болот и речек; «а на иных местах есть «на волоку и горы и чистые места на реках, где стоят и отдыхают». Товары перевозились на лошадях вьючным способом, очевидно, потому что в повозках было трудно передвигаться ³⁾. Времени на прохождение волока требовалось от двух до трех дней ⁴⁾.

Продолжительность всего пути от устья Иртыша до Маковского острога определяется чертежом 1665 года от 11 недель 4 дней до 13 недель 5 дней, и это, вероятно, близко к действительности, так как Снафарий употребил на него 8 недель 3 дня, а Избранд до Енисейска проехал в 10 недель 3 дня; частные же

¹⁾ Д. А. И. VIII № 100. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 30, 46—47, 81—82. Путешествие через Сибирь... Николая Снафария в 1675 г., дорожный дневник Снафария, изд. Арсеньевым в Х т. Рус. Геогр. О-ва по Отд. Этнографии и отд. стр. 67—83. Описание этого пути см. также у Бранда в «Relation». Подлинный старинный список Избранда—А. М. Н. Д. Кат. двора, к. № 15. (ср. К. В. Вазилевич, В восток у божьих вав). О пути от Тобольска до Сургута см. табель 1724 г., в Нам. Сиб. летописи XVIII ст. II № 115.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 94, л. 426, № 251, л. 482. Путешествие Снафария, стр. 84.

³⁾ Титов, Сибирь в XVII в., 82 Снафарий, Путешествие, 84—85. Ср. Relation du Voyage de Mr. E. Izbrand. Волок изображен на карте Енисейского уезда Ремезова. Загоскины в назв. сочинении (стр. 318—319) выражает предположение, что путь шел притоком Енисея Кемью. Такой путь существовал в первой четверти XVIII в., но затем был покинут. По карте Ремезова ясно видно, что дорога пересекла Кемь.

⁴⁾ Снафарий, стр. 85. Титов, стр. 37, 40, 82. Вранд, стр. 179.

лица едва ли могли ехать так скоро, как послы. В обратном направлении Избрац ехал «зимним путем» и проделал весь путь приблизительно в 7 недель, не считая длительных остановок.

Путь на Енисей Кетью был открыт сравнительно поздно, хотя, с основанием в 1598 г. Нарыма, обитавшим на берегах Кети породы были очень скоро обследованы. Исходным пунктом для захвата пути на Енисей послужил построенный через несколько лет после Нарыма Кетский острог. Уже в 1609 г. кетские казаки прошли к при-енисейским тунгусам. Путь, которым они шли, впрочем, несколько отличался от описанного выше; по их показаниям, в две с половиной недели можно было из Кетского острога в легких каяках дойти до «жилиц князца Намака», т. е. до Маковского (вернее Намаковского) волока, а отсюда «ходят волоком от Кети до речки Томи летом два дня, переходя на себе грузу до 2 пуд., а зимою на нартах столько же», на речке Томе делают струги или каяки и плывут по льду до р. Кеми, и по Кемю один день до Енисея¹⁾. Но только в 1617 году тобольская администрация приступила к обследованию вновь открытого пути, затребовала сведений о нем от кетского воеводы и послала для его описания двух служилых людей и одного промышленного человека²⁾. В следующем году была отправлена на Енисей военная экспедиция под начальством сына боярского Петра Албычева, в результате которой на Маковском волоку был построен острожек, а в 1619 г. основан Енисейск, и таким образом весь путь из Тобольска на Енисей оказался во власти русских.

Кетский путь не был единственным, которым пользовались в XVII в. для перехода с Оби на Енисей. Начиная с 30-х годов, значительную роль играет также другой путь, который шел от устья Прыга вверх по Оби, затем по ее притоку Ваху и далее в речку Волочанку до Елогуйского волока. Елогуйский волок определялся современниками в 15 верст; его проходили в два дня и достигали речки Волочанки, «другой же» (по Ремезову, она называлась Черной), впадающей в Елогуй, приток Енисея. Этим путем преимущественно пользовались торговые и промышленные люди, ехавшие на промыслы в Нижнюю и Подкаменную Тунгуски или возвращавшиеся с промыслов. Помимо того, что он, несомненно, сокращал дорогу к местам, лежавшим ниже Енисейска, он позволял миновать без заезда три административных пункта (Нарым, Кетск и Енисейск) и избегнул волокуты, связанной с регистрацией и с процедурой «отпуска».

Путь Вахом—Елогуем привлекал одно время внимание мангазейской администрации, заинтересованной найти ближайший и

безопасный путь из Мангазеи в Тобольск. Летом 1630 г. мангазейский воевода Г. И. Кокрен сделал попытку обследовать этот путь и послал ена Елогуй и на Вах реку проводить дорогу на Обь реку³⁾. Нескоро позднее вернувшись к мысли использовать его для сношений с Тобольском и с Москвою другой мангазейский воевода Б. И. Пушин⁴⁾. И в последующие годы по Ваху и Елогуй производилась временами пересылка из Мангазеи правительственной почты и ездили с поручениями служилые люди. Но, главным образом, дорога через Елогуйский волок обслуживала «тунгусчиков», т. е. торговых людей, возвращавшихся с Тунгусок, «с покупиною мяткою рудящих» и промышленников, ехавших с тунгусских промыслов. В 1642 г., например, сургутские таможенные книги отмечают промышленных людей, которые «ехали мимо Сургут с Енисен Вахом рекою»; в 1645 г. этим путем прошло «каюков с 50», а в следующем 1646 году енисейский воевода Федор Уваров «пропустил торговых промышленных людей на Елогуй через Вах всех до одного человека, а мимо Кетской острог торговые и промышленные люди не пошел ни один человек⁵⁾. В начале 80-х годов мангазейский воевода Беклемишев сделал поэтому ружным устроить на р. Елогуй заставу⁶⁾.

{Конкуренция Елогуйского пути с официальным путем по Кети не могла не вызывать серьезных опасений по соображениям фискального свойства. Уже в 40-х годах кетские воеводы жаловались, что «проезжий пошныи и оброку стало пмать в Кетском остроге не с кого, кетским служилым людям и ружникам в жалованье и на кетские на всякие на мелкие неокладные расходы вперед давать будет нечего, потому что... торговых и промышленных людей из Енисейского пропускают через Вах, а мимо Кетской острог не бывал никаких человек⁷⁾. В виду этого Елогуйский путь никогда официально, повидимому, разрешен не был. В 1702 году правительство обратило внимание на то, что сдвигшие «через волок Вахом и Елогуем» мангазейские служилые люди допускают много злоупотреблений — возят с собою товары, торгуют по пути с народами, самовольно берут их в подводы, наконец, под видом работников провозят из Ман-

¹⁾ Прик. дела ст. лет. 1630 № 71, л. 696.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 178, л. 135 след. (дело о новой дороге из Мангазеи в Тобольск.).

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 111, л. 20—21, № 134, д. 91, 434 сл., № 364, л. 26, № 259, л. 643, № 271, л. 486, № 408, № 1056 (отписка мзгт. там. годовым И. Саблына 1651 г.) № 1402 (отписка мзгт. там. годовым М. Шемкина и Д. Кузнецова 1646 г.), № 593, книга № 1381, л. 219. Чертежная книга Ремезова о л. 15. Порфт. Миллера 514, л. 21. Дела Якутского правления, л. III, ст. 15 А., л. II, G m e l l i n, Reise. III, стр. 197.

⁴⁾ Сиб. Прик. ст. № 333.

⁵⁾ Сиб. Прик. ст. № 259, л. 643. Во избежание убытков казне, в Сургуте экспедиция с лиц, обьезжавших Кетск, таможенные волонеры из Кетский острог (из № 731, л. 130).

¹⁾ Енисейск. сочин. 1764 г., март, стр. 207—208.

²⁾ Там же, стр. 206—207.

газет в Тобольск торговых людей, и запретило впредь совершенно как служилим, так и торговым людям ходить рекою Елогуем²⁾. Впрочем, по свидетельству Миллера, в XVIII в. дорогою через Вах-Елогуй продолжали пользоваться купцы, сдвинувшие из Тобольска в Туруханское³⁾.

(Наконец, с Оби можно было пройти на Енисей посредством ее притока Тыма, верховья которого близко подходят к верховьям Сыма, притока Енисея⁴⁾. Так ходили еще в 20-х годах промышленности с Енисея на Сургут. В делах воспрепятствовать этому енисейскими воеводами на устье Сыма была устроена застава⁵⁾. Крупного значения Симский путь, во всяком случае, не имел.)

(Кроме перечисленных водных путей, соединявших верхнее течение Оби с Енисеем, в течение почти всего XVII в. русские пользовались также морским путем из устья Оби в Обскую губу, оттуда в Тазовскую губу или Мангазейское море, как ее называли, в устье реки Таза и вверх по Тазу до Мангазейского города; далее притоком Таза—Волочанкою—доходили до так называемых «россох» или «рекем», т. е. мелких проток, которыми добирались до «Енисейского волока» (приблизительно в 1 версту), переволочившись через который, шлюпа попадали в россохи и рекам, и входили в другую Волочанку, выходящую в Турухан, приток Енисея.)

Путь этот стал известен русским гораздо ранее Кетского. Уже при царе Борисе им сдвинули поморские промышленники на реки Тур, Таз и «Енисею»⁶⁾. Им же ходили правительственные экспедиции 1600 и 1601 годов, посланные для постройки острога в Мангазее. Не позднее 1609 года русскими промышленными людьми, прибывшими из Мангазеи, было основано Туруханское зимовье. Таким образом, этот путь послужил дорогой, которой русские впервые, еще в XVI в., достигли Енисея⁷⁾. Несмотря на его сложность, он просуществовал до 60-х годов XVII столетия, когда «сморской ход» в Мангазее был отменен распоряжением тобольского воеводы П. И. Годунова, и настолько любозытен, что заслуживает особого внимания.

Самой интересной частью этого пути является перевал морем из устья Оби в Тазовскую губу. Обычно караваны морских судов—скачей—отправлялись из Тобольска по Иртышу, спуска-

лись вниз по Оби мимо Березова и выезжали в «острова», т. е. в дельту р. Оби. «А устья-де, государь, Обского никто не знает, разлилась на многие места, и острова частые, так описывали Обскую дельту в 1616 году на допросе в Тобольске торговый человек Кодратика Курочкин и тобольский стрелец Корела¹⁾. Необитаемые зимой «острова» летом привлекали из тундры кочевую самояд, которая в это время года «выезжает для рыбных ловель край моря и живет по островам²⁾. Для судов дельта представляла значительную опасность своими многочисленными мелкими: «мелко добре; не токмо большим судам, кораблем или кочам ходити, и мелкими судами ходити неможно», как утверждали те же Курочкин и Корела. Выждав в островах иногда подолгу пособных ветров³⁾, выезжали в «голомя», т. е. открытое море. Дальнейший путь по бурной Обской губе зависел всецело от погоды. Шли, повидимому, вдоль берегов, укрываясь от непогоды в устьях рек, сперва в северном направлении до «Русского заворота», отделяющего собственно Обскую губу от Тазовской, затем спорачивали к юго-востоку. За Заворотом часто упоминаются, как места стоянки судов, Черные горы и Столбовая река, несколько ниже которой лежала Черная коса или Черная «кошка». В дальнейшем, пройдя Япанчин Шар, соответствующий, вероятно, проливу между материком и островом, называемым в настоящее время Находкой, оставляли справа Пуровский остров у входа в глубокую Пуровскую губу и вступали в устье реки Таза⁴⁾.

На Тазу кочи рисковали подвергнуться нападению со стороны памирской самояды, особенно воинственных юраков, которые в 40-х годах хозяйничали на низовьях этой реки. В 1645 г. шел, например, из Тобольска караван с хлебными запасами под предводительством тобольского сына боярского Якова Елизарова. «И как я, холоп твой, докладывал он царю, «буду на устье Тазу реки, и тут, государь, воронская самояд, юраки, на твою царскую казну напуском напущались и на меня, холопа твоего, и хотели убить и твою государеву хлебную казну взять». Юраки «к кочам пристунали», ранили пять человек, но «царским счастьем» были отбиты. По прибытии Елизарова с порученным ему грузом в Мангазейский город, мангазей-

¹⁾ Сиб. Прик. кн. № 1331, л. 219.

²⁾ Портф. Миллера, 514 Ежемес. Сочинения 1764 изд., стр. 512—513.

³⁾ Там же, стр. 512.

⁴⁾ Сиб. Прик. кн. № 1, л. 190, ст. № 11, лл. 116—120, № 143, л. 265 след.

Ф в ш е р, Сиб. история, стр. 403.

⁵⁾ А. И. I, № 39.

⁶⁾ Первые упоминания об Енисее относятся к 80-м и 90-м годам XVI в.: о разведке англичанами сдвиг и устьем Оби и «Енисей» хлосоват Воус в 1584 г.; в 1595 г. о р. Гиливу сдвдлалом известию и голландцам от русских промышленников. Так как устье Енисея было открыто русскими лишь в 1616 г., то несомненно, что они в это время ходили на Енисей не с моря, а через Мангазею.

¹⁾ Р. И. В. II № 254 (II). Ср. описание дельты р. Оби в письме Герарда Меркатора в 1681 г. (H. a. l. u. t. в изд. Evermann's Library, II, 836).

²⁾ Сиб. Прик., ст. № 503.

³⁾ В 1621 г. Максим Чаплин в островах простоял две недели (Портф. Миллера II, 477, № 6).

⁴⁾ Описание морского пути в Мангазее можно найти по многим отпискам и челобитным. См. Сиб. Прик. ст. № 6, л. 237, № 130, л. 482, № 134, л. 96 след., л. 437 след., № 137, л. 185, лл. 437—439, № 139, лл. 3—5, 351—355, № 123, лл. 60—61, № 328, № 1638, л. 403 об., книга № 367, лл. 731—736 об., 740; Портф. Миллера II, 477 № 6; Прик. дела ст. лет 1630 № 55 (отписка Кокорезов на лл. 120—220) и т. д.

ский воевода кн. П. М. Ухтомский тотчас снарядил под его же начальством карательную экспедицию «вшия по Тауу до моря» для «ухищения воровской самоиди и очищения пути. Экспедиция увенчалась полным успехом, и за блестящее исполнение поручения Я. Елизаров был назначен в прикащики на Демьянском яму¹⁾.

В общем путь от Тобольска до Мангазейского города требовал, по отзыву тобольского воеводы кн. Ив. Сем. Куракина, от двух до четырех с лишним месяцев времени, «потому что Мангазее от Тобольска и от иных городов отдавала, большим погодьем поспевать из Тобольска недель в 8, а коли погоды живет мало, и ходу живет недель 13 и больше»²⁾. При благоприятных обстоятельствах, особенно при раннем отпуске, можно было поспеть и скорее. Так, в 1645 году кочи, отпущенные из Тобольска 31 мая, пришли в Мангазейский город 17 июля, т.-е. менее чем в 7 недель³⁾. Влияние на скорость плавания имели всевозможные приходящие обстоятельства: своевременность отправления, попутный ветер, погоды. 5 августа 1656 года отпущен был, например, из Мангазеи служивый человек Деметий Тешков с государственной собольиной казною; 11 сентября он вернулся обратно и заявил воеводе Игн. Корсакову следующее: «а воротышсь-де, государь, они затем: как они вышли на море, и стретил-де их твой государь воевода Семен Ларионов (возвращавшийся морем из Мангазеи) и держал-де их на море почь да половину дня, а им-де, государь, в ту пору был ветер пособный, а как-де они тот ветер упустили, и после-де того они на море стояли на стоях 3 недели, а пособных-де ветров им за море от Черные кошки не было, а хлебных-де запасов у них на море не стало, и коч-де на отстоях раздробило, и им-де было дожидаться пособных ветров не зачем, и заморозу поблююшсь». Так, из-за одного, двух дней задержки экспедиция не удалась; если бы не задержка, то «кочеро-де им на море под Черною косою противные ветры, а за Черною-де косою те все ветры были-б им за море пособные»⁴⁾. Все зависело, в конце концов, от случайности: «и в раннем ходу на море кочи погодьем разбивало, а по иным годы и в позднем ходу прикажники здорово»⁵⁾.

Морской перепад совершался на кочах—примитивного устройства плоскодонных судах об одной палубе, с вазами укрепленными деревянными гвоздями, на которых «можно было ходить..... Греблю и на парусах; но неискусство людей и худое

знание мореплавания было причиною, что можно было идти на них только по ветру, а боковыми ветрами мало пользоваться». «Европеи», восклицает Фишер, «едва отважились бы идти на таких худых судах по морю, с которого никогда лед не сходит. Между тем, архангелогородцы в прежние времена не знали ни о каких других судах»¹⁾. Об устройстве кочей дает представление грамота царя Михаила Федоровича на имя тобольских воевод князей Гр. Сем. Куракина и Мих. Сем. Гагарина, в которой предписывалось, чтоб илотники «делали кочи крепкие и лес в них был добрый, мелкий, и ушивали, и конопатили, и смоляли, и скобами копошат убивали крепко, и ковали, чтоб тесом (сыспод и сверху) не ездило, и во всем делали дельно..., чтоб те кочи к морскому ходу были надежны»²⁾. Запасы и товары укладывались в трюм, под палубу. На палубе устраивалась довольно вместительная каюта—«казенка»³⁾. При коче полагалось иметь 2 якоря и 2 «шавока», т.-е. шлюпки. Насколько примитивно было устройство этих судов, показывает, что обстоятельство, что нормальным сроком службы кочей считалось не более трех лет; по крайней мере, при постройке государевых кочей предписывалось их «делать крепко и прочно, чтобы сталося годы на три»⁴⁾.

Пускался в морской путь на утлых и кое-как сколоченных неуклюжих кочах, русские мореходы подвергались на Мангазейском море всем ужасам «немерных погод». Редко проходил год, чтоб кочи на море не разбивало. В лучшем случае, приходилось запасы «выметать вои». С необычайной энергией потерпевшие кораблекрушение, едва спаслись сами на обломках разбитого бурей коча, подбирали свои товары и мешки с мукою, выкинутые на берег, если только не успевали их растаскать кочеваньею по прибрежным тундрам самоиди, в значительной мере кормившиеся «разбитым» хлебом. «А которых-де твоих государевых запасов», докладывал служ. человек Васья Петров в 1642 г., «что и осталась, и те-де все водою рознесло, а иные песком заполо..., и в те-де мешки водою муки песком наволокло, а находили-де те мешки не в одном месте по кошкам на трех верстах, и те достальные мешки воровская юрчанка и нуровская, и надымская самоедь себе развозили»⁵⁾. Мореплаватели,

¹⁾ Ф и ш е р, Сибирская история, 1744 г., стр. 205.

²⁾ Сиб. Прик., ст. № 134, л. 445.

³⁾ Сиб. Прик., ст. № 374 (дело о конфискации бочурки вша, найденной на коче у казацкого А. Лихачева в казенной под столом).

⁴⁾ Подробное устройство кочей см. Сиб. Прик., ст. № 13, лл. 198, 205, № 83, л. 157, № 1666, лл. 164, 170.

⁵⁾ Сиб. Прик., ст. № 123 л. 61. (Надым,—река, впадающая в Обскую губу, а Нуру, впадающая в Тазовскую губу;отсюда название кочеванья на этих реках слободок надымских и нурунских), ст. 1683, л. 403 (на доске носило ступи, и в тою пору извощены мои и запасенки с коча разнесило и тиниюю привнесло на реку и т. д.).

¹⁾ Сиб. Прик., ст. № 143, лл. 291—292, № 342, № 328, № 1402.

²⁾ Р. И. Б. II № 254 (II).

³⁾ Сиб. Прик., ст. № 328. Собственно на морской проезд требовалось при благоприятных условиях 3/4 нед. (Сиб. Прик., ст. № 115, л. 178 еяд.).

⁴⁾ Сиб. Прик., ст. № 603.

⁵⁾ Сиб. Прик., ст. № 93, л. 17.

выброшенные на берег, либо шли дальше сухим путем «шартами», либо скочивались себе на обломков лодочки и бесстрашно пускались опять в море. Тобольские служилые люди, посланные в 1624 году на службу в Мангазею, писали, например, что «великим судом на губе морской разблало у них коч... и они-де с великою нужею вышли на-берег на туяру, душею да телом, и нашли-де на берегу разбитое наученко и в том-де наученке поехали в Мангазейский город с великою нужею»¹⁾.

После «морского разбоя» пострадавшим всегда грозила опасность от дикарей, стороживших добычу. В 1642 году был отправлен в Мангазею с хлебными запасами тобольский пятидесятник Ларька Семенов с товарищи, «и как-де они будут в голомани (в открытом море) против союк, и в там-де месте учали быть ветр противный, и стояли на том месте два дни, и на том месте шейма и якорь переломлялся, и коч бросило на кошку и заморозило, и к ним-де пришел к тому кочу самояди человек с 200 и... государевы хлебные запасы, и соль, и судовые всякие запасы, парус и варовые веревки, и у торговых и у служилых людей запасы и русские товары все пограбили без остатку, и коч посекли и их хотели побить до смерти»²⁾. Дело не ограничилось одним грабежом. В 1656 г. самодержец князец Песко Хулев рассказывал толмачу на Обдори, «что разблало-де коч на море за Русским заводотом, а на коче-де были многие русские люди,—и тех-де русских людей убил обдорская ясачная самояд, роду адеров, Тай с товарищи, трех человек. Это подтвердили и другие ясачные самояды: «видели-де они, на кошке стоит коч, а в том-де коче бочка с солью, а ничего-де в нем ничего нет, и убил-де они, самояд роду адеров, гудлячи около моря, с того коча русских людей, двух человек, и против-де того коча нашли срубленную русскую ивзубку и край моря на дороге семь нарт, только-де они в той ивзе и у нарт русских людей не видели»³⁾.

Для характеристики условий «морского хода» может служить история кораблекрушения, имевшего место в 1643 году. В этом году из Тобольска 13 июля пошло два коча с хлебными запасами, один коч, на котором ехал вновь назначенный в Мангазею дьяк Григорий Теряев и один коч торговых и промышленных людей. Около 19 августа, у Русского заводота, разыгралась буря: «сучало погодою кочи бить». Государевы кочи и коч торговых людей «на отстое расстунло»; запасы с них разнесло по морю и по берегу, а люди плавали и брели на берег на веслах и на досках и в карбасах; а коч дьяка Гр. Теряева «выкинуло на берег пел, а запасы выметал волн», «и тот его коч замыло на кошке песком, и тут-де они стояли и тот коч из песку выгребали и

¹⁾ Сиб. Прик. ст. № 6, л. 237. «Пазовско—небольшая шлюпка.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 130, лл. 482—483.

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 563.

с мели смытали две недели». После двух служилых людей в карбасе в Тобольск с отписками «о том разбое», сам Теряев пустился в дальнейший путь; с погромом к нему на единственный коч собралось всяких людей человек с 70, а 15 человек торговых и промышленных людей остались «на том разбое зимовать у своих товаров и запасов». Теряев шел парусом день, и «как-де они будут против Черных гор, Столовой реки, и тут встретил ветер—север сбоку, и тем ветром бросило коч на берег на сухой, и коча-де снать с мели не могли, и стояли-де на том берегу 8 недель, обсадила самояд, и с того разбою пошли нартным ходом берегом в Мангазею до Филиппьева заговенья за 10 дней», т.-е. 4 ноября, все время отбиваясь от преследовавших их самоядов: «по вся дни учали на них самояд находить и дрались и ходу им не давали», отбили у них восемь нарт с запасами, товарами и оружием, при чем убили двух человек и одного ранили в голову стрелом, да у дьяка Григорья отгромили на нарте «робочника служив». Самояды преследовали их до Пуровского острова, где снова дрались с ними долгое время и равняли смертельно одного человека. Продолжая путь, несчастные достигли Тазовского устья, а «шли да устья Тазовского от Черных гор 8 недель». Тут «взял-де их голод, потому что им самояд ходу не дали и запасы отгромили», «стало нечего ни пить; ни есть», безмен муки продавали за 7 руб., а пуд будет в 112 руб.; и стали служилые и промышленные люди с голода помирать; померло человек с 50, в том числе у дьяка Теряева две дочери и племянник, и люди его померли-же. В таком положении он послал в Мангазейский город несколько служилых людей «с вестью». Посланные «одева с голоду добрели» до города, и один из них, «пришед в город... с голоду и умер». Между тем, Гр. Теряев с остальными своими спутниками медленно подвигался вверх по Тазу: «шли голодными и шли Тазом 10 дней, и их изнял голод». Против Леденкина Шара Теряев, не будучи в состоянии двигаться дальше от изнеможенности, был вынужден остановиться; с ним остались его жена и люди и еще несколько человек, как и он, неспособных идти вперед. Сын боярский Дм. Черкасов с тобольскими служилыми людьми пошли дальше, но уже на первом стану один из них, Костяк Галкин, отстал: «итти не мог, и после того и умер»; до того стала шли они три дни голодными, ели ремешь и намысы (кожанаю) подкладку лыж; на том стане остались еще два человека, которые потом померли. Оттуда они шли до Сухарева зимовья три дня: «и идучи нас голод изнял», признавались они впоследствии, «и мы везевою души свои скверили, собаки ели». В Сухарева зимовье они лежали три дня: «Здесь их надели высланный воеводой кн. Ухтомским, по получении отписки Гр. Теряева, на выручку к нему отряд мангазейских служилых людей под начальством сына воеводы кн. Федора. Кн. Федор послал своего человека с несколькими

служилыми людьми на низ смекивать дьяка Григорья; они нашли его против Леденкина Шара; с ним еще в живых были его жена и еще человек шесть; остальные померли от голода. Цолокешье оставшихся в живых было ужасное; они дошли до того, что питались телами умерших, «друг друга ели»: «от великие нужи постели (олены кожи) и ремьяе и испод лыж-камасы, и собак, и мертвых людей ели». Их подобрали и на партах повезли в город. По пути, за полтора днища до города, в Шучей Курье, дьяк Теряев умер. Его жена и люди прибыли в Мангазейский город 14 января; всего пришло и было привозчено человек с 20 служилых и промышленных людей¹⁾.

Опасности морского пути: «немерные погоды», «сбедность и наянсть», и убойство и смерть от иносимцев, и голод и оквернение», — ничто не останавливало бесстрашных мореходов. Из года в год бурным Мангазейским морем совершали плаванье многочисленные партии торговых и промышленных людей. В 1629 г. в Мангазею прибыло 30 кочей, в следующем выехало оттуда 12 кочей²⁾. В ноябре 1633 года прибыло морем 237 человек³⁾, в 1634 г. отпущено тем же путем из Мангазеи 184 человека⁴⁾. В 1638 году на Обдорской заставе зарегистрировано 244 выхода из Мангазеи⁵⁾, а в 1641 г. через нее проехало в кочах в Мангазею 231 чел., и обратно из Мангазеи 319 человек, всего 650 чел.⁶⁾. Кроме того, морем ежегодно посылались из Тюбюльска государевы кочи с хлебными запасами для мангазейского гарнизона, а из Мангазеи отправлялась государева соборная казна. Морским же путем пользовались все ехавшие в Мангазею и обратно чиновные лица: воеводы, дьяки, московские и тюбюльские сыщики и другие.

Для большинства промышленников Мангазея являлась лишь временной стоянкой по пути на Енисей и на Туруханск. Прибыв осенью в Мангазею, они дожидались лишь весны, чтоб идти на Енисейский волок.

От Мангазеи на Енисей путь шел вверх по р. Тазу и далее по притоку его Волочанке в «Круглое озеро», затем «россохами» и «режмами» добирались до волока. По мелководным «россохам» можно был протаскивать лодки только ранней весной; позднее приходилось прибегать к помощи «прудов, парусных и земляных», т.-е. искусственных завруд: «а те-де речки, идучи перед собою прудят напусы, а как зарудят и воды наконят, на той зарудной воде... до нику парусного запорю сойдут⁷⁾. Таким

способом, добирались до так называемого «Енисейского волока». «От креста до креста», т.-е. от конечных пунктов волока, считалось сажень 700 или верста. «А волока, господние, сухого», писал тюбюльскому воеводе П. И. Годуну мангазейский воевода Р. Павлов, «се озера на озеро, куды носят всякой запас, верста места есть или больше, да и по тому месту есть места мокрые». Через волок груз переносили на руках или переволакивали «на тележках», а кочки протаскивали «десятью человек» каждый. Перевалив через волок, вступали опять в болотные режмы, рассохи и озерики, и «те тонки, по озеру и близи озера идти не можно». Общую картину этих болот и «россох» дает описка мангазейского воеводы кн. Петра Ухтомского в 1646 г. «А из Туруханского, государы, писал он, «до Мангазеи путь дальшой, нужной... ездят по малым режкам и по режкам по таковым, что мало в тех режках и воды живет, да на том же, государь, туруханском пути, с енисейские стороны на адешнюю мангазейскую сторону, на другое озеро, есть волок сухой с версту места, а режмами с обе стороны волоку ходу есть верст с 20, и теми, государь, режмами зарбасы волочат порозкие без запасов, а зарбаски режмами и через волок носят на себе и сами ходят берегом неия, потому что теми режмами путь бывает сух и безводен, а подле режмы грязь и болотина, и по тем, государь, режмам путь—грязь до вода». Из «режм», через «Подволочное» и три других озера, попадали в Волочанку «другую», впадающую в Турухан, приток Енисея. Общак продолжительность пути от Туруханского в Мангазею определялась в 2—3 недели, в обратном направлении от 2½ до 4 недель⁸⁾.

По условиям передвижения по «мелким и узким режкам» и по «озерам мелким и тонким» этот «путь самый нужной за волок» был возможен лишь весной и ранним летом, так как к осени «речки малые водою гораздо мелки» совершенно высыхали. Зимой существовал «льжкий» путь; ездил также на оленях и на собаках, потому что «кошовой дороги никогда не бывает». Местность была пустынная, и в тундрах легко было заблудиться без «вожа». Поэтому в 1654 г. мангазейский воевода Игн. Корсаков распорядился устроить правильный тракт: «из Мангазеи на Турухан лесом тес тесать и по тундрам чумы ставить и дороги утверждать, чтоб та дорога вперед была прочна и стоятельна... а вперед... по той дороге можно ходить всяким людем... без вожей». Проведение этого шоссе обошлось в скрюченную сумму 2 р. 30 к.⁹⁾ Еще до устройства его, для обслуживания пудж проехожих людей на волоку возникла «волоковая

¹⁾ Сиб. Прик. ст. № 134, № 143, лл. 285—287. Ср. Огдебля, Выт. черт. XVII в. (Рус. Стар. 1892, № 6).

²⁾ Прик. дела ст. лет 1630 № 55, л. 21.

³⁾ Сиб. Прик. кн. № 26.

⁴⁾ Сиб. Прик. кн. № 121.

⁵⁾ Сиб. Прик. ст. № 78, л. 103.

⁶⁾ Сиб. Прик. кн. № 42.

⁷⁾ Так описаны «старые пруды» на реках Лейского бассейна (Д. А. П., III, № 6, ср. у М и л л е р а. Опис. Сибирского царства, стр. 102—103). Как устривались «земляные пруды», мне неизвестно.

⁸⁾ Сиб. прик. кн. № 367, лл. 712 об.—715, 749—740 об., 661 об., ст. № 263, л. 119, № 731 (отп. Мих. Векловичева, получ. 9 июля 189 г.). Титов, Сибирь в XVII в., стр. 21—22, 37, 51.

⁹⁾ Сиб. Прик. кн. № 367, лл. 717 об., ст. № 731, № 435, № 462. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 21.

баца», с буфетом, где продавался «хмельный квас и сусло», и игорным домом для игры в эрью, в «карташ» и «сиские закладные игры»¹⁾.

Описанный путь на Енисей в течение первой половины XVII в. оставался излюбленной дорогой поморских промышленников. За него была традиция, сложившаяся уже в XVI в., когда о южном пути на Енисей еще не было понятия. В пользу того была также тесная связь его с «чрезкаменным» путем: промышленники, возвращавшиеся весной с Тунгусок, попадали в Мангазею еще во время, чтобы воспользоваться навигационным временем на Мангазейском море, и, выехав в конце июля или в августе, поселяли до заморозков на Обдоре, откуда успевали еще осенним путем перебраться на лодках через Камень и к октябрю достигнуть Соли Вычегодской и Устюга.

Тем не менее, опасности морского пути заставили очень рано искать какой-нибудь новой дороги, которая позволила бы избежать риска, связанного с плаванием по бурной Обской губе. В 1630 г., как сказано, мангазейский воевода Г. И. Кокорев пробовал обследовать путь Елогуем. Несколько позднее, в 1635 г., воевода Бор. Ив. Пушкин и дьяк Пятай Спиридонов захотели использовать путь, которым туземцы, самодеды, ходили с Таза на низовья Оби, прямо через тундру. Мангазейские старожилы, служилые люди, на допросе подтвердили, «что есть из Мангазеи дорога в Русь недалеко и прима, на Обдоре, да на Пустозеро». Этой дорогой пользовался во время междоусобной войны, имевшей место между мангазейскими воеводами в 1631 г., тот же Гр. Кокорев, осажденный в Мангазейском городе своим товарищем Палициным. Помытца Пушкина обследовать эту «прямую» дорогу для установления сношений с Тобольском и с Москвою кончилась, однако, неудачей, так как посланные им гоицы были убиты юраками²⁾.

Вопрос об изменении маршрута на Мангазею и на Туруханское стал особенно остро в 40-х годах вследствие ряда катастроф, имевших место на море³⁾. В течение трех лет, начиная с 1642 г., кочи терпели аварии и не доходили до Мангазеи. 18 августа 1642 г. под Черными горами их всех «разбило без остатку», при чем едва не погиб ехавший в Мангазею воевода К. П. Ухтоменский; часть торговых и промышленных людей зимовала на р. Пуре и к великому загонению пришла вартынями ходом в город, другие вошли с Пура к месту кораблекрушения для хлебных запасов и своих товаров, и в том походе со стужи померзло больше 70 человек, а четырех человек, которые зимовали в заморозе в избушке у хлебных запасов, побили самодеды, а иные умерли от цинги⁴⁾. В 1643 г. произошло описанное

выше кораблекрушение дьяка Теряева. В 1644 г. разбит был один из двух кочей с государскими хлебными запасами, и сын боярский М. Ремезов, стоявший во главе экспедиции, вернулся в Тобольск⁵⁾. Неприбытие кочей в Мангазею означало голод для русского населения «беснашенного» города, питавшегося исключительно привозным хлебом. Гарнизон и сам воевода временно покинули резиденцию и переехали в Туруханское в надежде на подвоз из Енисейска⁶⁾. Эти катастрофы оказали решительное влияние на судьбу морского пути. Начиная с 40-х годов, он приходит в упадок и заменяется другими более безопасными дорогами. В 50-х годах упоминается о приходе в Мангазею лишь казенных государевых кочей с ничтожным числом промышленных людей: в 1654 г. приехало всего 8 человек, в 1656—7, в 1658 г.—ни одного⁷⁾. Около 1667 г., после одной из очередных катастроф при перевозке государственной соболивой казны в Тобольск морем, тобольский воевода П. П. Годунов своею властью распорядился о полном прекращении морских поездок в Мангазею и велел «писать о том (о морском разбое) к великим государям, и что кочи отставлены, и впрядь кочевого ходу не будет, а посылать через Енисейск⁸⁾».

Следующим этапом в истории продвижения русских на восток был переход с Енисея на Лену. Едва был поставлен на Енисее Енисейский острог, как уже в том же 1619 г. енисейские служилые люди сообщили в Тобольске со слов туземцев, про безымянную реку, «что-де та река великая»: «от Тунгусского острогу, который де ныне поставили Петр и Черкас, ехать до волоку 2 недели, да тем-де волоком идти два дня до великой реки»⁹⁾. Тотчас по утверждению на Енисее, начались экспедиции служилых людей на Верхнюю Тунгуску и на ее притоки, а оттуда волоком на верховья р. Куты, впадающей в Лену. Одновременно, имели место подобные же экспедиции из Мангазеи, с Нижней Тунгуски на Виллу. Таким образом, в 20-х годах русские не только проведали два пути с Енисея на Лену, но и подчинили живших на них инородцев. Начиная с 1630 года, начинается уже планомерное обследование обоих путей. В 1630 г. енисейский воевода кн. Сем. Ив. Шаховской, известный писатель и богослов, послал в Москву «роспись» землям к востоку от Енисейска¹⁰⁾, а в 1632 г. мангазейский воевода А. Ф. Палицын, человек тоже начатанный и образованный, представил в Казанский дворец обстоятельный доклад о путях с Енисея на Лену, сопровождавшийся «чертежом», т.-е. картой. В 1634/5 г. о том же писал в Москву енисейский воевода Андр. П. Мамышиков.

¹⁾ Сиб. Прик. ст. № 139, лл. 3—5, 351—355.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 139, л. 107^а.

³⁾ Сиб. Прик. ст. №№ 503, 566, 661.

⁴⁾ Сиб. Прик. ст. № 367, л. 741, ст. № 805.

⁵⁾ Р. И. Б. II № 121.

⁶⁾ Об этом см. Сиб. Прик. ст. № 31.

¹⁾ Сиб. прик. кн. № 78, лл. 54 об—55, 58.

²⁾ Сиб. Приказ ст. № 178, л. 135 след.

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 134.

В Москве заинтересовались всеми этими сообщениями, и, с своей стороны, в Казанском дворце произведен был опрос приезжавших из Сибири служилых людей, и, наконец, в августе 1638 г. на «повую» реку Лену была отправлена экспедиция под начальством стольника Петра Головина, которому, в числе прочих поручений, было приказано составить описание пути¹⁾. Во исполнение последнего распоряжения и была составлена в 1640—1641 гг. карта и к ней «росписи против чертежу рекам и порогам от Енисейского острога до Ленского волоку, по которым шли на государеву службу на великую реку Лену... стольники и воеводы П. Головин, М. Глебов, дьяк Буфимий Филатов во 148 г.»²⁾. Таким образом, в течение десятилетия с 1630 по 1641 г. пути с Енисея на Лену были основательно обследованы.

При первом же знакомстве с Леной выяснилась наличие двух путей, одного—южного, связывавшего Енисейск с Якутском и другого—северного, шедшего из Мангазеи или, точнее, из Туруханского. Из этих двух путей, по понятным причинам, первый приобрел более важное значение и сделался общеупотребительной дорогой в Якутск, служивший административным центром Ленского бассейна.

Южный путь шел от Енисейского острога вверх по Енисею до устья В. Тунгуски и дальше вверх по этой реке до устья Илимна. Плавание по В. Тунгуске было сопряжено «с великим трудом и большою нуждою», «великие ради быстраны и больших порогов и необычных»: «са судовой ход тяжек и нужен, река Тунгуска быстрая, и пороги великие». Особенно опасных порогов насчитывалось четыре: это были «первый Тунгусский порог», иначе «Стрелочный» («камня на всей реке великие, и вода зело быстра, и волны великие от камня»), Мурииский порог на устье р. Муры («са того порогу версты со две»), Камин порог («св том месте зело быстро, и по всей реке лежат камыя великие, и вода бываек мелкая, и дощаник не проходит») и Алдинский порог, «место самое нужное» («сво всю реку Тунгуску лежат камыя великие, и об те камин волок бьет, и для того волны и быстреть великие»). Кроме того, «примеж больших порогов» имелись «многие быстрые места», так называемые «шиверы» (например, бык Выдомский, названный так по фамилии ильминского воеводы Т. А. Выдомского, потерпевшего здесь аварию, Оладина шивера, названная по такому же поводу по фамилии другого воеводы Б. Д. Оладина, Овсянная шивера и др.). На больших порогах приходилось выгружать и обносить «на рамах своих» весь груз, «и ничего же не остаек от потребных в судах

тех», и в лучшем случае «повозились в лодках», т.-е. перевозили запасы в небольших лодках; самые же суда «сводили канатами человек по 70 и больше», пользуясь «небольшими порожками местами, где камней нет». Через такие «ворота» «тянули дощаник великим канатом и бечевой все, что есть на дощанке людей; а только остается ва дощанке пять человек, которые знают ворота, где дощаник проводить». В сухое лето, однако, через такой порог, как Камин, «протянуть не могут никоими мерами», «и для того неделя по 8 и стоит и дожидаются нарусного погоды; а как парусного погоды не будет, и в том месте зимуют»³⁾.

Из В. Тунгуски въезжали в ее приток Илим. И тут опять плавание затрудняла многочисленными пороги: большой Илимский порог и другие «быстрые места», через которые таким же образом «сводили суды канатами», а запасы «выгружали и обносили на себе». Первоначально по Илимю подымались до устья р. Идырмы, а с устья р. Идырмы шли уже волоком. Позднее установился другой путь—до устья р. Туры, впадающей в Илим несколько выше Идырмы, и отсюда волоком⁴⁾.

От устья Идырмы или от устья Туры начинался так называемый «Ленский волок», который вел к верховьям реки Муки, принадлежавшей к бассейну Лены. Волок был небольшой, но трудный, так как «дорога лежит через камыя». Часть пути «до колодца» груз провозился на лошадях вьючным способом; дальше «от колодца» можно было везти уже «на тележках». Несмотря на трудности горного перехода, пеший человек с пошею делал его в один день⁵⁾.

Зимой шли волоком, пользуясь нартным путем, прямо к устью р. Муки, чтобы избежать длительного и тяжелого плавания по этой мелководной речонке. «А зимняя дорога салная с Илимна реки лежит через камыя», говорится в «росписи» П. Головина, «на усть Муки реки». Зимний волок требовал приблизительно двух дней. У впадения Муки в Кулу, приток Куты, дожидались «свешней воды» и, подавая струги, шли «за льдом» дальше на Лену⁶⁾.

В виду важности Ленского волока енисейские служилые люди уже в 1630 году поставили на нем острожек, впоследствии Илимский острог, который обеспечивал русским господство на пути с Илимна на Лену. Здесь же образовалось большое промышленное становище, служившее центром для промыш-

¹⁾ А. М. Ю. Бедар. «Слово ст. № 15, л. 212. А. М. Н. Д. Кат. двор., № 6 в. Д. А. И. II № 71, 85, 89, III № 6. Р. И. Б. II № 213. Изборник Писма», стр. 623. Путешествие Спасского, стр. 87—101.

²⁾ Сиб. Прик. ст. № 31, л. 384, № 245, л. 117 след., № 63, л. 740. Р. И. Б. II № 213. Д. А. И. II № 89, Ср. карту Илимского уезда Ремезова.

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 52, л. 239 след. Д. А. И. II № 89, III № 6.

⁴⁾ Сиб. Прик. ст. № 31, л. 384. Д. А. И. II № 67, 89, III № 6, VIII № 100. Титул в Сибирь в XVII в., стр. 32, 62.

¹⁾ Р. И. Б. II № 121. О проекте А. Ф. Палицына подробнее в моей статье, посвященной этому незаурядному администратору, в сб. «Век» (под ред. А. И. Заварского и М. Д. Приселкова, Петр., 1924).

²⁾ Д. А. И. II № 89 (1).

шленных и торговых экспедиций далее на восток: «торговым и промышленным людям съезд живет на Ленском волоку большой». «Приезжаем мы, государь, с Руси и из Сибирских городов в Илимской острог», говорится в одной челобитной, поданной торговыми и промышленными людьми в 1657 г., «и торгуем на Ленском волоку, в Илимском остроге и в уезде и на усть-Куты реки и на великий реке Лена... Да мы же, холопи и сироты твои государевы, откупаем с Ленского волоку вниз по Лене и по сторонним рекам и по Олекме реке на болющие промыслы покрученков своих и наемных людей... и, на Ленском волоку, покупая хлебные запасы, и откупаем своих покрученков вниз по Лене реке и по сторонним рекам и по Олекме реке». При невозможности в один навигационный сезон добраться с Руси до Лены, на Ленском волоку зимовали заповдавшие промышленники из опасения «на Лене реке от людей в дальнем месте на пустошьезде замерзнуть». Иные, наоборот, «исторговали на Ленском волоку, и которые промышленяют на Лене реке по иным речкам близ Ленского волоку, и те..., не быв в Якутском остроге..., (едут) к Руси и в Сибирские города». «Для приезда торговым людям» уже в 1639 г. на волоку был устроен гостинный двор с амбарами «на хлебные их запасы и на русские товары для торговли», но, повидному, еще раньше богатые торговые люди, вроде Надея Светешникова, Афанасия Федотова и других, обзавелись здесь собственными амбарами и заводами¹⁾. Религиозным и общественным центром становилась была, поставленная «по обещаю русских торговых людей», часовая, служившая местом мирских сходок²⁾. В виду крупного торгового значения Ленского волоку, еще до основания Якутска, здесь был организован под наблюдением енисейской таможенной избы сбор таможенных пошлин. С устройством самостоятельной таможи на Лене, ленские таможенные головы посылали на волок пеговарьников³⁾. Через Ленский волок, как сказано, доходили до р. Муки, впадающей в реку Куну приток Куты. На Муке приходилось делать плоты, потому что река Мука—«каменистая и мелкая, таскают на ней на плотех великоку пузею и большое по 20 пуд., и те-де в омутех многожды топят». Точно были также «мелки» и реки Куна и Кута. «А Мукою и Кутую реками в устье, где та Кута река в Лену пала итить будет», писал в 1645 г. воевода Вас. Пушкин: «на плотах, а в малых-де судах и в стружках отнюдь будет итить немочно, потому что те-де, государь, реки камениные и малые, ходят по них судами только в одну внешнюю пору, как половецье бывает...

а плотиска на той реке промышленные люди делают малы, только поднимают пуд с 20, и везде, бродя, с камени те плотиска сымают стегами, а те-де речки, идучи, перед собою прудат парусы».

Из Куты въезжали в Лену. На устье Куты временами скоплялось значительное число торговых и промышленных людей, и имела место оживленная ярмарка⁴⁾.

Общая продолжительность пути из Енисейска до устья Куты определяется «росписью» П. Головина, на основании собственного опыта первого якутского воеводы, почти в 9 недель (82½ дня). Фактически требовалось гораздо больше времени, так как в ходу... мешкота за судами и за порогами; на порогах приходилось стоять по долгу, на иных неделях по две. Если верить Снафарью, то на Камские пороги стояли иной раз «неделя по 8». В общем итоге, на дорогу шло гораздо больше времени. Вас. Пушкин в 1645 г. «за поздним водяным ходом» шел, например, от Енисейска до Ленского волоку 13 недель без двух дней⁵⁾.

Северный путь с Енисея на Лену шел по притоку Нижней Тунгуски—реке Титее. С верховьев Титет в течение двух дней (весною; летом—5 дней) шли волоком и выходили на реку Чурку, впадающую в Чону, приток Вилюя. По Чурке спускались с большим трудом вследствие ее мелководности, потому что это «речка малая, а не судовая, только-де большая вода жвет весною от снегов». Из Чурки выходили в Чону, из Чоны в Вилюй, из Вилюя в Лену. Точных сведений о продолжительности этого пути нет, так как сведения, сообщаемые А. Палыциным, несомненно, неверны⁶⁾.

Путь Вилюем имел большое значение до тех пор, пока Мангазея оставалась крупным центром болющих промыслов. Им ходили на Лену промышленные люди в поисках новых «соболиных мест» и мангазейские ясачные сборщики для сбора ясака с инородцев. Он же служил до 1640 г. для военных экспедиций, посылавшихся на Лену из Тобольска через Мангазею. С основанием Якутска и подчинением всех ясачных земель по Лене и ее притокам ведомству якутских воевод, роль Вилюйского пути в деле объяснения ленских инородцев и сбора с них ясака отпала сама собою. Вместе с тем, в Якутске создавался новый промышленный центр, с которым не могла конкурировать Мангазея. В 40-х и 50-х годах промышленные люди, «которым промыслы не удалось» продолжают, однако, ходить на Мангазею «на новые на Вилюй и на Лену река»⁷⁾.

¹⁾ Сиб. Прик. ст. № 245, л. 117, Д. А. И. II № 67, 89, III № 6, № 100, IV № 24, Р. И. В. II № 213. Ср. Gmelin, Reise, стр. 220, след.

²⁾ Д. А. И. II № 89 (1), № 85. Пустельгине С. Ф. а р. а. стр. 96, 97.

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 82, л. 234 след., Сиб. П. И. В. II № 213.

⁴⁾ Сиб. Прик. ст. № 210, л. 119 след., № 94, л. 465, № 139, л. 167, № 220 л. 201, № 331.

¹⁾ Сиб. Прик. ст. № 470. Дела Якутск. права., в. III № 16, а. I № 29а.

²⁾ Д. А. И. II № 67, 92.

³⁾ Дела Якутск. права., в. I № 8. Титов, Сибирь в XVII в. стр. 32, 52.

⁴⁾ Пустельгине Снафария, стр. 132.

⁵⁾ Д. А. И. II № 67.

Впрочем, очень скоро даже для сношений между Мангазейей и Леною Вилюйский путь был заменен другим, через так называемый Чичуйский или Тунгусский волок. Путь этот шел по Н. Тунгуске «сверх воды» к ее верховьям. Миновав устье реки Немь, в 6 днях выше высаживались и шли «сухим путем» «через вершины реки Куленги на Лену, на что требовалось «с коном ехать два дня» (по другим данным еще меньше времени). На Лену выходили «промеж Куленги и Олги», близ устья реки Чичуга¹⁾. На волоку стоял Чичуйский острожек. В 50-х годах здесь существовала таможенная застава для досмотра, «которые торговые и промышленные люди с Ленского Илинского волока мимо Чичуйский волок поплывают, и это показывает, что промышленники, желавшие избежать Вилюйска и Якутска охотно пользовались этим путем²⁾. Общая продолжительность пути от Туруханского зимовья на Енисее до Чичуйского волока определялась приблизительно в 11 недель, «а от Тунгуски реки Чичуйского волока сухого пути до Лены реки и до Ленских пашен», по одним отзывам, пол-дня летнего, по другим три дня³⁾.

С Лены с ее обширной системой притоков открывались разнообразные маршруты по всей восточной Сибири. Отсюда проникли русские на «дальние заморские реки», впадающие в Северный-Ледовитый океан: в Индигирку, Яну, Колыму, Анадырь и другие, отчасти сухим путем, отчасти спускались по Лене до моря и далее отбывали по бережкам в морских кочках. Отсюда же был найден путь на реки, текущие в Восточный океан — Амур и Охоту.

Обычно путь с Лены на «заморские реки» и на полдлярное «Поморье» совершался «конным» через Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от рек, впадающих в океан к востоку от ее устья. Выйдя из Якутска, пересекли Аздан «у перевоза» и, преодолев «Камень», в 5 недель достигали верховья Яны. С Яны, на конях же, шли дальше на восток, вдоль ее притока Толстока и, пересалив хребет Тай-Хаянтас, через 3—4 недели попадали на Собачью реку или Индигирку, а с Индигирки на нартах в такое же приблизительно время доходили до реки Алазея. С Алазея в 10 дней достигали верхнего течения Колымы. Колыма являлась исходным пунктом, откуда найдены были дороги к берегам Берингова пролива и северной части Охотского моря (называвшейся в старину Пенжинским морем).

¹⁾ Сиб. Прик. ст. № 115, л. 178. № 1056. Д. А. И. II № 86, 90, 92. Г. м. о. II в. Воле, II, стр. 285.

²⁾ Доза Якутск. Права, в. III № 15 (1). Ср. Сиб. Прик. ст. № 470. Д. А. И. VII № 8, IX № 64.

³⁾ Сиб. Прик. ст. № 1056, № 1058, л. 178. Доза Якутск. права, в. III ст. 14 А., л. 9, ст. 15 А., л. 11. Д. А. И. II № 85 А. Ю. В. II № 203. Г. м. о. II в. II, стр. 285.

Волок между Колымою и Анадырем или Анадыром был издавна известен анадырским ходицам, ходившим через него на оленях. От ходимских амаватов и пленников узнали и русские, жившие на Колыме, что «новая захребетная река Анадырь подшла к вершине Алюя реки (притока Колымы) близко». Чертеж, т.-е. карту пути с Алюя на Анадырь составил в середине XVII века известный С. Дежнев, и этой дорогой стали пользоваться русские, поднимаясь вверх по Алюю до хребта, пересекая его на нартах и спускаясь на реку Анадырь, текущую по мрачной и безлесной тундре в Берингов пролив. По другому притоку Колымы, Омокоу, добравшись в 8 недель до «Дежневского хребта», шли далее по хребту до реки Пенжины и затем по берегу моря до Чендонского хребта и хребтом до реки Чендона или Гижиги. Путь на Пенжину был открыт в 1651—1652 г.г. Мх. Стадухиным, который и составил ему чертеж¹⁾.

Сухопутный путь на «заморские реки», шедший по безлюдным и диким местам, населенным воинственными прородическими племенами ламутов, юкагиров и ходыщев, был сопряжен и с большими трудностями, и с крупными расходами. Ехать приходилось «о два коня», что составляло очень большой расход. В пути лошади нередко падали; «а иных копей сами мы с голоду съедаем», заявляли служилые люди, прибавляя, что в дороге голод великий терпят, едят «основную кору и траву, и корень, и всякую едь скверную». Большую опасность представляли враждебные русским туземцы, так что ходили «по великой нужде», боялись от изменников... убойства²⁾.

При таких условиях, ввиду с сухопутной дорогой, продолжали пользоваться и морским путем. На кочках спускались по Лене в «Сытное море», иначе в «Ламу»³⁾, как называли русские океан словом, заимствованным у тунгусов.

В устье порою подолгу ожидали «способных ветров», чтобы «выбежать в море». Из устья Лены возможны были два направления. Влево «днем парусного ходу» приходил на реку Оленек⁴⁾. «По правую сторону» можно было, пересекши Омолеву губу (Борхойскую) дойти «до устья-Яны реки», куда считалось «сходу

¹⁾ Д. А. И. II № 58; IV № 5, 6, 7 (1), 47; VI № 136 (II). Титов, Сибирь в XVII в., стр. 32—33, 52—53. Путешествие С и а ф а р и я, стр. 132—133. О г л о з л а и к, С. Дежнев (в Журн. М.-ва Нар. Просв. 1890 № 12); его же, Восточносибирские полдлярные мореходы XVII в. (там же, 1903 № 5).

²⁾ Доза Якутск. Права, в. I ст. № 14 (отпуск на Яну и на Собачью реку). О г л о з л а и к, назв. статьи Д. А. И. V № 65.

³⁾ «Сытное море» — назв. Ледовитый океан в Пам. Сиб. Ист. XVIII в., II № 25 (II), «Ламу» — в Д. А. И. II № 80. То же название «Ламы» присваивалось и Вайдалу и Охотскому морю.

⁴⁾ Д. А. И. II № 86. О г л о з л а и к, Восточносибирские полдлярные мореходы. Впрочем, предпочитали на Оленек ходить сухим путем: спускались по Лене до устья реки Молоды, а отсюда на нартах в 10 дней переходили через хребет на Оленек (Д. А. И. VI № 136; ср. II № 86).

парусного палатера (по другим сведениям трое) суток и следовало дальше на восток вдоль береговой линии».

Поездки по океану в кустарной постройке кочах представляли собою предприятие, полное опасностей и риска.

Сильно задерживали шкверы с моря, прижимания²; прибывавшие суда к берегу, но главное препятствие составляли покрывавшие поверхность северных вод «льды плотные»: «на море», по словам мореходов, «льды ходят и кочи ломают». Кочи «бежали с великою вужою промеж льды»: с неимоверным трудом мореплаватели «из того льду вывалились и просеклись назад», когда их зашурало в гололеми в большие льды, выбирая «меж льдом поочереженки и дпугаясь «своею силою» «по заледью возле земли... по протокам». Если льды были тонки, то пробивались через них «о парусе», но при этом нашивки и прутья у кочей спротивались.

При неблагоприятных условиях корабли, застигнутые замором, замерзали в открытом море. Тогда приходилось волячься пешком на берег «по росоломному льду»³).

Судьбу мореходов, затертых льдом, живо рисует описки якутского служилого человека Тимофея Буддакова, который осенью 1651 года плывал по Ледовитому океану во главе «шаранава из 5 кочей».⁴ Против устья реки Хромы — пристигла ночная пора, стало темно, и наутрие море стало, замерзло». «И мы, Тимошка», пишет Буддаков, «стали пятью кочами на простой воде вместе, а с земли недалеко. И стояли в том месте три дня, и лед начал быть толщиною на задок, и хотели волючься на землю на вартах, и в Семь день (1/14 сентября), волею божию, потянули ветры отдерные от земли в море, и нас с льдом отнесло в море и несло нас со льдом в море палеры сутки, и на море ветры утихли, и лед в море остановился, и море стало и замерзло одною ночью; и на третий день начал лед человека вдвигать, и мы учали проводитьь земли, к которой стороне, не убожачи смерти, ходить по человеку и по два и по три». Так забрели на коч служилого человека Андрея Горелого, тоже замерзший во льду. Продолжали разведки, посылая с каждого коча для «продвывания» земли по три человека. Но через несколько дней внезапно «с моря вода прибыла и начала лед ломать, и носило нас в море палеры сутки и ветры притихли, и почли поочереженки мерзнуть». Как только окреп лед, мореплаватели, не хотя на тех кочах напрасною нужною смертью помереть без дров

² Д. А. И. II № 86, III № № 75, 76, 78, 79, V № 65. М а л а е р, Описание полярных путешествий по Ледов. и Восточному морю с Российской стороны ученических (в Ежем. Сов. за 1758 год), Крайних индиков. Описание земли Камчатки, II, 1755, стр. 267. О г л о б л я н, Восточно-сибирские полярные мореходы XVII ст.

³ Д. А. И. III № 79.

и без харчу и с соляной морской воды перецнижать, — а в море лед ходит по волнам без ветру и затирает теми льды заторы большие», — решились опять подыататься разныкать путь на берег. Настроение у всех было подваланное: «что-де мы и сами перепропали в конце, и земли-де не ведаем, в которой стороне вышадем и на каторе божие, и будем ли живы или нет?»... «а преж сего такого гнева бошня не бывало и не слышали, кто тем путем морским ни бывал, в таком заносе». «И как мы, Тимошка с служилыми и торговыми и промышленными людьми пошли с кочей к земле», повествует Буддаков, «а в те поры на море льды ходят и достальные кочи ломает и запасы (выгруженные из кочей) теми льдами разносит, и мы на вартах и на веревках друг друга перволачивали и с льдины на льдину перецниживали и, идучи по льду, корм и одежду дорогою метал, а лодок от кочей с собою не вняли, потому что морем, идучи, одыжиали, волючь не в ночь, на волю божию пустились и от кочей шли по льду до земли девять дней; а, вышед на землю, поделали нартшка и лыжника», и, наконец, «голодны и голодны, наги и босы», достигли Уяндинского зимовья.

Помимо опасностей плаванья, полярные мореходы много страдали от недостатка свежей воды и продовольствия, и среди них очень часто свирепствовала цынта «от морского духу и дальнего нужного пути».

Несмотря на все эти препятствия, морским путем продолжали ходить торговые и промышленные люди, отбывая на кочах берег и заходя «для торгу» в устья северных рек. В 1636 году, например, в Ледовитый океан Леною выехало 40 человек торговых и промышленных и 10 служилых людей. В 1651 году в устье Лены съехалося 8 кочей, в дальнейшем пути они встретили 4 коча близ устья Яны, и дальше за Хромой один коч, затертый льдами. В 1667 году на Индигирку прибыли государев коч с 5 служилыми и 35 промышленными людьми, и через некоторое время 2 коча торговых людей. Таким образом, движение по «ледяному морю» в XVII в. предстает нам довольно оживленным⁵).

Общий торговый подъем, который переживало Московское государство в результате ликвидации смуты и признаков которого определенно обрисовываются в 40-х годах XVII столетия, выразился в энергичных поисках морского пути на восток в целях, главным образом, эксплоатации морских промыслов, и в попытках обогнуть северо-восточную оконечность Азии, «необходимый камень», который «в море прошел далеко... стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропущают» и который мы теперь называем Чукотским мысом. Летом от реки Колымы до этого камня бегали кочами на парусах «одним летом,

⁵ Д. А. И. II № 86, III № 79, V № 65. Т и т о в, Сибирь в XVII в., стр. 33, 33.

а как льды не спрουνустят, и в то время ходят года по два, и по три, и больше». В 1645—6 году партия казаков во главе с Иваном Ерастовым представила в Якутске проект—из Ленского устья «стнуть морем в правую сторону, под восток, за Яну и за Собачью и за Алазейку, за Ковыму река—на новую Погычу реку», т.-е. на реку Покач, впадающую в Берингово море к западу от мыса Олюторского¹⁾. Проект этот, кажется, не осуществился, но в 1646 году мезенец Исая Игнатьев обследовал Чаунскую губу, завлазал торговые сношение с обитавшими по ее берегам чукчами и привез богатую добычу моржового зуба. В следующие годы имел место ряд по существу неудачных экспедиций из устья Колымы, имевших целью, обогнуть «не-обходимый» каменный нос. В 1647 г. экспедиция на 4-х кочах, снаряженная компанией торговых людей во главе с коломоторцем Федотом Алексеевым, потерпела неудачу и вернулась обратно в Колыму. В 1648 г. попытка была повторена в большем масштабе, но из шести судов, входивших в состав экспедиции, один был разбит близ мыса Дежнева, остальные разнесло по морю, Федот Алексеев пропал без вести, а только коч, на котором ехал известный Семен Дежнев, был бурей отнесен далеко на юг, «пропел Анадырское устье». Так же неудачна была в 1649 году экспедиция служилого человека Мих. Стадухина из Колымы на реку Погычу, устье которой он рассчитывал достичь «нарнымся походом» в трое суток. В итоге была признана практическая невозможность объехать «каменный нос», который так и остался «не-обходимым»: «водного пути нет, потому что хребет перетянулся в море». Однако, некоторые результаты обследование пути на северо-восток дали, разрешение, по выражению Кривячиным, «сомнение: седишево ли Ледовитое море с Восточным, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию и Никанью и, наконец, царство Китайское; или же моря эти, то-есть Ледовитое море и Восточное или Китайское отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на восток?»²⁾.

Тому же подъему торговой предприимчивости в 40-х годах XVII века мы обязаны открытием выхода к Восточному океану.

Эру в истории не только завоевания Сибири, но и мировых географических открытий— составляет пропикновенье в XVII в. русских на реку Амур, которую Спафарий считает четвертой из «больших и славных» рек Сибирского государства: «первая Обь.

¹⁾ О тождестве реки Погычи с рекою Поначем см. у Л. С. Берга, Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука (из зап. по Гидрограф. т. II (XLIII), вкл. 2, 1920 г.) Миллер ошибочно считал Погычу за другое название Анадыря (Ежем. Соч., 1758 г., лпварь, стр. 15). Его ошибку повторяет позднейшие исследователи, например, Огородников (Из истории покорения Сибири. Повторение Южнотерской земли. Чита, 1922, стр. 77).

²⁾ Д. А. И. IV № 7 (1). О глобильн, Семен Дежнев. Миллер, Описание морских путешествий... (Ежемес. соч. 1758 г., лпварь). Титов, Сибирь в XVII в., стр. 110, 158—159 (214). Берг, назв. соч.

дугаря Енисей, третья и после тех двух течет Лена, а четвертая и последняя есть река Амур»³⁾.

Сведения о реке Амуре стали приходить с самого начала 40-х годов. Едва русские утвердились на Лене, как уже отдельные служилые люди из Якутска начинают производить поиски новых земель и выходят на пути, ведущие на Амур. Уже первый якутский воевода, стольник Петр Головин, заинтересованный открытиями Максима Перфириева и других служилых людей, поручил в 1643 г. письменному голове В. Д. Пояркову найти дорогу с Лены на Шилку⁴⁾. В течение ближайших десяти лет дорога не только была найдена, но русские искатели приключений успели даже утвердиться в одном из туземных городков на Амуре. И тут, как при захвате пути в Сибири Строгановыми, за дело принялись частные предприниматели. Поход Хабарова, снаряженный за его личный счет, на средства, взятые частным же образом взаимнн у якутского воеводы Д. А. Францбекова, предследовал в первую очередь не столько интересам государства дела сколько «пачинток» самого предпринимателя. Тем не менее этот разбойничий набег, распространивший ужас среди мирного населения Даурской земли, широко открыл русским дорогу в этот претущий край: Воевода И. П. Акинфьев, на долю которого выпала ликвидация многих осложнений, вызванных походом Хабарова, в 1652 г. поручил десятнику Никите Проконьеву описать пути с Лены на Амур, «чтоб подлинно про все было ведомо» и распорядился «то все... писать на росписи, а даурским городкам и рекам... чертеж на бумаге начертить подлинно, справчиво»⁵⁾.

Несколько позднее пробрался на верховья Амура енисейские служилые люди, обосновавшиеся на берегах Байкальского озера. Путь с Селегин на Шилку был обследован Петром Бекетовым, по поручению воеводы А. Ф. Пашкова, в 1652—1653 г.г. Таким образом, выяснена была возможность пройти на Амур и с Енисей.

Дорогой на Амур, «в Дауры» в Москве заинтересовались в 70-х годах в связи с вопросом о сношениях с Китаем, так как наиболее удобным путем туда представлялся путь именно «через Дауры». При снаряжении посольства Спафария, в Посольском приказе были собраны все доступные материалы о маршрутах в Китай, в частности и о Даурском⁶⁾. Самому Спафарию было поручено «проводить всякими мерами накрепко» дороги в Китай и представить им чертеж. По прибытии в Тобольск, Спафарий расспрашивал местных жителей, «русских людей и бухарцев и татар», и на основании их показаний остановился на пути через

¹⁾ Путешествие Спафария, стр. 132.

²⁾ Д. А. И. П № 96. Чт. О-на Ист. и Древн. 1861. I.

³⁾ Д. А. И. III № 99.

⁴⁾ Он начертаннми Арсеневыми в Приложении к Путешествию Спафария.

Енисейск на Селенгу и Амур¹⁾. Веденный им статейный список пути от Тобольска до Китайского государства явился ценнейшим описанием пройденной им дороги. Таким образом, в Посольском приказе постепенно накопились обширные данные по сибирским путям. В 80-х годах их имел случай видеть, пользовавшийся благоволением всемогущего кн. В. В. Голицына, французский неаунт Ф. Аврля, который в 1693 году напечатал русские маршруты в Китай и ознакомил тем самым ученых круги Европы с открытиями русских в Восточной Азии²⁾.

При-ленские туземцы издавна знали разнообразие «волоки», посредством которых на оленях можно было переходить с верховьев различных рек Ленского бассейна на реки, принадлежащие к системе Амура. От них сведения об этих волоках получили и русские служилые люди³⁾.

В деле завоевания Даурской земли главную роль сыграл так называемый Туггирский волок. Путем через Туггирский волок совершил свой поход в Дауры Ярофей Хабаров, и это придало данному пути особенное значение, так как первое время им велась все сношения с Албанином.

Путь этот шел по притоку Лены Олекме. Подобно В. Тунгуске, плавание по Олекме было затруднено обилием порогов и шивер больших многих. Пробиваясь сквозь «камень», Олекма образует десять порогов; впрочем, эти пороги были доступны «своими и большими судам». За камнем порогов нет, ход судовый добрый». Из Олекмы выходили в ее приток Туггир, по которому уже ехали без затруднений до реки Ньюнз (Нюнгч) или Ньюнз (Нюнгчи). От Ньюнз начинался волок, через хребет ити на вартах до Амура 12 дней (по другим сведениям «с ношами пешего ходу» 8 дней). Волок приводил к устью р. Урки, или Уры, впадающей в Амур, где делали суда и спускались в самый Амур⁴⁾. Другой вариант того-же волока вел на р. Амазар, впадающую в Амур несколько выше Урки. Это была маловодная река, с порогами и шиверами, на которых приходилось разгружать суда и «обносить» груз по берегу⁵⁾. Продолжительность пути от устья Олекмы через Туггирский волок до Амура считалась в 11 недель 5 дней, по одним

известиям, и в 8 недель 2 дня и даже в 6 недель 2 дня по другим⁶⁾.

После похода Я. Хабарова путь Олекмою и Туггиром сделался большой дорогой для искателей приключений и промысловиков, стремившихся за легкой добычей в Дауры, и якутская администрация в 1666 г. была вынуждена устроить на устье Олекмы заставу, «для погубы в Дауры служилых и промысловых и всяких людей и наменных крестьян»⁷⁾.

Крупное значение Туггирского волока вызвало борьбу за обладание им между двумя соперничавшими на Амуре народами: русскими и китайцами. Русские в целях овладения волоком основали на нем в 1653 г. Туггирский острожек, служивший складочным местом и становищем по пути на Амур. Впрочем, он просуществовал недолго. Разгром казаков китайцами в 1659 г. и основание Нерчинска, которому предстояло сделаться центром русского владычества в Даурах, способствовали заустынению Туггирского острожка уже в первой половине 60-х годов. Около 1670 г. китайцы, с своей стороны, пытались поставить городок под Туггирским волоком, чтобы оттуда «перейти на Олекму и тою рекою ити под... великого государя городы» собирать ясак с покоренных русских инородцев⁸⁾.

На-ряду с путем по Олекме и Туггиру в первое время русские пользовались для сношений с Амуром также другим притоком Лены, Алданом, и некоторые считали этот путь «ближе и кормее и лучше Олекмы реки, и порогов нет». Он был открыт в 1643 году письменным головою Вас. Полярковым и шел по Алдану, далее по Учурю до устья Гонома и вверх по Гоному. Последняя река была «порожиата», и по ней «трудом с судном на порог подымались». Из Гонома входили в р. Ньюмку, от которой начинался волок «через Зийские хребты». Волок приводил на р. Брянду, впадающую в Зею (Зию), приток Амура. От устья Алдана до Амура Вас. Полярков шел 12 недель и 3 дня⁹⁾. Позднее наметился и другой вариант этого пути: с Алдана не по Учурю, а по другому его притоку Тонтоуре, и из Тонтоуры в Катум; затем шел волок, который в 5 дней приводил на Зею. Всего от устья Алдана считалось 10 недель 5 дней пути¹⁰⁾.

Путь через Зийские хребты, как и Туггирским волоком, вызвал соперничество между русскими и китайцами. Попытка Степана Онуфриева поставить на Зее острожек вызвало противодействие со стороны китайцев, и в 1675 году Николай Спафарий во время переговоров с китайскими дипломатами в Науве был

¹⁾ Путешествие Спафария, стр. 152—153, 165—168.

²⁾ P. A. Avril, Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, 1693, стр. 142—145.

³⁾ Д. А. Н. II № 96, III № 26; ср. Чт. О-за Нст. и Др. Р. 1861, I. Первым следовало известие русским через тунгусов путь по притоку р. Ватима-Цамара, впоследствии, однако, не имевший крупного значения.

⁴⁾ Путешествие Спафария, стр. 133, 164. Д. А. И. III №№ 26, 99, 103, VI № 136 (II). Титов, Сибирь в XVII в., стр. 33. Д. А. И. III № 26, № 99, № 50 IV № 66.

⁵⁾ Д. А. И. III № 73, IV № 40.

⁶⁾ Д. А. И. VI № 136 (II). Путеш. Спафария, стр. 164. Первое известие правдоподобное, ср. Д. А. И. III № 26.

⁷⁾ Д. А. И. IV № 33, VI № 103, VIII № 21.

⁸⁾ Д. А. И. VI № 23.

⁹⁾ Д. А. И. III №№ 12 и 26, VII № 74 (XXIV) Чт. О-за Нст. и Др. Рос. 1861, I.

¹⁰⁾ Путеш. Спафария, стр. 165.

вынужден «поступиться» ясачными тунгусами, жившими на Зее реке, но уже в 1677 г. русские основали острожек на верховьях Зеи и через два года еще два острожка Селибинский и Долонский, чтобы держать в своих руках, всю Зею. Острожки эти, особенно Долонский, представляли серьезную опасность торговым интересам китайцев, имевшим на Зею «торговнище» для торговли с туземцами. Китайское правительство в 1682 году предостерегло ультиматум русским властям с требованием их уничтожения; в результате нерчинский воевода Войсков распределен эвакуировать Долонский острожек. Эта уступка не удовлетворила китайцев, и в 1683 году на Амуре появился сильный китайский флот, под прикрытием которого близ устья Зеи была заложена крепость Айгун (Сахалин-Ула-Хотон), после чего русские острожки на Зее были разорены китайскими войсками.

С отказом московского правительства от Амура, по Нерчинскому договору в 1689 году, закончилась почти сорокалетняя борьба с китайцами за пути с Лены на Амур. Зато сохраняет свое значение третий путь, путь с Енисея — на р. Нерчу, впадающую в Шилку, приток Амура.

С Енисея путь на Амур вел вверх по Верхней Тунгуске мимо устья Илhma. По мере того, как берега делались все более гористыми, течение Тунгуски прерывалось грядками камней и скал, образованных почти неопределимые пороги. На каждом из этих порогов приходилось разгружать суда и «обносить» гору «по берегу горами», «для легкости и сердитого порогу и для того, что на том пороге дощаники разбивает много», а суда тянуть «великими завами русских людей и тунгусов человек с 60». Самыми грозными, «нужными», были пороги Шеманский и Падуи. Спафарий так описывает Шеманский порог: «река простирается поперек версты на 3, а обносить порог 4 версты... А порог на полшести версты, и на том пороге по всей реке лежат камни самые великие и место быстрое; и об те камни воду бьет, и от того волны, будто горы. И на обнос берегах утес каменной зело высокий... И Шеманский порог зимю не мерзнет». За Шеманским порогом следовал Долгий, и за ним Падуи. Последний считался особенно опасным: «река от том месте широко с версту, три залавка чрез всю реку зело крутыя, говорит протопоп Аввакум, «не ворота, што подводит, яно в щелье изломает». «И нужнее сего порога Падуи и Шеманского по всей реке Тунгуске нет», восклицает Спафарий, «... а называют порог Падуиою для того, что дощаники разбивает многие». Далее идут пороги Пьяный и Похмельный¹⁾.

У Вратцкого острога В. Тунгуска раздваивалась, принимая слева р. Оку; отсюда верхнее течение носило в XVII в. название Ангара, в настоящее время присваиваемое обычно всей В. Тунгуске. Путь шел далее вверх по Ангаре мимо острогов Балаганского и Иркутского к Байкалу, из которого она вытекает. «По обе стороны устья реки Ангара горы великие каменные, высокие и лесные, описывает Спафарий выход Ангара из Байкала, «а устье Ангара будет ширина больше версты, а из Байкала течет великою быстротою река Ангара, и из тех высочайших гор видеть горы за Байкалом свежие и пресмыские»²⁾.

Байкал пережидали в наиболее узком месте, от устья Ангара к устью Селенги, «не больше о том месте широко»; судами переходят парусами, перебегают и в заливе становятся от ветров в застою». По словам Ремезова, «погодом перебегают днем в Селенгу»; Спафарий утверждает, что нигде «меньши суток не перебегают». Зимой пережидали на санях, по Ремезову тоже в один день.

Другим направлением, в каком совершался переход через Байкал, было направление на Варгузинский острог: «перенимаются через море на остров Олхон, и подле острова ходят динше, а от острова Олхону до Святого Носу, где перенимаются, пущина великая, насили в 1 $\frac{1}{2}$ динше могут перениматься, и для того в тех местах многие суды разбивают». Пережидавшие в этом направлении Байкал выходили в Варгузинский Култук, откуда через «камень» считалось $\frac{1}{2}$ дня ходу до Варгузинского острога. Несмотря на то, что этим путем «с великим страхом проезжают», он долгое время служил официальной дорогой, которой ходили «дощаники с запасом из Енисейска (для даурских гарнизонов) и торговые люди через море... для торгу». Такое направление объясняется, повидимому, главным образом, положением Варгузинского острога, являвшимся административным центром Забайкалья³⁾.

Перевал через бурное Байкальское озеро считался чрезвычайно опасным. Окруженный, «что в чаше», каменными горами, «будто стенами», Байкал казался русским путешественникам негостеприимным и страшным. «Пристанца нет, только все утес да камень, и, одним словом реши, страшно пашпаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде крутом обстоят горы пресмыские свежие и лесы непроходимые и утесы каменные», писал Спафарий. «Егда к берегу пристали», вспоминает протопоп Аввакум, «восстала буря ветреная, и на берег пасилу место обрели от волн. Около его горы высокие, утесы каменные и зело высоки, 20.000 верст волочилса, а не видал нигде. Наверху их золотки и повалушки, врата и столпы каменные и двory, — все богодельные». От окрестных ишорд-

¹⁾ Айгун впоследствии перенесен был китайцами на левый берег Амура. А. М. И. Д. Китайские дела, изд. № 8. Сиб. вест. стр. № 53, т. 15 (из на Шеманский порог поднимались и подымаются не могли). Путеш. Спафария, стр. 101—107. Relation du Voyage de Mr. E. Lebrand, стр. 177—178. Нам. Сиб. вест. XVIII в., II № 82. Путь по В. Тунгуске и проезд через пороги описан прот. А. Аввакумом (Житие, изд. Арх. Ком., стр. 21—22, 24).

²⁾ Путеш. Спафария, стр. 108—117.

³⁾ Сиб. вест. № 208, л. 340. Чертежная книга Ремезова, т. 16. А. М. И. Д. Кит. дела, изд. № 8. Нам. Сиб. вест. XVIII в., II № 82. Путеш. Спафария, стр. 122.

цев русские переяли суверенный страх перед «святым морем», которое они считали опасным обдѣть названіем «озера»; при переезде через него они воздерживались от вина и табака¹⁾.

С южного берега Байкала открывалось несколько дорог на Шилку. Из Баргузинского острога ходили «сухим путем верблюдами и конями, чрез прѣсные горы, камни и лѣсы и болота, с великою трудностью... такого нужного пути нет». Зимой на горах лежал снег «в печатую саженъ, а в иных мѣстах и болши саженъ», и через тот снег приходилось просекать дорогу топорами. При благоприятных условиях до Нерчинского острога шли недели две и больше²⁾.

«Трудность этого «нужного» пути заставляла искать новых дорог. В начале 50-х годов XVII в., по порученію воеводы А. Ф. Пашкова, енисейские служилые люди обследовали путь через Иргенский волок. Путь этот шел вверх по Селенге, затем по притоку ее Хилку до озер Иргеня и Еракля, затем «озерами и волоками» в р. Ингоду, которая, соединяясь с р. Нерчею, образует р. Шилку. Волок между верховьями Хилка и Ингоды определяется одинаково всеми источниками в один день пути. Иргенский путь красноречиво описал протопоп Авакум: «ио-том доехали до Иргеня—озера; волок тут,—стали зимою волочатъся... весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ... Стало нечего есть, люди учали с голоду мереть и от работныхъ бродили. Река мелкая, плоты тяжелые... Ох времени тому». Иргенский путь был закреплѣн в 1653 году ностройкой и начала волока Иргенского острога, но пользовались им недолго, и в семидесятих годах он был почти совершенно заброшен³⁾.

Третий путь с Байкала, который в последнюю четверть XVII столѣтія сделался общепользуемым, шел с Селенги «сухим путем» по берегу ее притока р. Уды, затем направлялся к трем Еравинским озерам, «и будут те озера кругом верст в 20 и больше, и рыбы в них шуки и иные всякие есть, а называют их Еравинскими, одно болшим, а другое средним, третье меньшим». Далее шли мимо оз. Теленбы на речку Читгу и на Ингоду, в которую она впадает и выходили на Шилку⁴⁾. Это был тот путь, которым ехал в 1675 г. Спафарій, а после него Избранд и Ланге. Он сделался официальной дорогой в Китай, которой долгое время велись все дипломатические и торговые сношенія с этой

¹⁾ Путешествіе Спафарія, стр. 117—123. В г а n d, Relation, стр. 76. L. a n g e, Journal du Voyage à la Chine en Recueil de Voyages au Nord., т. V, стр. 391. Житіе Авакума, стр. 41—42. Д. А. Н. VII № 67 (V).

²⁾ Путешествіе Спафарія, 122. Саб. Прок. ст. № 308, л. 340.

³⁾ Д. А. Н. III № 93 и 112, IV № 21. Путешествіе Спафарія, стр. 126—127. Т. Г о в. Сибирь в XVII в., стр. 31, 47, 106. Черток Ремезова, л. 20. Житіе Авакума, стр. 36. Ф и ш е р, Сибирская исторія, изд. 1774 г., стр. 566.

⁴⁾ Путешествіе Спафарія, стр. 136—140. В г a n d, Relation, стр. 78. С e d e z, L a n g e, Journal du Voyage à la Chine. Ср. описаніе озера Еравин—Саб. Прок. ст. № 308, л. 341.

страной. Ряд укрепленных пунктов возник на всем протяжении ее от Селенги до Шилки. В 1658 г. у впаденія Нерчи в Шилку был поставлен Нерчинский острог. Ко времени проезда Спафарія на озерах Теленбе и Еравин стояли Теленбинский и Еравинский остроги; последнему он предвѣщал большую будущность: «и во время свое будет тот острог великій, потому что мѣсто, где можно жить многимъ людям». Сам Спафарій обратил вниманіе на необходимость построить острог на р. Уде: «и подле реки Уды», писал он, «можно и острог ставить и суды делать и мѣста лебородного сыскать мочно¹⁾». Возникшій вскоре после того Удинский острог сделался, по выраженію Избранда, «ключом Даурина²⁾».

Продолжительность пути от Енисейска до Нерчинска указанной дорогой зависела от времени года и от направленія. Ехавшие частью зимним путем, Спафарій и Избранд употребили на него приблизительно одинаковое время, одни 20 недель, другой 21 неделю. Возвращаясь летом, Избранд воспользовался теченіем реки Ангары и совершил поездку много быстрее, менее чем в 12 недель.

Кроме реки Амуга, выходом с Лены в Тихій океан служили русским в XVII в. реки, впадающіе в Охотское море: Удь, Улья и Охота.

Все пути на побережье Охотского моря шли по притоку Лены — Алдану и его притоку Мае, на которой в средине XVII в. образовалось Майское зимовье. Отсюда можно было «сееним путем» проехать «на легке» на оледах в 4 недели до р. Уды к морю. Всего на проезд с устья Алдана до моря требовалось 3 мѣсяца³⁾.

Другой путь шел вверх по р. Мае до Волочанки; здесь начинался Ульскій волок, который проходили «грузными партами» по однимъ свѣдѣніям в 8 дней, по другимъ в две недели и достигали р. Сикши, впадающей в Улью, и Ульею спускались в Охотское море. Плаваніе по Улье было сопряжено с некоторыми опасностями: «река весьма быстра, и убойныхъ мест по ней много», и служилые люди неоднократно терпѣли на ней аварии: в 1651 году судно Семена Ешишева «бросило на камень... среди Ульи реки», «только чуть живыхъ богъ вынес; несколько ранее Семейку Шелковника разбило у Большого Война камня. По точному подсчету от Майского зимовья до моря можно было пройти в 7 недель 6 дней⁴⁾».

Наиболее употребительнымъ путем во второй половине столѣтія был, однако, путь, ведшій с Ман на Охоту. Путь этот шел вверх по Мае до устья реки Юдома, далее вверх по Юдоме до устья Горбицы; здесь начинался волок (Юдомский крест), ведшій

¹⁾ Путешествіе Спафарія, стр. 136.

²⁾ Recueil de voyages au Nord, VIII, стр. 73.

³⁾ Д. А. Н. VI № 136 (II).

⁴⁾ Д. А. Н. III № 12 и 92.

на реку Блудную, приток реки Урака, или непосредственно на Урак. С Урака было тоже два пути—либо волоком на Охоту, либо вниз по Ураку до моря, откуда до устья Охоты было, по подсчету Гмелина, всего 10—15 верст¹⁾. Длительность пути и трудность перевала через Юдомский крест заставляли часто предпочитать более короткий, хотя не менее тяжелый, сухопутный путь из Якутска через Амгу (Ангинская переправа) в Алдан (Бельская переправа) на Юдомский крест и далее на Урак. Начиная с Бельской переправы, начинались, по выражению Гмелина, «поразительные горы, через которые проехать невозможно на телегах, приходится поклажу перевозить на вьючных лошадях и оленях». «Вообще об сей дороге объявить можно, что она... столь беспокойна, что труднее проезжей дороги представить нельзя», пишет Крашенинников, «ибо она лежит или по берегам рек, или по горам лесным; берега обломками камней или круглым серовником так усыпаны, что тамошним лошадям довольно надвинуться нельзя, как они с камня на камень летят». Несмотря на все эти трудности, сравнительная быстрота сухопутного пути (немногом более месяца от Якутска) сделала его общепотребительным к началу XVIII века. По подсчету, сделанному в 1724 году, общее протяжение его до Якутска равнялось 800 новым пятисотсаженным верстам (слишком²⁾).

С основанием в 1649 году на устье Охоты Косого, впоследствии Охотского острожка, сделавшегося административным центром Охотского «поморья», путь через Юдомский крест приобрел преобладающее значение.

Таковы важнейшие пути, открывшие русским доступ в восточную Сибирь. Легко усмотреть, что условия передвижения по этим путям мало отличались от тех, которыми задолго до открытия Сибири русскими их предки — славяне — расселились по Восточно-Европейской равнине: способы проталкивания лодок по узким и мелководным речонкам и режмам, переволакивания судов и грузов через сухие волоки, прохождения «вужных» порогов и шивер оставались те же, какие применялись еще в X веке и раньше. Вместе с тем, изучение этих путей и условий плавания по сибирским морям и рекам дает конкретное представление о тех реальных трудностях, с которыми сталкивался русский человек в своем стихийном движении на восток, и о той затрате энергии и силы, которой потребовало от него преодоление диких пространств северной Азии.

¹⁾ Д. А. И. IV № 81, VI № 136 (II). Нам. Сиб. истр. XVIII в. П. И. Н. № 20, 115. Gmelin, Reise, II, стр. 540—541 (Юдома здесь названа притоком р. Белой, впадающей в Алдан) U' Goldera, Bering's, Voyages, I (в American Geogr. Society Research Series № 1) N. Y., 1922, к стр. 13 приложен снимок с карты Юдомского волока 1725 г.

²⁾ Нам. Сиб. истр. XVIII в. № № 60 и 115. Gmelin, Reise, II, стр. 540—542 Крашенинников, Описание земли Камчатки, II, 1765 г., стр. 271—290

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

РУССКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЗА УРАЛ.

РУССКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЗА УРАЛ ¹⁾.

- I. Русское продвижение до конца XVI века.
- II. Открытие и завоевание Сибири в XVII веке.
- III. Дальнейший ход открытий и завоеваний до середины XIX века.

Русское продвижение на восток, через «Камень», в Северную Азию, завершившееся захватом всего пространства земли от Урала до Тихого океана, является продолжением того длительного процесса освоения русским племенем путем колонизации великой Восточно-Европейской равнины, значение которого в русской истории так блестяще выяснил В. О. Ключевский. Характер этого продвижения, методы и цели завоеваний, отношения, в которые колонисты становились к туземцам,—повторили, вероятно, и в XVII веке и даже позже приемы славянской колонизации финского Поволжья, и изучение колонизационных явлений за Уралом раскрывает конкретно процессы, происходившие за много веков раньше на территории собственно русской.

Стремление русских за Урал определилось очень рано. Новгород, нуждаясь в пушнине для торговли с Готским «заморьем», с такой же быстротой, с какой впоследствии Москва овладела северной полосой Азии, распространил свою хищническую

¹⁾ В основу настоящего очерка положена первая глава моего «Исторического очерка заселения Сибири до половины XIX века», напечатанного в 1922 г. во II выпуске издания Комитета Севера при Русс. Геогр. Об-ве и Северной Колонизаци. Комиссии: «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири». Глава это послужила материалом для I и III глав и I раздела IV главы «Очерков истории Сибири» В. П. Огородникова (Владивосток, 1924 г.), повторившего многое из сказанного в ней и, таким образом, знакомявшего широкие научные круги с некоторыми из выводов. В настоящее время глава эта дополнена очерком русского продвижения за Урал до конца XVI в., служащим введением к изображаемой в ней схеме завоевания Сибири.

История открытия и завоевания Сибири еще в XVIII веке превосходно была разработана Миллером, труды которого до сих пор являются основным источником при изучении этого вопроса. Поднейшая литература лишь дополняла и отчасти исправляла в деталях составленную им историческую схему. За работ XIX века в этом отношении заслуживают особенного внимания монографии В. П. Буциевского и Н. П. Оглобина, которые внесли много ценных новых данных. Недавно американский ученый Ф. Гольдер дал превосходный очерк русской «экспансии» в Сибири до половины XVIII в. (F. A. Golder, Russian expansion on the Pacific 1641—1850 (д. б. 1750) Cleveland, 1914).

деятельность на промысловые угодья всего обширного Заволочья и уже в XI веке сделался хозяином Печорского пути, открывавшего ему дорогу «в полунощные страны» «за Югру и за Самояды». К самому началу XII века надо, повидимому, отнести преодоление трудностей этого пути, казавшегося «непроходимым пропастями, снегом и лесом»¹⁾.

Русская колонизация Заволочья долгое время ограничивалась бассейном Двины²⁾. Оба склона северного Урала — Печора и Югра — имели для Новгорода значение исключительно своими промысловыми богатствами — «собольими и горностальми и черными кунями и песци и белыми волсы и рыбами зубы»³⁾, спрос на которые предъявляли уже тогда рынки южной Руси и немецкой Прибалтики. За пушницей или сюда новгородцы «на долоу шли на добыток» — «угодовати» звериные угодья, «лесовати» берку и соболя, собирать дань мехами с туземцев или выменивать у них «скору» на железные наделки.

Новгородское движение на восток не было лишено известной организованности. Участие в промыслах требовало средств, которых не могло быть у рядовых промышленников, и этим объясняется преобладающая роль в эксплуатации колоний новгородских капиталистов, осуждавших охотников необходимыми средствами, или производившие торги и промыслы за свой счет и в свою пользу.

В середине XIV в. кунцы, сдвинувшие для торговли в Югру, образовывали особую корпорацию «Югоричину», патрональной святыней которой являлся выстроенный в 1365 году каменная церковь Троицы на Редятине улице.

Наряду с торговцами, приобретавшими пушницу в обмен на русские товары, энергичную деятельность развили в Заволочье новгородские бояре, посылавшие на Печору и в Югру своих «отроков», завязывавшие тесные и дружественные отношения с «югорскими» князьями и с успехом конкурировавшие с самим «господином Великим Новгородом». Они организовывали ватаги ушкуйников, «скопив с собою холопов боев», и самостоятельно, без санкции новгородских властей, бросая их на грабеж и промысел. На почве таких военно-промышленных экспедиций возникали среди земель, населенных инородцами, укрепленные «твердые»

городки, вроде Орледа на Двине, и создавались те обширные лагуниды новгородских бояр в Заволочье, на границах русской колонизации, которые затем служили исходными пунктами для дальнейших захватов и завоеваний⁴⁾.

В числе предпринимателей, участвовавших в эксплуатации восточных владений Новгорода, на первом плане стоит князь, выступавший в экономической области соперником местной новгородской знати. Князь последовательно стремился монополизировать в своих руках наиболее доходные промыслы, нарушая тем права и интересы господина Великого Новгорода, завладела охотничьими угодьями в окрестностях города, пользовалась исключительным правом «свиньи бити... за 60 верст около города», пытался даже отнять Волхов «стоголиными ловца» и подгородное поле «зачаичными ловца». Но, не довольствуясь этим, он противопоставил свою властную руку на далекое Заволочье и выговаривал себе монопольное право посылки промысловых ватаг на Терский берег, а Андрей Боголюбский пытался захватить в свои руки и всю дань с Заволочья. Это наступление чужеродного человека — князя — на новгородские промысловые угодья не могло, однако, не встретить энергичного отпора со стороны местных новгородских капиталистов. Вопрос о княжеских промыслах разрешался дипломатическим путем, а иногда приводил к резким столкновениям, даже к смене князя. Новгородцы решительно обороняли свое Заволочье от посягательства князя на его природные богатства и добились значительного ограничения его прав в этом направлении, фактически закрыв дорогу «за волю» его агентам.

Хозяевами на приуральских промыслах остались, таким образом, новгородские кунцы и бояре.

Аналогичный процесс наблюдается на окраинах владений московского великого князя. И здесь спереди «в ваганские люди»

¹⁾ Из известного рассказа с Гуртовой Роговичем, внесенного в летописный свод не позже начала XII века, видно, что новгородцы ходили уже тогда на Печору, по пути дальше до Уральских гор и сами Уральские горы были известны им лишь по рассказам (Иван Летопись по Лаврент. списку, изд. Арх. Ком., стр. 227; с другой стороны, автор записки 1116 года в Никитинской летописи, бывший в Ладге при посаднике Павле, т.-е. именно в указанном году, говорит о «суждях», ходивших «за Югру и за Самояды». (П. С. С. II, 2-е изд., стр. 277).

²⁾ Новгородцы основали в конце XV века новоникитинский ратный лагерь; сведения на Ижме и Цивилье появились только в середине XVI в.

³⁾ П. Собр. лет., II, 2-е изд., стр. 604.

⁴⁾ О характере новгородской колонизации см. у С. Ф. Платонова: «Приморье Русского Севера», стр. 81—82. История Орледа чрезвычайно любопытна: в 1342 году богатый новгородский боярин Лука Варфоломеев «по послуша» Новгородца и «встранивша благословения», «скопив с собою холопов боев», ушел за волюю на Двину и основал городок Орледа. Это был городок «стивиди и толкати», который новгородцы в 1389 г. едва взяли после четырехмесячных усилий при помощи «орконов». Оттуда Лука начал распространять свои владения, взял «свою семью Заволочью на Двине, все почасти на шить, а сын его Андриш отходил на Волгу». Во время этих войн Лука Варфоломеев погиб. Подлеже в Орледе утвердились другие вассалы прикормивший Андрей Никитин и братья-юны, для которых он тоже служил базой для распространения их владений на восток. В 1360 г. Андрей ходил ратью на Каму и взял город Жукович, принадлежавший ижмезитским мурзам, воеводам Золотой Орды. Основал обширную вотчину, Никитини отделили под покровительство Москвы и вместе с московскими воеводами разорили новгородские владения на Двине. В 1389 году новгородцы, после длительной осады, взяли Орледа и городок разоренные; сами Никитини в окопах были отведены в Новгород, где один из них, Павел, был казнен (Новог. летопись в Синод. списку, стр. 342—343, 354—355, 361—362; Летописец Архангелогородский, стр. 68, 99, 109).

еже зовут Югра и Печера, идеже живут Чудь и Самояды или торговые люди и промышленники¹⁾. От Устюга шел «путь удобо-саден» на Вычегду в Пермскую землю, и город этот естествен-но сделался очень рано исходным пунктом торговых сношений с вычегдскими зырянками и промышленными экспедиций в пермские леса. Во второй половине XIV века на устье Выми образуется вотчина пермских владык, под патронат которых попадают сперва туземные вымские князья, а потом и зауральские ослки. Позже, после завоевания Казани, «охочие люди» начинают ходить за Урал Камюю, и одновременно на верховьях Камы раскидываются владения Строгановых, имеющие тенденцию расширяться за Камень в долину Тобола; походы Строгановских «наемных казаков» открыли русским доступ на берега Иртыша.

Таким образом, русское продвижение за Урал, в ранние времена, поскольку оно может быть определено по скудным сообщениям источников, происходило двумя способами. Впереди, год за годом ходившие на промысла кунцы и охотники проторивали дорогу, постепенно обрабатывая промышленными слободами и зимовьями. Вслед за ними шел крупный предприниматель, обосновываясь во вновь открытых землях и, пользуясь, как базой, основанным им в пограничной области городком, продолжал захват населенной инородцами территории.

Государство выступило с завоевательными целями значительно позже. И Новгородская республика, и Московское государство в своем стремлении к распространению границ на восток, действовали очень осторожно, предпочитая использовать результаты деятельности частных лиц. В этом отношении особенно показательна политика московских великих князей. В течение ряда столетий они ограничивались тем, что посылали, по соглашению с Новгородом, свои промышленные ватаги на север и поддерживали «винских бояр» в их борьбе за независимость и пермских владык в деле пропаганды христианства среди вычегдских инородцев, а позднее, правда, с значительными колебаниями, санкционировали Строгановское наступление на Сибирь.

Начавшись почти с незапамятных времен, русское продвижение на восток шло до XVI века чрезвычайно медленно. Путь на Каму был закрыт казанскими татарами, путь Печорю был слишком удален от главных центров великорусской народности; наконец, спрос на меха был еще сравнительно невелик, и с падением торговой деятельности Ганзы, совпавшим с разгромом новгородской торговли и закрытием немецкого двора, должен был еще более сократиться. Поэтому долгое время потребности рынка в мехах удовлетворяли охотничьи районы, главным обра-

¹⁾ Об торговых сношениях с «аганскими людьми» перемских торговцев говорится уже в Житии Дмитрия Придубного (XIV в.). Цитата заимствована у М. И. Смирнова, Переславль Залесский, его прошлое и настоящее, М. 1911 г., стр. 60.

зом, по свою сторону Урала — Печора и Пермь²⁾. Во времена еще Герберштейна, лучший соболь шел исключительно с Печоры, а белка из Казанской области, из Перми, Вятки, Устюга и Вологды и лишь отчасти из Сибири³⁾. В Торговой книге, основная редакция которой относится к концу 70-х годов XVI в., упоминаются в первую очередь пермские «собольки»⁴⁾; о привозе соболей на Москву из Перми говорится и в пермские Строгановых тех же 70-х годов⁵⁾.

В середине XVI века произошли, однако, в экономической жизни страны такие перемены, которые неизбежно должны были вызвать сильное повышение спроса на меха и, как результат, более энергичное наступление на восток. Изменя в виду развитие торговых сношений как с Западной Европой, так и с Востоком. Уже завоевание Смоленска в 1514 г. приоткрывало как бы дверь для торговли с Польшей и Литвой и способствовало выделению из московского купечества особого разряда «смолян». Но решающее значение имело, несомненно, открытие англичанами морского пути в Россию в 1553 году и создание русского торгового порта первоначально в Ругодине (с 1558 до 1581 гг.), а, после неудачи на Балтийском море, в Архангельском городе на Белом море (1585 г.). Одновременно завоевывание Казани и Астрахани, отдав в руки Москвы весь торговый путь по Волге, открывало доступ к рынкам средней Азии и привело к заключению торгового договора с Шемахой в 1563 году и появлению бухарского и хивинского посольств в Москве в 1567 году.

И с запада, и с востока, наряду с другими видами сырья, русскому рынку предъявлялось повышенное требование на пушнину: «а дорожно соболи, норкотои и с пушки и с ногты, по всем землям в цене», как сказано в Торговой книге. В иные годы, если верить Флетчеру, «скулки турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и некоторые иные из христианских стран» вывозили мехов на совершенно баснословные суммы⁶⁾. В Лейпциге зарождается в XVI веке оживленная ярмарка русской пушнины. Английские торговые агенты рыскают по всему северному Поморью для скулки мехов, просят на Печору и в Роговий городок на Урал и уже в начале 80-х годов XVI столетия переправляются через Урал на Обь. С своей стороны и русские кунцы, вроде Степана Твердикова, делают некоторые попытки завязать

²⁾ См. для первой четверти XVI в. сообщение Петра Пония (в Вилл. иностр. ште., стр. 90).

³⁾ Перс. Маленна, стр. 95.

⁴⁾ Сб. Мухомова, № 202. Основная редакция Торговой книги относится к годам 1575 (упоминается в тексте) — 1581 (год прекращения Ругодинского порта).

⁵⁾ Введенский, Торг. дом XVI—XVII в. (в Напечатанных соц.-экон. летописи России, под ред. Залесского и Камкина), стр. 93—94.

⁶⁾ Насирут, (Everguin's Library) II, стр. 293.

непосредственные сношения с Западной Европой¹⁾. Вся пушнина, почти целиком, поглощается иностранным спросом. В 70-х годах за Москвою «соболей продажных» добыть было почти невозможно, и за ними надо было посылать «к Вычегоде и на Вымы, и в Пермь», чтобы перехватить мяткую рухлядь, шедшую в Колмогоры. Но случилось, что даже у Соли Камской «отнюдь никаких соболей не добыти, не токмо добрых, но и худых», как писал Никита Строганов в 1614 году, «и у которых торговых людей было соболей с весны, и те все свезли к Колмогорам и замесили на немецкие товары»²⁾. Иностранным спросом определялись внутри страны цены на пушнину в зависимости от того, в какой мере были «ход» соболями «у Архангельского города в немцы и в кизилбашы... и в Литву из Вязьмы, и на Свисской ярманте», как заявляли московские торговые эксперты в 1629 году³⁾.

Открывшийся спрос на пушнину со стороны заграничных рынков всколыхнул русских промышленников и предпринимателей, толкнув их на открытие и захват новых «соболиных мест». Начавшаяся энергичное «проведывание» путей за Урал. В 1574 г. Строгановы выступают с проектом захвата дороги вглубь Сибири путем постройки на свой счет на Тоболе, Иртыше и Оби ряда укрепленных пунктов. В конце 70-х годов, по их поручению, состоявший у них на службе нидерландец Оливер Брюншель обследует путь на Обь как сухою через страну самоедов и Сибирь, так и морем, вдоль берега на восток от Печоры; под его же руководством, Строгановыми подготавливается экспедиция морем и Обью для открытия дороги в Китай. Около 1580 года имеет место снаряженный теми же Строгановыми поход «наемных казаков» под предводительством Ермака, закончившийся разгромом Сибирского царства. Несколько позднее, в царствование Федора Ивановича, москвитин гость Лука организует морскую экспедицию — «проведывати Обского устья».

В результате подобных предприятий и хождения «охочих» людей на промыслы за Урал, часть территории западной Сибири к концу XVI века была обследована и до известной степени освоена русскими.

На севере, Печорским путем, русскими промышленниками «на восточной стране, за Югорскою землей» была открыта богатая пушным зверем Мангазея, первые известия о которой у рус-

ской литературе относятся к началу XVI века⁴⁾. В 50-х годах рассказы о «Malgotzia» заинтересовались англичане, и, может быть, под их влиянием усилилась тяга поморских промышленников в эту страну; от середины XVI в. идут уже точные сведения о морских поездках поморин в Обскую губу. В 70-х годах «Мунгазея» (Mungasea) уже была хорошо известна русским⁵⁾, а во времена Флетчера, посетившего Россию в царствование Федора Ивановича, на московском рынке лучшим сортом соболей почитались, на-ряду с печорскими — мангазейские (Mongborsky)⁶⁾. В конце столетия Мангазея была фактически захвачена торговыми и промышленными людьми, ходившими туда из Поморских городов и закрепившими за собою свои мирные приобретения постройкой укрепленных факторий: на пути, «не дошед Мангазея», и в самой Мангазее они поставили остроги и городки; на месте одного из таких городков возник в 1601 году Мангазейский город; другое укрепленное зимовье, «зырянский городок», в верховьях Таза существовал еще в начале XVII в. Из этих городков торговые люди обьезжали туземцев и «дадь с них имели воровством на себя».

Из Мангазее русские проникли и в «Тингусию» (Tingoesia), о которой упоминает уже Георгий Штаден в записке, представленной в 1577—8 г. пфальцграфу Георгу Иоганну графу Фельденскому⁷⁾.

В конце столетия Енисей был несомненно достигнут, и туда ходили торговые люди с товарами и на промыслы «морем и Обью», о чем стало известно голландцам уже в середине 90-х годов.

В середине XVI века отмечается движение в Сибирь и по другому пути — Камюю и ее притокам: пермичи ездят на Тюменский волок «со своим товаром торговати» еще в первой половине столетия. С падением Казани в 1552 году, путь этот сделался совершенно свободен, и по нему устремились ватаги «охочих людей» на промыслы и торговые люди, «сташкую куплю деюще». В 1572 году черемисское восстание захватило врасплох большую партию русских купцов и «ваташников» на Каме и на Чусовой — 87 человек было перебито игородцами, другие спаслись благодаря связям с туземными князьями⁸⁾.

¹⁾ Сказание со словеческих немощных, в котором упоминается вперые «люди самоеды, законом многоземн, обычно относится к XV в.; но, в виду известия Дюкюнсона об авторе этого сказания, осторожнее было бы не настаивать на Новгородском происхождении этого памятника. Название Мангазее приурочивалось к побережью восточной части Обской губы.

²⁾ Г. Штаден в «Записках Прошлою» (изд. М. и С. Сабашниковых), вып. II, лл. 40 и 41 (автор был в Москве в 1564—1578 годах).

³⁾ Насиут II, стр. 293. Бодянский (см. перев., изд. Сувоничем, стр. 12), переводит слово: «Югорские», но это, конечно, неверно.

⁴⁾ Mittenberg aus der Livland. Geschichte, XV Bandes I Heft. 1822. Riga.

⁵⁾ Об этом в Житии Трифона (см. выше).

¹⁾ Р. И. В. XVI, № 23. Карамзин, Ист. гос. Росс., т. IX, прим. 260. Шербачев, Копеш. акты, № 144 (в VII т. О-за ист. и др. Росс. за 1915 г.).

²⁾ Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 110.

³⁾ Сиб. прил., ст. № 24. О влиянии экспорта на повышение цен на пушнину еще в первой четверти XVI в. см. любопытные соображения Павла Юсова (Библ. иностр. шест. о России, стр. 40—41).

Вслед за ватагами промышленники умирно наступали «за Югорский Камень» и Строгановы. Едва осев на Каме, они уже в 1574 году выхлопотывают себе грамоту на постройку городков на Тоболе и его притоках и на Иртыше, которые должны были служить опорными пунктами для промышленного движения — «охочим людям на опочив».

В результате Бассейн Туры или «Тухчен»¹⁾, как называли эту область в XVI веке, был еще до Ермака подчинен русскому владычице, и «Тухчен», как видно из царской грамоты 1574 г., платил ясак в Казань; одновременно и остатки, жившие «вруг Тухчей», стали склоняться к признанию власти московского государя. Штаден, бывший в Москве в 60—70-х годах, включал поэтому Tachsea (Tachzea) в состав русских владений²⁾.

С 1574 г. Строгановы приступают к планомерному завоеванию угодий «на Тухчен и на Тоболе реке», завершившемуся около 1580 г. снаряжением большой экспедиции под начальством Ермака и распространением границ их вотчин от Урала до устья Тобола, на всю территорию бывшего Сибирского царства. Завоеванная на их частные средства, новая сибирская вотчина Строгановых, и оставалась некоторое время под их непосредственным управлением на тех же основаниях, как и прочие их вотчины, умножив собою принадлежащие им земельные богатства.

В конце XVI века дело захвата земель за Уралом принимает новый оборот. В дело энергично вступает государство. И тут, как и в отношении частных предпринимателей, главной побудительной причиной являлась потребность в пушине для обмена на европейские товары. Как всегда это бывает на первых стадиях торгового развития, казна в Московском государстве являлась самой крупной участницей, временами монополией, в зарождавшейся торговле и была поэтому, не менее частных предпринимателей, заинтересована в захвате областей, поставлявших на рынок пушнину.

Не имея, однако, достаточно хорошо организованного аппарата, не обладая необходимой гибкостью и тем умением, которое вырабатывается опытом, государство продолжало действовать очень осторожно, предостерегая итти по стопам тех частных предпринимателей, конкурентов которых оно являлось.

¹⁾ Вопрос о «Тухчен» до сих пор остается невыясненным. В подлинных документах это название не сохранилось, и попытка Дмитриева отождествить Тухчи с Тухайской волостью Туринского уезда не может считаться решительной. Во всяком случае, это — не народ, а страна, которая, судя по контексту, жила в верховьях Тобола, так как в грамоте 1574 г. упоминается о Тухчех великий раз предшествует упоминанию о Тоболе. Упоминается название Тухчех только в 70-х годах XVI в. и, очевидно, впоследствии было заменено другим. Легче всего предположить, что так называлась область на Туре, за которой впоследствии установилось название Елагин юрт, название новое и возникшее только после вхождения Ермака.

²⁾ Г. Штаден, стр. 116, 117.

Первые попытки Московского государства проникнуть в страну мехов относятся ко второй половине XV века и являются как бы завершением завоевания новгородских волостей, но географические по размерам походы 1485 и 1499—1500 годов дали в сущности очень незначительные результаты, установив лишь номинальную власть московских великих князей над остяками населения нижней Оби. Планомерное наступление за Урал начинается лишь со середины XVI века и ведется первоначально скорее дипломатическими средствами, чем военными. После падения Казани, в 1555 году призвал себя вассалом Москвы владетель Сибирского юрта Эдигар, теснимый соперничавшими с ним из-за престола бухарскими шибанидами, и принял на себя обязательство уплатить дань пушнина; после его поражения и смерти, воцарившийся на его место Кучум не решился сразу порвать эти вассальные отношения и некоторое время продолжал считаться данником Москвы. Одновременно в 1558 году Московское правительство послало данщиков в «Югорскую землю» для сбора ясака с князей «Сорыкадской земли»¹⁾. В отношении зауральских инородцев выработалась, таким образом, известная, довольно последовательная, политика: Москва принимала их под свое икронительство, обязуясь «жаловать и от сторон беречи, под своею рукою держати», и в обмен требовала «дани со всякого человека по соболу», грозя, в случае неповиновения, «вострою саблею». Агрессивная политика Строгановых до известной степени нарушала эту систему, и из Москвы раздаются гневные жалобы на то, что они «вагулчи и волжыков и пельмычек от нашего жалования отведи и задирали, и войною на них приходили, и тем задором с сибирским салтаном нас сорили».

Так в этот первый момент завоевания Сибири сталкивались интересы государства с интересами частных предпринимателей.

По мере того, как промышленная оккупация западной Сибири принимала более определенный характер, правительство постепенно изменяло свою политику и использовало эту оккупацию в своих интересах. Захват Камышка «царскими казаками» Строгановых вызвал посылку правительственных войск на Иртыш под начальством кн. Болховского (в 1584 году), а после него Павла Мансурова, а утверждение промышленников на

¹⁾ Или «Сарыкадской». Грамота 1558 г. не сохранилась и подлиннике. Копия, приобретенная Миллером в Сибири (вопрф. Миллера, № 127, тетр. 11), представляет много искажений. Неоднократно делались попытки восстановить правильное чтение до сих пор не привела к желаемому результату. С своей стороны, думаю, что под «Югорской землей» надо понимать «Югорскую», так как выше говорится о «югорских князьях» и «югорчанах», и в этом отношении примыкает к общепринятому в литературе мнению. В слове «салманского», полагаю, надо искать намек на название: «за Камышка»; название «Сорыкор», поименовано, надо поставить в связь с «Сорыкадской» или «Сарыкадской», о которой говорится дальше.

берегах Тазовской губы привело к сращению правительством двух экспедиций в Мангазее в 1600 и 1601 годах.

Конкуренция со стороны государства не могла не вызвать скрытой оппозиции со стороны тех русских элементов, которые первыми проникли за Урал. В наказе первым мангазейским воеводам откровенно предусматривалась возможность, что «пустозеры и вымичи, и зыряне, и пермичи или иных которых городов торговые люди учнут веровати по прежнему и мангазейской и енисейской самоади говорить, чтоб государю острогу у них в Мангазее впрядь не быть, чтоб торговать им в Мангазее и в Енисее всякими запоедными товарами». Ходили даже слухи, что погром со стороны самоедов, которым ознаменовалась экспедиция 1600 года, произошел не без участия русских торговых людей.

На путях в Сибирь русскому наступлению первое время служило претрадою большое и казавшееся сильным туземное татарское государство, обломком некогда могущественной Золотой орды, Сибирский юрт¹⁾, политическим центром которого являлся в XVI веке расположенный «на горах высоких» у слияния Тобола с Иртышем город Кашлык или Искер, сменивший прежнее столицу Тюмень (Чинги-Тура)²⁾.

Сибирский «юрт» состоял в XVI веке из ряда более или менее независимых татарских и туземных княжеств, весьма слабо объединенных под властью сибирских «салтанов». Это полукочевое царство, раздробленное на ряд плохо связанных между собою племенных владений и объединявшее чисто внешним образом под своею властью татарских, остяцких и вогульских князьков, магметан и язычников, было мало способно противостоять сильному удару со стороны немногочисленного, но более культурного и хорошо вооруженного неприятеля. Слабости Сибирского юрта способствовало не прерывавшееся в течение целого столетия соперничество за сибирский престол между бухарскими шибанидами и местными беками «Тайбутина рода». Незадолго перед походом Ермака «шибанского царевичу» Кучуму, сыну бухарского хана Мурғоны, удалось завладеть столицею Сибири и убить княжича здесь Эдигара и брата его бек-Булата; но сын последнего Сейд-Ахмат (Сейдик) продолжал угрожать счастливому победителю. Сознвая свою слабость, сибирские ханы тотчас после падения Казани признали себя вассалами московского государя, и одно время Эдигар, а за ним и его победитель Кучум обязались было платить дань в Москву, но подчинение это было только номинальное. Пользуясь дальностью расстояния, Кучум не только не исполнял

своих обязательств, но и стал проявлять признаки агрессивности в отношении к новым русским владениям: он захватывает речные пути, ведущие из Сибири за Урал, поднимает своему влиятельному племяннику вогуличей, переводит «Тухчи к себе», собирает ясак с московских «данных остяков», и племянник его Махмет-Кул уже в 1573 году вторгается в русские пределы «дорогу проведати» на Пермь.

Поход Ермака, произведенный с очень небольшими силами, вряд ли мог иметь целью завоевание Сибирского царства, о могуществе которого русские имели преувеличенное представление: имелось в виду, вероятно, только взять «с бою и без бою» ясак с туземцев и вернуться с добычей. Предприятие увеличилось неожиданным успехом. Сибирское царство распалось от первого удара, и после первых неудач от Кучума стали отпадать его вассалы — зависевшие от него мурзы и бии. Еще слабее были связи, соединявшие инопородческие племена с татарскими завоевателями: из-под Чувашева, где Кучум пробовал задерживать казаков в их наступлении на Кашлык, первыми разбежались вогульские и остяцкие князьки и тем способствовали полному его поражению. Не будучи в силах оказывать дальнейшее сопротивление, Кучум с своим народом покинул свою столицу и откопсвал в степи, и «именные казаки» Строгановых заняли лишенный защитников город, после чего окрестные инопородцы и татарские князьки, недавние вассалы Кучума, немедленно «поклонились ясаком» победителям. Таким образом, экспедиция, снаряженная Строгановыми, закончилась на первых порах разгромом Кучумова «юрта». Из случайного разбойничьего набега — поход Ермака превратился в большое государственное значение предприятие, подобно походу Пизарро и Альмагро, сращенному за счет Фернандо-де-Лука и завершившемуся присоединением Перу к владениям испанской короны.

Частными средствами удержать произведенные завоевания было, однако, невозможно, и тотчас после занятия Кашлыка и казаки, и сами Строгановы торопылись обратиться в Москву за помощью и поддержкой.

Наступление Строгановых первое время встречало мало сочувствия в Москве, нарушая традиционную систему отношений с сибирскими инопородцами, которой здесь держались со времени Ивана III, не рассчитывая достигнуть вооруженными средствами прочих успехов на далекой окраине. Когда же предприятие, затеянное солевыегодскими солепромышленниками завершилось захватом столицы Сибирского царства, правительство изменило свою тактику и, не зная еще из ведения Строгановых завоевательной территории, сочло нужным оказать им военную поддержку в лице кн. Сем. Волховского и Ив. Глухова, которые были отправлены с отрядом в 500 чел. в Сибирь в 1584 году. Экспедиция Волховского, сращенная плохо и без

¹⁾ Сибирскому «юрту» посвящена специальная глава в немецком понятии Ш. Виллиге «Обзор по истории колонизации Сибири».

²⁾ Русские называли столицу Кучума Сибирь; Искером называют ее в настоящее время татары; Кашлык — имя, присвоенное ей Ремезовым.

знания местных условий, не выполнила своей задачи. Страдая от недостатка продовольствия, терпевшие кутумовскими татарами, потеряв Ермака, попавшего в засаду, и самого кн. Волховского, умершего от голода, русские были вынуждены весной следующего года бросить Кашлык и, под начальством Глухова, перебрались обратно на Русь Обью и Печорой. Посланный за смену кн. Волховскому новый воевода Ив. Мансуров, застигнутый заморозками, зазимовал на устье Иртыша, где основал первый русский город на сибирской почве — Обский городок, и с открытием навигации, тем же Печорским путем ушел за Урал.

В Кашлыке вновь утвердились татарские владетели, сперва сын Кучума — Али, затем его сорерник Саид-Ахмат, племянник убитого Кучумом Эдигара.

Таким образом, набег Ермака, расшатав Сибирское царство и открыв путь русским в долину Иртыша, сам по себе не привел к прочным результатам. Предстояло приступить к планомерному покорению Сибири уже силами правительства и по плану, выработанному в столице. Вместо того, чтобы углубляться в неприязненную страну, необходимо было закрепить за собою, во-первых, пути в нее. В этих целях на реке Туре, на развалинах некогда богатого и сильного татарского города Чинги-Тури¹⁾, был построен город Тюмень, который и должен был служить опорным пунктом для дальнейших завоеваний. Командированный из Тюмени шлемный голова Данило Чулков почти под самыми стенами Кашлыка, на реке Тоболе, воздвиг небольшой острожек, получивший впоследствии название Тобольского города, откуда он зорко следил за движениями неприятеля, выжидая удобного момента для нападения. В 1588 году ему удалось заманить в свой острожек Саид-Ахмата и захватить его в плен, после чего татары окончательно очистили Кашлык и ушли в степи.

Бывшая столица сибирских ханов пришла в запустение, и на ее месте вырос центр русской колонизации, стольный город Сибири — Тобольск, который постепенно приобрел значение главного административного пункта новой колонии и на который вышло руководство делом дальнейшего завоевания и заселения Сибири.

¹⁾ Как указано выше, известие о битве Тюмени сохранилось лишь в очень немногих летописных редакциях, причем оно нередко сопровождается настолько фантастическими подробностями (о зимовке владыки Тюмени—Чингиса), что не заслуживает доверия. Отсутствие сведений об этом важном эпизоде в протографе, послужившем источником Косовской и Стрелковской летописей, еще более убеждает в несостоятельности этого предания. Надо поэтому признать, как выражается Новый Летописец, что русская Тюмень была построена на месте, где прежде бывал град Тюмень: чи создана на том же рѣдце и в Сибири первый град и назваша его по старому имени Тюмень (Врем. О-ва Ист. и Др. Рос. XVII, стр. 23).

С падением Кашлыка не сразу прекратилась, однако, борьба с Кучумом. В целях обезопасить себя от нападений со стороны его татар, русские в 1594 году основали на самой границе степи город Тару, который должен был защищать подступы к Тобольску с юга и вместе с тем служить исходным пунктом для походов в степь. В следующие 1595—1596 годы на Тары были совершены удачные походы в глубь Барабинских степей, на верховья Оби, но только в 1598 году тобольскому воеводе удалось нанести Кучуму решительное поражение, после которого он уже не оправился. Сибирские «цари», — сыновья и внуки Кучума, — в течение всего XVII века продолжали, однако, в союзе с калмыками с верховьев Оби беспокоить своими набегами русские пограничные селения. Под влиянием этой постоянной угрозы со стороны Кучумовичей, среди широдческого населения Западной Сибири не только долго хранилась память о бывшей независимости, но и продолжали жить надежды на восстановление Сибирского царства, «как было при Кучуме царе». Еще в 60-х годах XVII века среди остатков Березовского уезда жила уверенность, «что бытъ-де царевичу Кучумову в Тобольску и владеть ему всею Сибирью». Поэтому, когда в 1662 г. звероичный потомок сибирских шибанидов Девет-Кирей «споднялся на Русь», — «стали, как один человек татары, вогуличи и башкиры в землях, некогда входивших в состав Сибирского юрта. Но и после Девета-Кирея «ирокитдые басурманы» «близнились» сенаратническими чаяниями, и Ремезов, писавший на переломе между XVII и XVIII веками, сохранил нам отрывки проповедей магометанских «пшихов», в которых они доказывали, что «но времени возьмут Сибирь басурманы во владение не надолго».

Одновременно с окончательным завоеванием Сибирского царства Московское правительство принимало меры к закреплению за собой путей, связывавших вновь приобретенные земли с центром. В этих целях на Чусовском пути на верховьях притока Туры Тагилла был построен Верхтагильский городок. Однако, от этого пути вскоре отказались вследствие малой судходности горных речек, по которым он шел, и для сношений с Сибирью правительство предлоло воспользоваться Вишерой и Тавдой. На верховьях Тавды, на реке Лозьме, служившей как бы связью между бассейнами Иртыша и Камы, в 1590 году был основан Лозьвинский городок. Из этого городка было затем начато покорение вогульского княжества Пельма на Тавде. Расположенное на пути с Руси в Сибирь, Пельмское княжество с его многолюдным и воинственным населением служило здесь долгое время серьезной преградой русской колонизации; набег пельмских князей тревожил беспрестанно пермские окраины. Потребовались довольно большие усилия со стороны русской власти, чтоб разрушить это могущественное княжество: уже

в 1580 г. были предприняты приготовления к походу на «пелымского», но первая планомерная попытка в этом направлении была сделана, повидимому, в 1592 году, в 1593 году был построен на месте прежней резиденции пелымских князей русский город Пелым, и только в 1594 году и то лишь при содействии русского подручника остяцкого (кодекого) князяка Игичей Алачея удалось одолеть непроходимые дебри входившей в состав Пелымского княжества Большой и Малой Конды, но борьба между кодекскими остяками и кондинскими вогулцами тянулась еще несколько лет, а потомки туземных князей — мурзы — продолжали владеть Кондою в течение всего XVII и XVIII ст.¹⁾

С уничтожением Пелымского княжества, путь по Тавде оказался совершенно свободным. С открытием новой Бабинской дороги, оставлявшей в стороже Лозью и шедшей прямо на Туру, значительно сокращая тем расстояние, Тавдинский путь был, однако, покинут. Лозынский городок был срыт, и вместо него в 1598 году был основан на верховьях Туры новый город Верхотурье, который в течение всего XVII века и отчасти в XVIII веке оставался главными воротами в Сибирь и через который шли все официальные сношения Москвы с Зауральем. В 1600 году ниже Верхотурья, на полпути между этим городом и Тюменью, возник на месте татаро-вогульского княжества Еланец, в свое время оказавшего энергичное сопротивление наступлению Ермака, — город Туринск (Еланец). С постройкой Верхотурья, Туринска и Тюмени в руках русских была закреплена вся артерия, соединявшая Иртыш с бассейном Камы — Тура, и тем самым вновь завоеванное Сибирское царство было прочно связано с центром Московского государства.

Утвердившись в Камлыке и закрепив за собою путь через Урал, русские стали постепенно распространять свою власть на «агарянские земли», некогда входившие в состав Кучумова сурта.

Продвижение на юг, в глубь Барабинской степи, было, однако, на первых порах сильно затруднено соседством многочисленных кочевых народов: отсюда постоянная опасность со стороны «агайских» татар, подданных Кучумовых царевичей, и с начала XVII в. со стороны калмыцких орд, в частности торгоутов и хошотов, теснивших на северо-запад своих сородичей, а позднее киргиз-кайсаков. Лишь очень медленно поэтому продвигалось русское население на юг от Туры и Тобола. Только в 30-х годах XVII столетия, с постройкой острогов Ялutorовского, Тебидинского, Ишимского, Вагайского и Тарханского, создавалась укрепленная черта, защищавшая несколько южные пределы русских завоеваний, и русские поселения фактически достигли в этом направлении прежних границ Кучумовского

¹⁾ О Пелымском княжестве см. Вып. II «Очерков колонизации Сибири».

царства. Основание Царя Городинца, будущего Кургана, относится уже ко второй половине XVII в.

Вверх по Иртышу в течение всего XVII века Тара оставалась крайним русским городом, и только в первой четверти XVIII века, с постройкой в 1715—1720 годах крепостей Ямышевской, Омской²⁾, Железинской, Семипалатной и Усть-Каменигорской, все течение Иртыша было завоевано русскими. Точно также к XVIII веку относится закрепление под русской властью верхнего Трбола (постройка Крестовая в 1743 году). Что касается верхнего Ишима, то он был основан лишь во второй половине XIX в., когда в 1863 году был основан Акмолинск.

Таким образом, в южном направлении русское продвижение было сразу и надолго остановлено и тем самым было направлено к северу и к востоку — вниз от устья Тобола по Иртышу и на Обь, где мелкие вогульские и остяцкие племена не в состоянии были оказывать серьезное сопротивление русскому оружию. Уже тотчас по занятии Камлыка Ермаком, были вынуждены ему покориться инородческие князья, юрты которых были расположены в непосредственном соседстве, по нижнему течению Иртыша на Тургасе, на Демьянке и в Белогорье. В начале 90-х годов более или менее добровольно согласились платить ясак остяцкие князья, властвовавшие по нижнему течению Оби, от устья Иртыша до моря: яминский князь Лугуй, кодекский Игичей, казымский Цыгип-мурза и обдорский Василий. В 1593 г. для окончательного подчинения остяцких народов здесь был построен город Березов, на месте остяцкого городка Сумгут-ван. Воистинные остяки не сразу примкнули к создавшимся благодаря постройке русского города положением: в 1595 году среди них вспыхнуло сильное восстание, во время которого только что построенный Березов подвергся большой опасности со стороны дикарей. В 1610 году по волеям Березовского уезда оный рассылался священный стрела с символическим призывом к войне, и замысел расстроился только благодаря своевременно принятым мерам. И даже так поздно, как в 1662 году, березовская администрация была серьезно обеспокоена слухами о готовящемся среди остяков возмущении. При искоренении иртышских инородцев русские искусно пользовались взаимной враждой между отдельными племенами, и среди туземных князьков не один оказался «на немирных казакам — вошь иртышский... и верев вельми». Так использован был кодекский князь Игичей Алачей, покоровший для русских Конду и способствовавший поражению своих березовских и обдорских сородичей. Как общее правило, остяцкие княжеские роды не были истреблены и продолжали

²⁾ Постройка острога на Ямышевском озере и на устье Омь была первоначально решена в 1627 и 1628 годах (Р. И. В. VIII, № 11, III, X, XLV), но на практике осуществлялась в 1715 и 1716 годах.

под русским владычеством управлять своими племенами; князья же, оказавшие русской администрации большие услуги, фактически оставались на положении независимых вассалов почти до середины XVII века; а обдорские князья сумели сохранить большую степень самостоятельности до XIX века¹⁾.

При содействии обдорских и казымских остатков, власть московских государей была распространена, правда, в значительной мере номинально на самоды, кочевавшую по тундрам к востоку от устьев Оби.

С целью завершить покорение всего побережья Обской губы, в 1600 году из Тобольска после предварительной разведки была снаряжена большая экспедиция на реку Таз. По своим размерам и по трудностям, с которыми она была сопряжена, эта экспедиция представляется одной из наиболее крупных по тому времени. На Тазу была расположена та баснословная Мангазея, которая уже давно была открыта поморскими промышленниками, ходившими сюда за пушinou едва ли не с первой половины XVI века. Сварженная на скорую руку, без знания природных условий, экспедиция на первых шагах потерпела сильную неудачу: речные суда, из которых она состояла, оказались непригодны к «морскому ходу», и, пока на Верхотурье спешно строилась морская флотилия, экспедиционный корпус двинулся от устьев Оби через тундру на оленях и в пути подвергся небывалому за описываемое время «погрому» со стороны самодов. Тем не менее, остатки отряда достигли Таза, на берегах которого и был построен Тазовский или Мангазейский город, послуживший исходным пунктом для дальнейшего завоевания Енисей и Лени.

Одновременно с покорением остаточных племен по нижнему течению Оби, шло продвижение русских от устья Иртыша вверх по Оби. На самом устье Иртыша возник Обский городок на месте укрепленного лагеря занимавшего здесь Мансурова; городок этот просуществовал до 1594 года, когда выше его на Оби был поставлен новый город Сургут, но уже через четыре года после постройки Сургута, с целью защитить новые владения от опасности, грозившей со стороны воинственного остаточного князя Воин, властвовавшего над многочисленной «Пегой ордой», пришлось построить новый укрепленный пункт еще выше по Оби и глубже на восток, в самом центре Пегой орды, — Нарым. Постройка Нарыма открывала пути далее вверх по течению Оби, на юго-восток. В 1604 году добровольно отдался под покровительство русской власти еунитинский князь Тоия и был членом в постройке на его земле города (Томский город).

¹⁾ Подробнее об остаточных князьях на нижней Оби и их отношениях к русской власти см. во II выпуске «История».

Дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с большими трудностями: русские вступали в «горные приобужные волости», заселенные бедными и воинственными тюркскими племенами, платившими дань монголам. Помимо природных препятствий, представляемых горной местностью, неизбежно было столкновение с многочисленными завоевателями, собиравшими изданию «албан» туземцев — в частности с могущественными «золотыми царями» (алтын-ханами) западных халкасов, господствовавшими на берегах Кемчика и на «золотом озере» Алтын-юре (оз. Улса), власть которых распространялась на пограничные илорудческие племена. Только в 1618 году поставлен был в верховьях Томи Кузнецкий острог, и дальнейшее продвижение было приостановлено на целое столетие. Попытка утвердиться на Бии в 1627 г. завершилась разгромом со стороны телесских людей. Даже в указанных пределах русские должны были все время выдерживать упорный натиск монголов и их вассалов пришеисских кыргызов, и русское правительство вынуждено было делить свое право на левом с тюркских племен верхней Оби — сперва с алтын-ханами, позже с джунгарскими хун-тайчи и кыргызскими князьями.

Таким образом, Кузнецкий уезд остался надолго крайним пределом русского продвижения в глубь Азии, и только в начале XVIII века, с постройки Енисейского острога в 1709 году, русские стали твердой ногой на верховьях Оби.

Покорением течения Оби и ее притоков в указанных пределах заканчивается один, очень определенный, период в истории завоевания Сибири. Период этот характеризуется тем, что общее направление завоевательной политики остается почти всецело в руках центральных правительственных органов. Весь план завоевания, отдельные задания, очередные задачи — все это вырабатывается в Москве и выполняется местными воеводами на основании инструкций, оставленных в Москве. Московские указы в деталях предусматривают все подробности той или иной кампании, в них даются точные указания относительно военной стороны похода, предписывается порядок комплектования и устанавливается состав экспедиционных корпусов. Нередко даже, особенно в первое время, часть военных сил присылается из русских приволжских городов.

Постепенно такой характер завоеваний изменяется. По мере удаления от центра дальше вглубь Азиатского материка, правительство утрачивает и способность, и возможность руководить ходом военной оккупации страны. Инициатива переходит в руки местной администрации, а правительство ограничивается в наклазах стереотипными предписаниями «радеть о государеве деле» и присутствии, «смотря по тамошнему делу». Организационное наступление уступает место беспорядочному, порой случайному, но безудержному стремлению вперед русского элемента, про-

никого за Урал. Впереди идут промышленные люди. По мере того, как испромышляется соболь в Западной Сибири, они в поисках новых «собольних мест» проникают все дальше на восток и открывают новые «несчастные земли». Благодаря варварским приемам ловли пушного зверя «кулемами», истребление наиболее ценных пород идет необычайно быстро, и так же быстро идет вперед и движение промышленников все глубже в «неведущие земли». По следам промышленников, часто на свой страх и риск, небольшими партиями в несколько человек, идут служилые люди сибирских городов для сбора ясака с вновь открытых «земных иноземцев», привлекаемые той же жаждой наживы и надеждой на грабеж и военную добычу. Рядом с промышленными зимовьями вырастают ясачные зимовья, в которых служилые люди собирают ясак на государя и «поклонные соболи» на себя и воевод. Так незаметно расширяется зона русского влияния. Местные воеводы всячески, и по соображениям личной выгоды, и по служебным расчетам, содействуют распространению территории своих уездов: по «сказкам» служилых и промышленных людей они снаряжают в «новые земли» небольшие экспедиции, а в тех случаях, когда местных сил не хватает, обращаются за содействием в Тобольск, центр сибирской администрации. Таким образом, дело открытия и завоевания Сибири с начала XVII в. идет в значительной мере помимо Москвы. Москва вступает в дело лишь тогда, когда нужно завершить начатое завоевание и организовать управление вновь присоединенными областями.

Особенный характер носит завоевание Енисея и Лены и их притоков. На Енисей русские проникли двумя путями: южным — Кетью, и северным — через Мангазею. Но позднее 1605 года на Кети вырос Кетский острог, а в 1618 году на волоку между Кетью и Енисеем — Маковский острожек. В 1619 году русскими уже был основан на Енисее — Енисейский острог, а через несколько лет, выше его — Красноярский острог¹. Из Красноярска была сделана попытка покорить кыргызские и родственные им племена, обитавшие далее к югу по Енисею.

С основанием Красноярска русские достигли в XVII веке крайней точки своего продвижения на верхнему течению Енисея на юг. И здесь, как на верховьях Оби, они столкнулись с встречным наступательным движением алтын-ханов. Им не только приходилось делить с ними добычу, но часто удовлетворяться лишь номинальным и временным подчинением «порубежных» земель; в 1657 году один из алтын-ханов Лаудан начал даже ваять Красноярск, Кузнецк и Томск и произвел опустошительный набег на пограничные русские владения, и

лишь домашние обстоятельства — смерть отца и угроза со стороны джунгаров — заставили его отступить.

После падения могущества алтын-ханов, соперниками русских и гораздо более опасными врагами явились джунгарские хун-тайчи, принявшие под свое кровительство кыргызские и тубинские народцы. Как и на верховьях Оби, и на Енисее продвижение на юг возобновилось лишь в XVIII веке, когда в 1707 году в Тубинской земле был основан Минусинск.

Остановленные, таким образом, надолго благодаря близости монголов в своем наступлении на юг, русские из Енисейска стали продвигаться на восток по реке Ангаре (Верх. Тунгуске), первоначально встречая лишь слабое сопротивление со стороны стоявших на низкой ступени культуры тунгусских племен. Этапом в этом направлении послужило основание в 1630 году на Лепском волоку Илимского острога, явившегося затем одним из важнейших исходных пунктов открытия пути на Лену. Дальнейшее наступление вверх по Ангаре было, однако, сильно замедлено благодаря отчасти природным препятствиям, какие представляли, например, ангарские пороги, и, главным образом, благодаря отчаянному сопротивлению, оказанному обитавшим по верхнему течению Ангары монгольским племенем бурят — «братскими людьми». Построенный в 1631 году для их покорения, Братский острог подвергался неоднократно серьезной опасности; в 1635 год весь гарнизон был перебит, и только в 1636 году восстановлена была власть русских. Дальнейшее объяснение «братских» племен по верховьям Ангары сопровождалось непрерывной борьбой и завершилось выселением значительной части их на юг в пределы родственных им халкаских монголов. Для прочного утверждения на берегах Ангары, к югу от Братского острога в 1654 году был построен Балаганский острог; за два года перед тем Похабов поставил зимовье у впадения р. Иркуты в Ангару (будущий Иркутск) и завершил покорение братских племен по притоку Ангары — Оке.

С Другим путем, из Мангазеи, русские пробрались на Енисей несколькими годами раньше основания Енисейска. Поморские промышленники, повидимому, еще в конце XVI века ходили с Таза «Енисейским волоком» на р. Турухан, приток Енисея, и в начале XVII века на Турухане, на месте промышленного Туруханского зимовья, возник небольшой, зависевший от Мангазеи, административный пункт, сыгравший очень крупную роль в деле дальнейшего распространения русской власти на восток и впоследствии ставший резиденцией мангазейского воеводы. Отсюда промышленники, а за ними и мангазейские служилые люди разбрелись за пушinou и за ясаком вниз по Енисею до самого устья и по тундрам Пасиды, тянувшимся к северо-востоку от низовий Енисея; отсюда же они поднялись вверх по Енисею в его восточные притоки — в Нижнюю и Подкаменную Тунгуски,

¹ Расширение о востребие острога на Красном яру состоялось в 133 (1624/5) году, но острог не был еще завершен летом 1628 года.

покоря «под государьскую высокую руку» окрестные племена тунгусов и ишбаков (сибирских оястов). Когда же «около Мангазейского города и Туруханского зимовья и вверх по Вишсею реке и снизу Тунгуски реки соболы и бобры испромышлялись», промышленные люди «учели ходить вверх по Тунгуске реке далеко», туда, где еще «соболы добрые и зверья много», а с верховьев Нижней Тунгуски перобрались на Вилюю и на «великую реку Лену». Необходимость защищать промышленников от опасности, грозившей им в этих далеких краях от «сыроядцев», вынуждала уже в 1629 году посылку из Тобольска военной экспедиции на Н. Тунгуску и на Лену под начальством Самсона Навациго, долженствовавшую дойти, «до коих мест ходят промышленные люди на промысел, и «в тех дальних землях им, промышленным людям, учинить оборонъ»¹⁾, а в 1633 году—новую экспедицию под командой Воина Шахова. На основании данных экспедиции Навациго и распросов тунгусских аманатов, мангазейский воевода А. Ф. Палицын²⁾, по возвращении в Москву, представил проект завоевания Лены, приложив к нему описание и чертеж пути; он судил распространить русские владения «до восток солнечных, до перехода великого царя Александра и до прывскокого холма Каркаура», туда, где «обитают люди единоутробные и единопорукные».

Движение, шедшее на Лену через Мангазею, столкнулось с подобным же движением, шедшим туда же из Енисейска. В конце 20-х годов XVII века открыт был путь с Верхней Тунгуски (Ангари) рекою Илымом и с Ильма «Ленским волоком» на приток Лены—Куту и был последовательно закреплен постройкой отрогов на волоку (Илимский острог) и на устье реки Куты. В 1632 году на Лене был поставлен Якутский острог, а несколько позднее выше его Олекминский острог и по ижевскому течению Янгавское зимовье; одновременно были обследованы притоки Лены: Вилюя, на котором енисейские служилые люди уже нашли зимовья мангазейских ясачных сборщиков и острожек, составленный Воином Шаховым, и Агдан, на притоке которого Амге в 1633 г. возникло Амгинское зимовье. Енисейские служилые люди не ограничились этими успехами. В 1633 году Илья Перфирьев с товарищами и с «охочими промышленными людьми» спустился вниз по Лене до устья и, свернув на восток, проехал «в новое место, морем, на Яну реку», а его товарищ Иван Ребров, погнавший на Лену из Мангазеи, продолжал плаванье «по морю на новую сто-

рону на Индигирскую реку»³⁾. В 1636 г. енисейский десятник Елсей Буза из устья Лены морем проехал на запад до устья Оленека, а в 1637 г. одновременно тот же Буза морским же путем достиг устья Яны, а другой отряд служилых людей под начальством Посника Иванова сухим путем прошел к ее верховьям, а оттуда в 1639 году на Индигиру.

Эти головокружительные успехи и слухи о богатствах «великой реки» Лены привлекли внимание и вызвали охоту искателей легкой добычи в Сибири. В 1636 году даже из далекого Томска отправлен был на Лену отряд под начальством атамана Дмитрия Конылова. Несмотря на протесты енисейской администрации он проплыл мимо Енисейска в реку Агдан и основал на устье Май Вутальское зимовье; в 1639 году он отправил часть своего отряда вверх по Мае: экспедиция поднялась до притока Мап—Ньюдом, переправилась через горы, вошла в реку Улью и спустилась по ней до моря; на устье Ульы, на берегу Охотского моря, было поставлено зимовье, откуда были произведены разведки морского берега к северу до устья реки Тауя, а к югу до устья реки Уда.

Таким образом, начиная с 20-х годов, русские служилые люди, идя по следам промышленников, в немаловажно короткое время обновили все обширные пространства земель к востоку от Енисея до Восточного океана. На Лену и дальше на восток ринулись искатели добычи и приключений отовсюду, из всех углов русской Сибири—из Мангазеи, из Енисейска, из Тобольска, даже из Томска: служилых людей охватила каменная горячка—шли вперед, на свой риск, и в погоне за наживой. Посылка «новых земель» производилась без всякой системы, небольшими партиями служилых людей, иной раз в несколько человек; «вожаки» в эти «далекие от века поведомые земли» являлись промышленные люди, при непосредственном участии которых совершались наиболее рискованные предприятия. Это были по существу разбойничьи набегы: служилые люди, «пристав под которую землицей», приманивали тех землиц людей торговать и имали у них жен и детей, и ясноты и скот грабили и насильства им чинили многие и от государыи высокое руки тех диких людей отгоняли, а сами богатели многими богатствами, а государю приносили от того много своего богатства малое».

На Лене столкнулись служилые люди разных городов, и встреча эта была не всегда дружелюбна. Между отдельными партиями конкурентов происходили сражения из-за асака и добычи: «мек себя у тех тобольских и у енисейских, и у мангазейских

¹⁾ Сведения об экспедиции 1633 г. обнародовал Н. Н. Оглобин в статье «Восточно-сибирские поздне-мореходы XVII в.» (Журн. М-ва Нар. Пров. 1903, № 5). Несмотря на то, что статья эта была напечатана в 1903 г.—в литературе до сих пор иногда повторяется неточное мнение об открытии морского пути на Яну впервые Ел. Бузоем в 1637 году (запр., в специальной брошюре В. И. Огородникова: «Покорение Якутской земли. 1922»). Наоборот, Л. С. Берг в книге: «Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга» (1924) отмечает экспедицию Реброва (стр. 191).

²⁾ Экспедиция Самсона Навациго предшествовала неудачной экспедиции Мих. Байцакина в 1627 г.; Байцакин не достиг Мангазеи вследствие непогоды на Обской губе и вернулся в Тобольск «с морского розбою» (Сиб. прил. ст. № 25, т. 156).

³⁾ О Палицыне и его проекте см. мою статью в сборнике «Веняк под ред. А. И. Звонериного и М. Д. Присадкина, Петр., 1924 г.

случаев людей для той своей бездельной корысти бываю бон, друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лене соболей промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чинят сумноше, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют». Эта «смута» и связанные с нею убытки для казны заставили Московское правительство принять очень рациональную меру, а именно послать специальных воевод на Лену, изъять все вновь открытые земли из ведения наличных сибирских воевод и запретив енисейским, мангазейским, томским и другим служилым людям ходить на Лену.

С основанием в 1642 году самостоятельного Якутского воеводства, на самой Лене образовалась прочная база для дальнейшей обследования Восточной Сибири. Из Якутска, в частности, произведено обследование северо-восточного угла Сибири. Якутские служилые люди, завершив покорение Ийдигирки, перешли в самом начале 40-х годов сначала на Алазею, а потом на Колыму. Приблизительно в 1643 году¹⁾ Михаил Стадухин поставил на Колыме три укрепленных зимовья, которые обеспечивали русским господство над этой рекой. Из устья Колымы начались энергичные разведки дальше на восток вдоль берегов Ледовитого океана: драгоценный «рыбий зуб» манья в этом направлении торговых и промышленных людей. Уже в 1646 году мезенец Исая Пгиныев с партией служилых и промышленных людей, в поисках «рыбьего зуба» достиг Чаучуской губы. В следующем году его попытка была повторена в более крупном масштабе холмогорцем Алексеем Федотовым, приказчиком торгового человека Алексея Усова, но льды помешали осуществиться задуманному предприятю. Зато в июле 1648 г. из устья Колымы вышла в море на шести кочках²⁾ большая экспедиция, снаряженная тем же Федотом Алексеевым совместно с приказчиками гостя Василия Федотова Гусельникова и с участием знаменитого казака Семена Дежнева. После трехмесячного плавания экспедиция достигла «Большого Каменного носа, а тот нос вышел в море гораздо далеко (плыл мыс Дежнева или Восточный), а живут на нем люди чухоты добре много, против того же носу на островах (Диомид или Гюздева) живут люди (эскимосы), называют их зубатыми, потому что проймают они сквозь губу по два зуба немалых костяных»; разразившиеся бури разнесли кочи в разные стороны, большая часть их погибла. Коч Дежнева пошло по морю «нево-

¹⁾ 1643 год устанавливает В. И. Огородников (Покорение Юагирской земли, примеч. к стр. 69) на основании расписных речей М. Стадухина, который говорил, что на Колыме пробыв два года и вернувшись в Якутск в ноябре 1645 года; однако, недостаточная точность показаний Стадухина не позволяет принимать этот вывод безоговорочно.

²⁾ По Миллеру — на 7 кочках, и эту цифру повторяют без оговорок последующие исследователи (В. И. Огородников, Покорение Юагирской земли, стр. 74); но Дежнев в челобитной, опубликованной Оглоблиным, говорит, что он и его товарищи «шли морем на шти кочках» (Оглоблин, Семен Дежнев, стр. 67).

лею» и выбросило на берег далеко к югу, «прошед Анадырское устье». Таким образом, Дежнев фактически обогнул северо-восточную оконечность Азии³⁾. Одновременно на реку Анадыр промышленные и служилые люди стали проникать сухим путем с верховьев Колымы.

Одновременно с открытиями на северо-востоке, из Якутска шло обследование берегов Охотского моря. В 1648—49 годах достижения томских казаков были закреплены постройкой Косого острожка (будущего Охотска). С другой стороны, с Анадыра Мих. Стадухин в 1651 году перешел сухим путем на Пенжинку и на Гижигу, впадающие в северную часть Охотского моря — Пенжинскую губу или Пенжинское море, как ее называли в XVII в. Таким образом, движение, шедшее к берегам Великого океана встретилось с шедшим вдоль берегов Ледовитого океана.

Обследование северо-восточного угла Сибири завершилось весной разведкой в Камчатке, произведенной в 1697—1698 г.г. Владимиром Атласовым, которая положила начало завоеванию этого полуострова. В итоге, к началу XVIII в. был достигнут в этом направлении крайний пункт Азиатского материка — «край и конец Сибирской земли», и перед якутской администрацией возникли уже новые задачи покорения земель, которые «только видеть в море за перелынами» и проводившаяся через дальнюю видимую землю» про «Апоноево государство». Впрочем, окончательное замирение Камчатки относится лишь к 30-м годам XVIII в., когда было подавлено восстание 1731 года, а к покорению Чукотского полуострова было приступлено лишь в конце 20-х годов, и после полувековой борьбы с воинственными и многочисленными чукотскими племенами русские должны были в 1775 году даже эвакуировать Анадырский острог и отказаться от военной оккупации их территории. Окончательное подчинение чукчей русской власти относится лишь к середине XIX века.

Из Якутска же шло объяснение земель по верхнему течению Лены, где в 1643 году якутские служилые люди основали Верх-Ленск, но утверждение русской власти встретило отчаянное сопротивление со стороны воинственных братских людей, которые одно время грозили даже Усть-Куту и Плимску. С верховьев Лены якутский пятидесятник Курбат Иванов проник на берега «Святого моря» бурат — Байкала.

На «вершинах» Лены якутские служилые люди встретились снова с аналогичными поисками со стороны енисейских служилых людей. С основанием Якутска приостановлена была дальнейшая деятельность «енисейщиков» в восточном направлении, и их усилия направлялись на юг, на Ангару, где им также приходилось вести упорную борьбу с бурятами. В 1646 году енисейский

³⁾ Прекрасную справку и разбор всех известий об экспедиции Дежнева дает Л. С. В е р г, Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука (из Записок по Гидрографии, т. II (XLIII), выд. 2, 1820 г.).

атаман Василий Колесников обошел северо-западный берег Байкала и закрепил результаты своей экспедиции постройкой острожка на Верхней Ангаре; в следующем году енисейский сын боярский Ив. Похабов переправился по льду на южный берег Байкала и проник во владения цецен-хана, а в 1648 году один из самых выдающихся енисейских служилых людей Иван Галкин, предприимчивый, смелый, жадный до наживы, неутомимый исследователь и завоеватель «новых земель», типичный русский Пизарро, обогнув Байкал с севера, дошел до устья реки Варгуши и построил здесь острожек.

Такая же конкуренция наблюдается и в деле завоевания Амура—«Даурской земли», как называли русские бассейн этой реки по имени обитавшего по ней народа—дахуров. С Байкала енисейские служилые люди переправились на озеро Иргенг и на верховья Шилки; в 1652 году из Енисейска снаряжается для постройки острога на Шилке специальная экспедиция под начальством Петра Бекетова, которая, не достигнув поставленной цели, успела, однако, закрепить путь с Байкала на Шилку постройкой острожков на Селенге (Усть-Прорвинский) и на озере Иргенг (Иргенский).

Одновременно и якутские воеводы направляют свое внимание на Амур. В 1643 году снаряжена экспедиция под начальством Вас. Пояркова, который с верховьев притока Алдана Учюра перешел на реку Зею, впадающую в Амур, по Амуру спустился в следующем году до моря, в июле 1645 года пошел вдоль морского берега до устья реки Ульы и Ульей и Маей вернулся в 1646 году в Якутск. В том же 1646 году послана была из Якутска новая экспедиция вверх по Лене до Олекмы, Олекмою до Туттира и Туттиром до «камня», «который камень (Яблоновый хребет) промек государственной земли и Даурской», с целью «про ту Даурскую землю проведать доподлинно». В 1649 году, при материальной поддержке нового воеводы, энергичного и предприимчивого Дм. Андр. Францбекова, наемный крестьянин устюжанин, Ярофей Павлов Хабаров-Святитский составил за свой риск и на собственные средства—«за своих протехер»—большую военно-промышленную экспедицию: нанял партию «покрученников», снабдив их за свой счет оружием и запасами и во главе своих «лодоч» произвел опустошительный набег на Амур. В 1651 году он собрал новую партию «охочих людей», к которым присоединил небольшой отряд якутских казаков, и, усилив ими свое «войско», поплыл вниз по Амуру: по пути он брал и жег даурские городки, грабил и добывал «в пеня» пиродов, захватывал женщин и детей в полон, собирал ясак. По вестям о богатстве вновь открытой страны к нему притекали новые толпы искателей приключений. Предприятие Хабарова преследовало в первую очередь интересы и выгоды самого предпринимателя, который исключительно «радел своему прибытку», но слухи об успехах,

достигнутых его экспедицией, и о нашествиях, которыми она сопровождалась, заставили правительство вмешаться в дело. В 1652 г. из Москвы был командирован дворянин Дм. Зиновьев для приема под свое управление новой Даурской земли.

После головокружительного успеха частного предприятия Хабарова, как после похода Ермака, наступил период медленного и планомерного завоевания страны, обследованной им. Перспектива неизбежной войны с могущественной Китайской империей, под покровительством которой находились даурские племена, испугала Москву и заставила отказаться от мысли завоевания Амура, и разбойничавшие на нем шайки казаков, предоставленные самим себе, погибли или рассеялись. Зато в верховьях Амура у впадения Нерчи в Шилку был создан в 1658 году особый военно-административный центр—будущий Нерчинск,—с самостоятельными воеводами во главе, откуда и должно было производиться окончательное покорение и устройство Даурской земли. Вместе с тем путь в Дауры был закреплен постройкой в 1659 г. Телембинского острога на Хилке и в 1665 году Верхнеудинского и Солдентинского острогов—на Селенге и ее притоке Уде.

Только в 1672 году московское правительство сделало осторожную попытку возратить завоевания Хабарова, приняв под свое покровительство Албазинский «воровской острог», поставленный в 1665 году на месте разрушенного городка даурского князя Албазы шайкой беглых казаков и преступников, возглавляемой поляком Никифором Романовым Черниговским. Здесь на Амуре, на окраинах русского владения, подобно тому как на Дону, возникла своеобразная казачья республика, лишь номинально признававшая власть нерчинских воевод, которая на свой риск распространяла русское господство по Амуру и его притокам. Укрепив Албазин, «воровские казаки» построили несколько новых острожков на реке Зее и на ее притоке Селенге и таким образом упрочили свое положение на среднем течении Амура.

Однако, в Даурии русские вступали в столкновение с могущественным и высококультурным государством, каким в XVII веке являлся Китай. Китайцы издавна обложили ласком «рыболож» и «длинноволосых» дикарей, обитавших по Амуру, Шилке и Зее, «и от реки Зен по ним всем рекам до устья великия реки Амура до моря океана», и по южному побережью Охотского моря, и ежегодно из пограничного китайского города Иншуты отправляли на Амур военно-торговые экспедиции для сбора даней и меновой торговли с инородцами.

Попытка людей «из царства Лочен», «храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе», утвердиться на Амуре являлась прямым вызовом Китайской империи. «Почто-до вы ходите, в нашу землю к ласчаним тунтусам?» зааляли «богдоевы люди»

¹⁾ Россия (кайтацы по произношеню буквы р).

русским сборщикам леака. Китайское правительство пробовало и оружием, и дипломатическим путем остановить успехи русских на Амуре. Русские городки подвергались неоднократно штурмам со стороны многочисленных и сравнительно хорошо вооруженных китайских войск, пока в 80-х гг. не вспыхнула открытая война между обеими державами, претендовавшими на господство над Даурской землей.

Во второй половине XVII века, с возвращением маньчжурской династии в Пекине, сам Китай проявляет тенденцию энергично распространять сферу своего влияния на север. Эта тенденция особенно ярко обозначилась при втором императоре новой династии — талантливом и воинлюбивом Кан-си, вступившем на престол в 1662 году, и привела к превращению Халхи в вассальное владение, разгрому джунгарской державы Галдана, подчинению Тибета, заглавному претензии на все земли, к северу от Амура и к востоку от Байкала до Чукотского мыса и обследованию Сахалина. При разрешении сложных задач в Монголии Кан-си должен был, во всяком случае, стремиться обезопасить себя от русского наступления. Постройка в 80-х годах городов Мергена, Цицисара и Айгуна (Сахалин—Ула—Хотон) на устье Зен¹⁾, показывает наличие у маньчжуров определенного плана в отношении Амура. В 1683 г. китайское правительство предъявило ультиматум нерчинскому воеводе с требованием снести остроги с Зен, в результате которого, земские укрепления были эвакуированы. Следующий год прошел со стороны китайцев в военных приготовлениях; военные действия открылись летом 1685. В июне, после жестокой бомбардировки, пал Албазин, и, когда на следующий год была сделана попытка возобновить укрепление, явилось вновь китайское войско и осадил новый город. Одновременно китайские подручные, монголы, стали производить нападения на русские «окрашенные города» на Селенге. Невозможность быстро перебраться на Амур достаточные военные контингенты заставляла московское правительство приступить уже в 1687 г. к мирным переговорам. В январе 1689 года полномочный посол Ф. А. Головин заключил договор с монгольскими тайшами, которым обеспечивался их нейтралитет, а 27 августа того же года, после длительных переговоров, был заключен Нерчинский мир с Китайским двором, согласно которого Амур остался под властью Китая, и граница определялась по рекам Аргунь и Горбице, и во Яблоновому и Становому хребту.

Отказ русских от наступления на Амур был не только результатом искусства китайских дипломатов, в частности находившихся на службе у китайского императора русинов: и на Амур, и как и на других южных окраинах, русские при не-

¹⁾ В 1685 году Айгун перенесен на южный берег Амура.

достатку людей и материальных средств не в состоянии были бороться с большим и хорошо организованным государством, к мирным отношениям с которым побуждали, кроме того, определившиеся к тому времени русские торговые интересы в «Китаих». Буринским трактатом 1727 года условия Нерчинского мира были подтверждены в общих своих положениях, и дальнейшее движение русских на юго-восток прекратилось до половины XIX века¹⁾.

В общем итоге, к началу XVIII столетия русские владения в Сибири почти достигали на севере и на востоке своих естественных границ, образуемых Ледовитым и Восточным океанами, на юге окаймлялись Яблоновым хребтом и Становым и предгорьями Саян и Алтая, а в верховьях Иртыша и Ишима — степями, которые все еще были недоступны русской колонизации, благодаря присутствию в них многочисленных и воинственных кочевых племен и неблагоприятным условиям степной местности. В этих пределах захваченная русскими территория была не только завоевана, но и обследована. Каждый шаг вперед записался на «чертежи», и из этих разрозненных чертежей тобольская администрация в 1667—1672 годах составила общую карту Сибири. В 1696—1701 гг. над сибирской картографией работал в Тобольске Ремезов, автор замечательного географического атласа Сибири. Отиски с описаниям покоренных земель давали богатый материал по этнографии края. В конце столетия мы имеем в «Описании Сибирского государства» попытку собрать эти сведения в один географический очерк. Эти русские работы раскрыли перед Западной Европой до тех пор неизвестный угол Азии: по русской карте, скопированной шведами тотчас по появлении ее в свет, была скорректирована устаревшая карта Герберштейна; капитальные исследования Витзена «О северной и восточной Тартарии» было основано, главным образом, на русских источниках, которые он черпал непосредственно или через своих корреспондентов из дел Сибирского приказа²⁾.

В XVIII в. и первой половине XIX века дальнейшее распространение русских владений шло в двух направлениях:

¹⁾ Более подробно история завоевания Амура, частью на основании неизвестных материалов, изложена в моей популярной брошюре: «Байкал на Амуре» (Ленингр. 1925 г.) См. также статью И. П. Чудакова в Русском Археологическом Обществе, № 2 (Ерофей Павлов Хабаров, добытчик и приближенный XVII в.), внесенную как дополнение к общему докладу профессора Миллера в Енисее. Соинченых 1756 г. (История о стражах, при Амуре дежачих, когда они сегодний под росскими владениями). Новое описание событий на Амуре, хотя и не бесспорно, дает Ф. Гольднер в назв. сочинении.

²⁾ «Описание Сиб. государства» напечатано в изд. Археограф. Комиссии: «Сибирские летописи». Витзен и пользовался им в извлечениях, которые ему были доставлены через Дюро и другие соседние с Русской страной. Это не единственный русский летописец Витзена, его связь с думным дяком Ванушом позволил ему черпать материалы из дел московских приказов; он бесспорно ссылается на то или иное «русское письменное сообщение» или на «сообщение, писанное по-русски».

на северо-востоке на Чукотский полуостров и острова Ледовитого и Восточного океана и дальше на «большую землю», т. е. Америку¹⁾, и на юг к верховьям Оби, Иртыша, Иншма и Енисей.

Занятие островов, расположенных в морях, омывающих материк Сибиря, явилось в сущности продолжением того процесса открытия и завоевания страны к северо-востоку от Енисея, который имел место в XVII веке. Главную роль сыграла и тут частная инициатива промышленных и служивых людей, которые в поисках добычи пушкalis в опасные морские предприятия. Так, в 1711 году камчатские казаки, участвовавшие в бунте местного гарнизона, чтобы загладить свою вину, совершили экспедицию «в мелких судах и байдарках» на Курильские острова и объявляли курилов; позже по инициативе казачьего головы Аф. Шестакова большая и организованная экспедиция обследовала земли чукчей, объехала Камчатку и достигла берегов Америки. Но на первом плане и в XVIII и XIX столетиях, как и прежде, необходимо отметить деятельность русских кунцов и промышленников. Морские промыслы, в частности бобринские промыслы на островах Охотского моря, привлекают предприимчивых, жаждущих до добычи, неразборчивых в средствах людей, которые, не гнушаясь опасностей, нередко с риском для жизни открывают неизвестное до них острова в Ледовитом и Восточном океанах и «ряди высочайшего интереса» «смряют» островитян «под высокую руку» русских императоров. Ряд торговых экспедиций в 40-х и 50-х гг. XVIII в., снаряженных купцами Серебрянниковым, Тралезниковым, Юговым, Толстых и другими, способствовали открытию и захвату Алеутских островов; якутский кунец Шаулауров в течение нескольких лет обследовал Ледовитый океан к востоку от устья Лены, пока не погиб в одну из своих поездок; после него ряд открытий произведен Ляховым и Протодьяконовым (Ляховские острова). С 70-х годов русские торговые суда начали ездить к берегам «Большой земли», о которой впервые русские услышали в начале столетия от чукчей, — Америки. В 80-х годах уже возникают русские фактории на островах Кадьяке и Ситхе, основанные торговой компанией Григория Шелехова и Ивана Голникова, которая, соединив в 1797 году с другой «коммерческой компанией», основанной Иркутским купцом Мыльниковым «для торговли и промыслов в Американских островах», была преобразована в Соединенную Американскую (послед-

¹⁾ Возможностью на Сибиря выйти дорогу в Америку интересовались в Москве уже в XVII в. Родес с планет в 1652 г. из Москвы о предположенной посланке отсюда иностранных офицеров через Сибиря для путешествия в Америку (Курья, «Состояние России в 1650—1655 гг. по дописанам Родеса», стр. 106). Об Америку бездельно с посетитом Аврилем смолодний воевода Мушин-Пущини (P. Avril, Voyage, Paris, 1692, стр. 210—211).

ствии Российско-Американскую). В начале XIX века Российско-Американская компания сделала попытку обосноваться в Калифорнии, находившейся в то время под владычеством испанцев, но построения здесь в 1812 году крепость Росс была упряднена в 1839 году за бездоходностью.

Параллельно открытиям и завоеваниям, производившимся частными лицами за их страх и риск, спарикались как в XVIII в., так и в первой половине XIX — правительственные экспедиции, имевшие целью научное обследование побережья Сибиря и омывающих ее морей. Такими знаменитые экспедиции Беринга, для разрешения вопроса о проливе между Азией и Америкой; одновременно в 30-х годах XVIII века имело место систематическое описание береговой линии Ледовитого океана от Архангельска до Анадыря, произведенное последовательно несколькими большими морскими экспедициями (Овцына, Лангевых, Прочичева и других¹⁾). Из новейших экспедиций достаточно назвать Виллингса, Сарычева, в XIX веке — Врангеля.

В результате всех этих частных и правительственных экспедиций русские владения распространились, постепенно на острова, лежащие к северу и к востоку от Сибирского материка. Занятие Курильских островов в Охотском море намечало естественное продвижение на юг от них к островам, входящим в состав Японского архипелага, и, действительно, делаются некоторые попытки «о проведывании Японского государства». Однако, по местным условиям Японское государство оказалось слишком могущественным, чтобы с ним можно было бороться силами частных торгово-промышленных компаний, какими произведены были прочие завоевания на Тихом океане, и уже в 1732 году, при снаряжении второй экспедиции Беринга, ему строго предписывалось «итти для проведывания островов, продолжающихся к Японии», но «накренно остерегаться», чтоб не повасть во владения «японского хана» или какого-нибудь иного европейского или азиатского государя. Оставался открытым один путь на восток, т. е. к берегам Америки. Слабое испанское правительство было неспособно оказать сопротивление русским промышленникам не только на пустынных островах, составляющих продолжение Алеутских, но даже в Калифорнии, в 50 верстах от Сан-Франциско. Так образовались обширные владения в Америке, охватывавшие Аляску и все северо-западное побережье материка до верхней Калифорнии, в состав которых входили острова Ситха с Новоархангельским портом, Кадьяк, Шумагинские, Лисы, Прибылова, Алеутские и Курильские; все эти земли представляли собою частное владение Российско-

¹⁾ Подробный обзор этих экспедиций дает Ф. Гольдер в названной выше книге, и П. С. Берг («Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга», М. и Петр. 1924).

Американской компании, в заведывании которой они находились до 1865 года. Образование в последней четверти XVIII века Северо-Американских Соединенных Штатов и их мощный рост в последующем столетии должны были, однако, рано или поздно привести к уничтожению этих русских колоний, заклинутых в далекий угол Нового света, тем более, что отдаленность от центра и отсутствие капиталов и технических знаний препятствовали эксплуатации даже в самых скромных размерах природных богатств американских колоний. В 1867 г. русское правительство поэтому уступило все свои владения на территории Северной Америки и прилегающие к ним острова за очень умеренное вознаграждение Северо-Американским Соединенным Штатам¹).

Иной характер носит за описываемый период русское наступление вверх по Иртышу, Иньму и Оби. Русское государство, переживавшее на переломе между XVII и XVIII столетиями один из самых тяжелых моментов своего развития, испытывало особенно остро потребность в металлах для удовлетворения своих военных и финансовых нужд. Этим объясняется упорное стремление правительства распространить свою власть в Сибири на районы, богатые ископаемыми. Как и в других случаях, оно при этом пользовалось содействием частных предпринимателей. Демидовы, первые частные заводчики, обосновавшиеся на Алтае в 1723 году, должны были для охраны своих заводов на свой счет строить крепости, снабжать их артиллерией и содержать гарнизоны, подобно тому, как в свое время Строгановы ставили городки для защиты своих соляных промыслов. Таким образом, русские владения достигли «вершин» Оби и врезались в Алтайские горы. Та же потребность в металлах заставила правительство еще глубже в Азию, на юг к Яренску, откуда шли сообщения о «песчанном золоте» Аму-Дарьи. В этих делах, в царствование Петра I, было снаряжено несколько экспедиций, план которых был нанесен самим императором. Экспедиции эти не имели, впрочем, успеха: Яренск оказался недоступен для русских. Зато в результате походов в степь весь путь от Тары вверх по Иртышу оказался в их руках и был закреплен постройкой ряда крепостей: Ямышевской (в 1715 году), Омской (в 1716 году), Железнодорожной (1717 г.), Семипалатинской (1718), Усть-Каменогорской (1720). Таким образом, русские владения достигли в этом направлении естественных границ, представляемых Тарбагатайской горной цепью, которая отделяет, строго говоря, Сибирскую низменность от Туркестана.

¹ По истории русских колоний имеется обширная литература. Укажу лишь главную работу Гихиенца, «Историческое изображение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени». СПб. 1861—1863 гг.

Продвижение вверх по Иртышу открыло для русской колонизации до тех пор недоступные Барабинские степи¹). Для защиты новых южных границ от набегов кочевников пришлось воздвигнуть целую сложную систему укреплений: так образовалась в течение XVIII века «Сибирская линия», преодолющая довольно точно этапы русского наступления на степь. Начало ей положили воинские еще в XVII веке вдоль по Тоболу городки, имевшие целью защищать пашенные слободы на Туре и на Исети. С конца XVII века в эти «тобольские и исетские остроги» из Тобольска ежегодно весной посылались отряды служилых людей «на обереговую службу на конях от приходу вошских людей». Крайними южными пунктами здесь являлись Царево-Городище или Курган и Утайский острог. Другая линия укреплений шла в XVII веке по Вагаю и Иньму, заканчиваясь острогами Абаким и Коркинский (Иштык). Таким образом, уже в XVII веке сложились две укрепленные линии, отгибавшие с запада и с востока окраины степи. В XVIII веке укрепленная граница продвинулась сильно к югу. В 80-х годах она шла вниз по Тоболу от острога Лебяжьего, расположенного южнее Кургана²), и, не доходя Кургана, поворачивала на северо-запад через Моревский, Ардагульский и Суерский форпосты на крепость Омутную и Усть-Ламинскую, где опять поворачивала на юго-запад к Иньму (Коркинский) и далее, делая значительный изгиб в северном направлении (Зудиловский острог), перекидывалась на Иртыш (Вольшерцкая) и шла по Иртышу, заканчиваясь Чердынским острогом (несколько выше Омска). В состав этой Иштыкской оборонительной линии входило всего около 60 укрепленных поселков; в общей сложности она охватывала значительные пространства земель в углу, образуемом Тоболом и Иртышом, дугой отгибая степь. В середине XVIII века образовалась новая Пресногорьковская или Горькая линия. Она начиналась тоже на Тоболе крепостями Звериноголовской и Пресногорьковской, несколько южнее старой линии, и шла на запад на Петропавловскую, а оттуда на Омскую замыкая таким образом треугольник между Тоболом и Иртышом, и в общем совпадала с теперешней южной границей Сибири; с ее постройкой Иштыкская линия утратила свое значение. К середине же XVIII века относится постройка укрепленной линии для защиты Кузнецко-Колыванского горнопромышленного округа на Алтае, проходившей от Иртыша по реке Убе на север через Змеиногорский рудник, Колыванский завод и Велоречий острог на Маральду и оттуда на Ейск и на Кузнецк; в 60-х годах ее подновили несколько

¹ Из новых работ по истории колонизации Барабинской степи: А. Д. Грязнов «Еврейство и заселение Моск. тракта в Сибирь (Нов. Па-та исслед. Сибиря, № 6. Томск.)».

² По Тоболу, кроме Лебяжьего, можно отметить Чернаевский и Верхне-Утайский остроги.

к юго-востоку вверх по Убе, оставив к западу Зырянск и Колывань. В общем итоге, в течение XVIII столетия была достигнута и стратегически закреплена южная граница современного Тобольского и Томского краев. Дальнейшее продвижение в Центральную Азию пошло иным путем, и, с колонизацией южного Приуралья и основанием Оренбурга, создавалась новая база, откуда легче было вести наступление в пределы теперешнего Туркестана.

В середине XIX века происходит резкий перелом в завоевательной политике России в Азии. Рост капитализма, отмечающийся с начала этого столетия, ставил перед правительством новые задачи. Не будучи в силах конкурировать с более высокой техникой западно-европейских стран, русская торговля ищет новых рынков, где бы она была полновластным хозяином. Отсюда активная политика на Ближнем и Дальнем Востоке, первые признаки которой мы наблюдаем в царствование Николая I. На Балканском полуострове осуществление поставленных планов встретило ряд затруднений в виду сложности политической конъюнктуры, складывавшейся вокруг Турецкого вопроса, и столкновения с интересами других держав. Естественно, поэтому, что военная политика России направлялась в ту страну, где она встречала наименьшее сопротивление, т. е. в Азию. Уже при Николае I намечается завоевание Хивы, но решительный поворот в сторону устремления на восток должен быть отнесен к эпохе Александра II. Завоевание Амура, произведенное на инициативе сибирского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и утвержденное Айгунским договором 16 мая 1858 года¹⁾, знаменует собою переход к новому курсу, который должен был рано или поздно привести к попытке проникновения в Монголию, Манчжурию и Корею и завершился в 1904—1905 годах вооруженным столкновением с Японией. С другой стороны, завоевание Туркестана при Александре II открывало русской торговле рынки Средней Азии. Следующим этапом в этом направлении явился экономический раздел Персии между Россией и ее соперницей на востоке — Англией. Таким образом, середина XIX века характеризуется переходом к агрессивной политике на Дальнем Востоке. Вместе с тем, переход государства от крепостных форм хозяйства к капиталистическим вызывал ряд новых потребностей, на удовлетворение которых должна была быть использована Сибирь с ее неочечными пространствами удобной для обработки земли, с ее неисчислимыми запасами сырья. Середина XIX в. является поэтому гранью в истории колонизации Сибири, когда в ее жизни выступают ряд новых фактов, которых мы не замечаем в предшествующую эпоху, и, наоборот, постепенно отмирают явления, которые наблюдались в течение нескольких столетий.

ДОБАВЛЕНИЯ И ПОПРАВКИ

¹⁾ Одновременно с Айгунским договором заключены были трактаты, имеющие целью обеспечить торговые интересы России в Китае: Тяньцзинский, 1 июня 1858 г., и Пекинский 1860 г.

К I ГЛАВЕ ПЕРВОГО ОЧЕРКА.

В 1920 г. А. М. Ставровиц представила в Археографическую Комиссию специальное исследование под заглавием: «Сибирские летописи. Этюд по истории вопроса и анализу сибирских летописей». Работа эта до сих пор, к сожалению, не напечатана и читатели могут судить об ее содержании лишь по статье автора в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову» (1922 г.), стр. 279—293: «Сергей Кубасов и Строгановская летопись». Мне удалось познакомиться с исследованием А. М. Ставровиц в рукописи, благодаря любезности Археографической Комиссии и автора, которым приношу глубокую благодарность.

Основной вывод, к которому пришла А. М. Ставровиц, совпадает в общем с теми, которые устанавливаются в наших «Очерках», а именно, «что ни одна из сибирских летописей не является в полном смысле слова летописью, а каждая из них носит на себе следы литературных современных влияний и, таким образом, является позднейшей переработкой ранних протографов»¹⁾. Подходя иными путями, чем мы, автор приходит к тому же заключению, что в основе и Есиновской и Строгановской летописи лежат единый протограф.

Ход развития Сибирского летописания А. М. Ставровиц изображает в следующей схеме: 1) летопись пр. Киприана, составленная на основании казацкого «написания» и рассказов свидетелей; 2) синодик; 3) статья Нового летописца, составленная по летописи пр. Киприана; 4) протограф Есиновской и Строгановской летописей, — каковым является статья Нового летописца, дополненная на основании других источников; 5) летописи, составленные на основании этого протографа (Есиновская летопись, летопись по Погодинскому списку, которую автор считает самостоятельным произведением, Строгановская летопись).

Эта схема, совпадая в основном (единство протографа), в остальном резко отличается от нашей схемы. Не позволяя себе полемизировать с сочинением, не вышедшим в печати, я укажу

¹⁾ Цитата заимствована из статьи о С. Кубасове.

лишь, что, ознакомившись с соображениями А. М. Ставровиц, я не считаю возможным изменить высказанные мною в тексте взгляды. В частности, мне кажется, что до нахождения новых списков сибирских летописей, за отсутствием данных, осторожнее не осложнять вопроса спорными предположениями о Кириановской летописи и о статье Нового летописца¹⁾, как о посредствующих звеньях между «написанном» и известными нам летописями.

Из отдельных вопросов, затронутых в исследовании А. М. Ставровиц, заслуживают внимания ее соображения о происхождении Строгановской летописи. Автор расчленяет Строгановскую летопись на следующие «составные части»: 1) «подлинные акты, весьма умело обработанные», 2) «протограф, схожий с протографом Есиновской летописи», 3) «местные предания и летописи» и 4) «риторическое сплетение словес, ничего нового не вносящее». Время составления Строгановской летописи автор относит к 1668—1673 гг. Эту догадку она очень остроумно мотивирует тем, что летопись преследует «определенную цель утвердить мнение об участии в покорении Сибири Семёна Строганова». Эта мысль доказывается сравнением летописного изложения содержания грамот, данных Строгановым (с упоминанием в них Семёна Анкиевича) — с подлинными грамотами, в которых имя Семёна не упоминается; такая фальсификация могла быть сделана исключительно в интересах потомков Сем. Анки. Строганова, в частности Григория Дмитриевича Строганова, который в результате вымирания других ветвей рода Строгановых, оказался в 1668 году единственным представителем этой семьи; 1668 год А. М. Ставровиц и принимает за *terminus post quem*; с другой стороны, участие Семёна Анкиевича в завоевании Сибири уже официально признается в царской грамоте 1673 г.; следовательно, к тому времени летописный рассказ был уже известен.

Отдавая должное искусству, с которым автор обосновывает свою гипотезу, нельзя, однако, считать вопрос ею разрешенным, до тех пор, по крайней мере, пока не будут подвергнуты научному обследованию рукописные тексты Строгановской летописи, из которых одна, как известно, датируется предположительно серединой XVII века²⁾.

Вторая гипотеза А. М. Ставровиц — о Сергее Кубасове, как авторе Строгановской летописи, вызывает много сомнений. Тут строгость и научность формального метода А. С. Орлова, с которым она polemизирует, пытался доказать неправильность его соображений о заимствовании автором так называемого «хронографа Кубасова» (более известного сейчас под названием Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского) литературных образов из

«Троицкой истории», — остаются несравненно более убедительными, чем страданиям некоторым субъективизмом рассуждения о «ритме фраз», о «легкости и напевности Кубасовских произведений», а стремление сделать Кубасова автором Повести кн. Катырева-Ростовского связано все-таки с трудноразрешимыми хронологическими противоречиями.

К стр. 5.

К числу ранних повестей, посвященных истории завоевания Сибири, принадлежит статья в Новом летописце «о взятии царства Сибирского»¹⁾. С. Ф. Платонов датирует Новый летописец 1630 г., и этот вывод подтверждается изучением недавних списков²⁾. Следовательно, статья, вошедшая в Новый летописец является одним из ранних памятников сибирского летописания. А. М. Ставровиц в указанном выше незаданном своем труде склоняла видеть в ней источник того протографа, который, будучи распространен на основании других данных, лег в основание Есиновской и Строгановской летописи. Выводы, к которым я пришел, несколько иные.

Статья Нового Летописца очень коротка; в ней нет большей части тех известий, которые общи для обеих летописей, и, с другой стороны, имеется сказочный анекдот про татарина, «смувшего себе смертную вину», доставившего Кучуму «три шипала и три борюшья» из шипящего лагера, который отсутствует во всех лучших списках летописей. Более подробное сравнение с летописями указывает на ряд мелких разногласий (например, численный состав дружины 600 чел., вместо 540); построение фраз иное, что объясняется, может быть, сильным сокращением первоначального текста. Тем не менее, одна фраза не оставляет сомнения в том, что источник статьи тот же, что и обеих летописей. В Новом Летописце мы читаем: «Кучумъ же, перебрехди реку, оного Ермолая и всѣхъ казаковъ побилъ, одинъ тотюю *утече*; и, приближавъ в *городок*, сказа прочимъ вся приключаша; они же ужасиши и не чаху себѣ помочи и т. д.» В Строгановской летописи: «И тако ту вси пзибни быша, *едина толю утече*... Смышно же бысть в граде атаману Матфѣю Мешеряку в дружиную... они же во граде вплахуся по вѣхъ горко» (Сиб. лет., стр. 38). В Есиновской летописи: «И нападоша на нь и побина; толю *едина казакъ утече*... Стыпаш же сие, во граде оставаша... и вплаху по нихъ вплачемъ велимъ зѣло на много время» (Сиб. лет., стр. 148—149).

Сравнение этих текстов не оставляет сомнения в том, что автор статьи Нового летописца использовал тот же источник, каким

¹⁾ О статье, вошедшей в Новый летописец, см. ниже.

²⁾ Сиб. лет., стр. XVI.

¹⁾ Новый летописец с исключением названной статьи напечатан в XVII в. Вроцлавши О-ва Ист. и Древн. Росс. и в VIII и XIV т. т. II. Собр. Русск. Лет.

²⁾ Сравнение списков произведено И. В. Чернышиным, работа которого не напечатана.

воспользовались Есипов и сочинитель Стругановской летописи, т.-е., говоря предположительно, «написание». Но «написание» подверглось, повидимому, значительной переработке в Новом летописце. Во-первых, оно было сильно сокращено; во-вторых, в него внесена упомянутая выше сказка. Наконец, оно было дополнено сведениями о Максиме Струганове, которые отнюдь не восходят к Стругановской летописи, так как не совпадают с ее известиями. В статье из Стругановых назван один Максим Яковлевич, в летописи действуют Семен, Максим и Никита. Есть и другие разногласия: в статье Ермак взял у Стругановых «для провозждения» 50 чел., во летописи — 300. Можно думать, что в этой статье мы имеем первую попытку переработки первоначальное «написание» в интересах не всех Стругановых, а потомков Максима Яковлевича; это, если можно так выразиться, первое издание Стругановской летописи.

Статья Нового летописца имела значительное влияние на позднейшее летописание. Она отразилась очень сильно (местами дословно) на списке Ундольского Есиповской летописи (Сиб. лет., стр. 192—194, 220—221), где, в частности, приведена сказка о татарине. Ее влияние чувствуется и на других списках той же летописи, как-то Вузуновском (Сиб. лет., стр. 296—297). Так называемая Есиповская летопись по Головинскому списку (Сиб. лет., стр. 307—311) есть в сущности просто статья Н. Летописца. Наконец, та же статья, как будет показано ниже, служила источником для повести, вошедшей в состав «Описания Сибирского государства».

К стр. 17.

Ульян Моисеев Ремезов, фаворит тобольского воеводы П. И. Годунова, разделавший с ним постигнутой его немилостью и сосланный в 1670 г. за «сущность» в Березов, приходился, по очень правдоподобной догадке Н. Н. Оглоблина, родным отцом географа и историка Семену Ремезову. (Визлинограф, 1892, № 10—11, «К биографии С. Ремезова»).

К стр. 26—27.

Следы казачьего эпоса, столь ярко выраженные в «Кунгурской летописи», встречаются и в других повестях. Такова вставка в тексте Стругановской летописи по Толстовскому списку (Сиб. лет., стр. 55—56).

К стр. 30—32.

Для более точного определения времени написания и состава повести, вошедшей в «Описание Сибирского государства», оказалось необходимым произвести детальное сравнение русского текста с голландским переводом, включенным Витзеном в его сочинение и «Тартарин».

Книга амстердамского бургомистра Николая Витзена: «Noord en Oost Tartarge» вышла первым изданием в 1692 году, в одном томе с несколькими рисунками, и была переиздана автором в 1706 г. в 2-х томах, с значительными дополнениями, с многочисленными новыми иллюстрациями и картами¹⁾. По существу, труд Витзена представляет собою довольно бессистемное собрание географических описаний и справок, легших в основание его превосходных по тому времени работ по картографии Азии. В этом обширном сборнике самых разнообразных сведений по географии и этнографии северной и восточной Азии мы встречаем и отрывки из напечатанных книг (например, из Ис. Маассы, из Hasluyt'a, из Ruchas'a и т. д.), и письма различных лиц к автору и к другим корреспондентам, и выписки из официальных документов, и записи слышанных автором рассказов, и наконец, помещаемые целиком или в выдержках, доставлявшиеся ему отсюда, по преимуществу из России и соседних с нею стран (Польшы, Дании) рукописные материалы: «дорожки» (Weg-wyzer), росписи (Lyste) городов и мест, и многочисленные сообщения (Berichte). Сообщения эти шли к нему отсюда: «описание самодов Новой земли» ему было доставлено «неким господином, проживавшим в Архангельске»; из Соли Камской прислали ему сведения о путях из Сибири; из Тобольска он получил сообщение «относительно русского христианства в Китае и про калмыцкого государя Бушухту-хаана»; из Селенгинска в 1686 г. ему пришел письмо про переезд через Байкал, даже из Мангазели ему было прислано «известие о самодехах» и т. д. Корреспонденты Витзена принадлежат к самым разнообразным слоям русского общества, начиная с самых высших сфер. Описание некоторых областей Сибири было для него написано «одним знатым русским боярином, объехавшим их в 1689 г.»; отдумного дьяка А. Випуса, заведывавшего Сибирским приказом, он получал официальные документы, вроде статейных списков П. Ф. Байкова и Ф. А. Головина, сказки Владимира Атласова или грамоты китайского императора Кан-си; он имел возможность беседовать и с самим царем Петром, в бытность его в Амстердаме в 1697 году, и московский государь, по его словам, милостиво отвечал на его вопросы. Очень много сведений Витзен получил через купцов, русских и иностранных; так, про путь из Сибири в Хиву он узнал от греческих путешественников, вернувшихся в 1686 г. Постолиными и очень полезными корреспондентами Витзена были иностранцы, служившие в русском войске; например, описание Вагдалского пролива дошло до него «в письме одного служилого

¹⁾ Издание 1706 г. переиздано в 1735 г. Я имел возможность воспользоваться редким изданием 1692 г., отсутствующим в московских книгохранилищах. Благодаря любезности Ленинградской Публичной Библиотеки, которой я прошу глубокую благодарность.

человека из верхне-немецких земель, который, состоя на службе их царских величеств, бывавая в тех местах; из Лондона ему прислали Сибирский дорожник, составленный «на английском языке одним воспитанником на службе их царских величеств» и т. д. Некоторые русские известия попадали к Витзеу через «соседей (к России) земли»; так, отрывок из «Описания Сибирского государства», вошедший в издание 1692 г., был прислан «в письменной форме из Дании».

Обширный материал, собранный Витзеом, не был им не только переработан, но даже систематически расположен; очень много документов включено целиком. Все это придает книге Витзеа вид большой географической хрестоматии, и такой хрестоматический характер его сочинения имеет для нас свою хорошую сторону, сохраняя, правда, в голландском переводе и часто не в полном виде, очень много не дошедших до нас русских известий о Сибири.

К числу русских известий, вошедших целиком в сочинение Витзеа, принадлежит обширная повесть о завоевании Сибири, включенная в издание 1705 г. (изд. 1785 г., II, стр. 736—740). Повесть эта рано привлекла внимание исследователей простотой содержания; Миллер неоднократно цитировал ее по Витзеу, и со слов Миллера ее насыщенный легендарный рассказ сделался достоянием русской исторической литературы, особенно популярной.

Сравнение с «Описанием новые земли Сибирского государства» — показывает, что мы имеем здесь дело с точным, местами дословным переводом на голландский язык повести о завоевании Сибири, вошедшей в «Описание». Для того, чтобы удостовериться в этом, достаточно сравнить русский текст с текстом Витзеа, хотя бы в несомненно исправном переводе Тыжнова.

Обращаясь к голландскому переводу, надо признать, что он сделан человеком, отлично владевшим русским языком. Чисто русские выражения и технические термины истолкованы им с большим умением¹⁾. Лишь в немногих случаях он оставлял отдельные слова без перевода («стен» — woeste Steep, «льжи» — Lischen, «парты» — «Naden»), или допускал дословный перевод («Верхотурский камень» — «Werchaturische Steen-klippen»). При дословном переводе у него происходили изредка недоразумения («соборная церковь», он понял в смысле «groote Apostolische kerke»). Кажном

¹⁾ Вот несколько примеров: «Сибирское царство Тоболово» он переводит правильно Hofstat Tobol; в словах Куучма, что он будет есть тело Ермака «с родителем своим», выражение «с родителем» тоже правильно истолковано в смысле семья («с женой и с детьми»); города с узкими переулками — «с их окружающими землями (met hare omliggende Landen), его владыки» — «с всем духовенством (met alle geestelijken)»; так же удачно переведены такие трудные для иностранца выражения, как «осажден» — «несчастие псы (ongelucke hunde).

преткновения были для него русские географические названия; их он списывает буква за буквой с русского подлинника, сохранив окончание русского падежа²⁾.

При переводе допущены лишь незначительные сокращения, весьма, однако, характерные. Голландия, работавшего над русским текстом, как протестанта и как республиканца, по видимому, коробила религиозная и политическая фразеология москвича XVII века, и он выбросил или сократил абзацы, содержащие подобные выражения³⁾. По тем же соображениям религиозной шестипятицы и политического нуританизма — речи Ермака с их молитвенными обращениями и призывами к верноподданническим чувствам вложены автором неточно, собственными словами. Наконец, он пропускает слишком специфические русские термины и названия; так он вынул слова «посадский человек» про Строгайова, сказал, что он бежал «over Petm», между тем, как в русском тексте сказано: «в Зыряне, сиречь в Пермь великую» и т. д.

С другой стороны, переводчик позволял себе делать некоторые незначительные добавления, необходимые для полнения смысла иностранцу, не осведомленному в русских обстоятельствах, например, сообщение подлинника, что родоначальник Строгайова «от страха смерти и казни великого государя царя Иоанна Васильевича всея России самодержца из Новаграда убежал», — он пояснил так: «незадолго перед тем царь Иван Васильевич ходил с большим войском, чтобы наказать новгородцев за восстание и сопротивление».

Учитывая все указанные недочеты, объяснимые в значительной степени литературными приемами переводчика, мы, в общем итоге, имеем все-таки перевод очень близкий к подлиннику, настолько близкий, что мы можем даже установить приблизительно редакцию, которой воспользовался Витзе. Во-первых, легко убедиться, что у Витзеа повесть была не в своем первоначальном виде, а уже инкорпорированной в географический текст «Описания Сибирского государства». В «Описании Сибирского государства», как сказано в нашем очерке, повесть прерывается

²⁾ Например место: Ермак «Алабуху... Оу... побрал» звучит по-голландски: «De Steden... Alabuch... Osu heeft hy bemagtigt»; фраза об отце Куучма «с родителем» — «zond hy... in zijne vermakelijke plaetse Naabolak». При такой механической передаче названий неизбежны были серьезные ошибки и описки — реку Дарья переводчик называет Jag; указание русского текста на то, что река эта «пошла под Букарто в великую Фину» (т. е. Хиву) — он понал так, что Финя река, и перевел, что река Ир шла в великую реку Фуфу.

³⁾ Он пропускает, например, слова: «божественно же милостиво и государственным счастьем и святым чудотворцем российскому царству молитвенно и т. п.», говоря про Абала, «идеши к вам благодать Христова» весь великий православный христиан и церковь каменная преса, богородица ободящая чудотворные иконы знаменит преса, богородица, он ограничивается словами: «где находится б о д л и м о с е в л о».

вставками географического содержания, получившимися благодаря механическому соединению исторических и географических источников. В голландском переводе целый ряд таких вставок сохранен. Например, в русском тексте по поводу перехода Ермака через Верхотурский Камень сообщаются некоторые сведения об Уральских горах и о реках, спадающих с них на западную сторону «к Московскому государству» в Волгу и в Хвалынское море и на восток «в Сибирскую сторону» — в Сибирь в морю океан; отрывок заканчивается известием о Мангазейском городе и о пути в Мангазею из Архангельска. Эта вставка, в несколько сокращенном виде, имеется и в голландском переводе; а так как несомненно, что историко-географическая чрезолосица явилась результатом того, что исторический текст был втиснут в текст географический, то очевидно, что перевод был сделан с повести после того, как она уже была вставлена в «Описание».

Редакция «Описания», бывшая в руках голландского переводчика, очень близка к двум известным в печати редакциям¹⁾. Это с очевидностью показывает транскрипция собственных имен, особенно в описках²⁾. Фантастическая хронология Витзена, согласно которой поход Ермака начался в 1572 г., несомненно, восходит к опшке в русском тексте, где посылка войск против Ермака отнесена к 7080 г. Что в русском тексте явная описка видно из того, что перед тем это событие отнесено к 28-му году по взятии Казани, которое русская повесть приурочивает к 7061 г. Витзен не проверил хронологических выкладок своего источника, принял на веру 7080 г. и исходил из этой даты в дальнейшем³⁾.

Но при всей близости к известным нам спискам, редакция Витзена имела и некоторые свои отличия. Во-первых, в нескольких случаях номенклатура не вполне совпадает, и это особенно важно отметить, принимая во внимание, что переводчик рублик следовал в отношении транскрипции имен русскому подлиннику: город «Чертво городище» у Витзена назван, например, «Zortof Gorodok» и т. д. Далее в голландском тексте попадаются слова, несомненно, русского происхождения, которых в названных списках нет; например, войска, посланные для прекращения казачьих разбоев, названы «Nisovsches», т. е. «низовские» — слово, очевидно, попавшее в голландский перевод из русского

подлинника, но отсутствующее в обоих наших списках. Наряду с отдельными словами, есть некоторые дополнения и в самом тексте, при чем дополнения эти нередко носят тоже яркие черты своего русского происхождения. Таковы чрезвычайно любопытные подробности о пребывании атамана Грозы Иванова, в Москве о наградах, которые получили казаки (им, между прочим, посланы золотые копейки — *goude kopeke*) и о правительственных мероприятиях по заселению вновь завоеванной страны, в частности о посылке в Сибирь с Вологды священников, которым представлялись «вольные подводы» (*frye Podwoden*) и 20 руб. (*Roebels*) подмоги. Во всем рассказе обьяле русских слов не оставалось сомнения в заимствовании из русского источника⁴⁾. В других случаях, где заимствование не прослеживается в достаточной мере отчетливо, дополнения, которые мы находим в голландском переводе, покрывают явные пропуски в известных нам русских списках: В этом отношении интересно сравнить описание битвы под Искером в русской редакции и в голландской. В первых нет собственно описания самой битвы, которое можно восстановить по голландскому переводу.

Но самое существенное отличие Витзенской редакции от Румянцевской и Толстовской заключается в том, что в них обеих интересующая нас повесть сохранилась без конца и обрывается на приказании Кучума разбить тело Ермака. У Витзена рассказ продолжен и сообщаются совершенно оригинальные сведения о деятельности в Сибири казаков с Грозой Ивановым во главе после смерти Ермака (о походе на Абалак, о семье Кучума, о походе на княжью Обь).

Таким образом, у Витзена мы имеем повесть, входящую в «Описание Сибирского государства» в редакции, близкой к напечатанным русским спискам, однако, более полной, и, что особенно существенно, с продолжением, отсутствующим в обоих русских списках.

Витзенское издание позволяет датировать «Описание Сибирского государства» более точно, чем сделано нами в тексте. *Terminus post quem* определенно устанавливается упоминанием в «Описании» 191 года (1683), года разорения китайцами русских острогов на Зее. *Terminus ante quem* дает Витзен, который поместил повесть, извлеченную из «Описания», во втором издании, появившемся в 1705 г., и эта дата дает более точную веку, чем год смерти хун-тайчжи Гаддана, именуемого в повести Бошохту-ханом, упоминание о котором, как о живом лице, могло быть заимствовано «Описанием» из одного из его источников. Итак, время составления «Описания» определяется двадцатипятилетием с 1631 по 1705 г.

¹⁾ Археогр. Комиссия издала «Описание» по двум спискам: Публичной Библиотеки (из собр. гр. Толстого) и Румянцевского музея; раньше Титов напечатал его по одному Румянцевскому списку.

²⁾ Р. Peilak, вызвавшая недоумение Тихонова, — «Полюшка», место Пелима, известных нам русских редакций; несуществующая река Рибн произошла несомненно от заимствования названия слова Финя, и неверной передаче русских подлинником названия Хивы и т. д.

³⁾ Из двух известных нам редакций Витзенский текст ближе к Румянцевскому списку, так как в нем имеется опущенный в Толстовском сообщении о непроиску казаками торговцев из Астрахани.

⁴⁾ Имяется русские детали и в рассказе о гибели Ермака, которые тоже могут быть отнесены к русскому подлиннику, судя по тому, что и в них встречается русское слово («Stroegen или суды»).

Есть, однако, основания датировать «Описание» скорее началом, чем концом указанного двадцатилетия. Во-первых, в «Описании» нет указания на Камчатку, сведения о которой достигли Сибирского приказа, материалами которого, несомненно, пользовался составитель, не позднее февраля 1701 года¹⁾. Далее, уже в I издании Витзена 1692 года мы находим признаки использования «Описания». В целом ряде случаев здесь наблюдается очевидное сходство с текстом «Описания» как-то, стр. 497, 539 (ср. Сиб. лет., стр. 379)²⁾, позволяющее утверждать, что значительная часть «Описания» была известна Витзену через его корреспондентов уже в 1692 году, хотя в сокращенном виде, и при том не в виде отдельных повестей, а целиком, хотя и перекладом скомплектованного географического сочинения. В первом отрывке (стр. 497) к рассказу об озере Ямыше пришло известие о Мангазейском городе, и, далее, к описанию земли колмаков присоединен дорожник по Томю, как это имеет место и в русском «Описании»; во втором отрывке (стр. 539) мы находим продолжение этого дорожника, при чем к описанию путей из Томска в Кузнецк и вверх по Оби прикреплен совершенно особняком стоящий отрывок, начинающий свой рассказ с Самарского яма. Словом, это не сырые материалы, а уже обработанные произведения, объединяющее разнообразие источники, и, в виду полного совпадения текстов, не подлежит сомнению, что это было именно «Описание Сибирского государства»³⁾.

Таким образом, terminus ante quem для «Описания» значительно отодвигается назад, и можно думать, что оно составлено между 1681 и 1692 г.

В заключении надо отметить, что уже в издании 1692 г. внесено, повидимому, дословно сообщение какого-то лица, бывавшего на Урале⁴⁾, в котором излагаются вкратце сведения о походе Ермака, сильно напоминающие в некоторых деталях нашу повесть. Характерной чертой этого рассказа является путь Ер-

¹⁾ См. статью Оглоблина в Чт. О-ва Ист. и Древн. Росс., 1888, I.

²⁾ Некоторые отрывки из «Описания» попали в книгу Витзена в двух разных редакциях.

³⁾ Такое предположение подкрепляется необычайной близостью текста второго отрывка к известным нам русским редакциям, особенно в транскрипции собственных имен («Туртуранский острог» Румян, списка вместо «Туртухланского» — Турганская; «до Мулахского Очироа-хана» — tot Muchalska Otchiroia Chan, р. Тома, им. Тома — Тома и т. д.).

⁴⁾ Означательно: «Иное сообщение о роде Строгановых и о завоевании Сибири» (Valgt een ander bericht vanhoft geslacht Stroganov of Stroganzoff, in het inlassen van Siberia). Витзен не изменил даже формы этого сообщения, которое написано от собственного лица его автора, и это дадо повод предполагать, что изложенные в нем сведения записаны самим Витзенюм, и что Витзен сам был на Урале, предположение совершенно непригодное, принимая во внимание, что Витзен нигде в другом месте не ссылается на свои собственные наблюдения на Урале и что вообще, пропуская лица, состоявшего при иностранном посольстве, на внутреннюю область Московского государства не представляется в XVII веке возможным.

мака в Сибирь рекою Уткою, который в известных нам повестях о завоевании Сибири нигде не фигурирует, кроме повести, вошедшей в «Описание» (Сиб. лет., стр. 369). Поразительное совпадение мы находим, далее, в одной литературной детали при описании смерти Ермака: у Витзена сказано «donk als een Steen», в «Описании Сибирского государства» — «абие и поиде ко дну, аки камень». Есть совпадение и в других частях повествования: «Иное сообщение» утверждает, что тело Ермака не было найдено, что противоречит русской легенде, но могло быть выведено из текста нашей «Повести», в которой эпизод этот обрывается на приказании Кучума «тело Ермака из омота выволочь» и т. д. Мы видим, таким образом, много общих черт между текстом «Описания» и «Иного сообщения», и это позволяет предполагать, что мы имеем здесь сокращение повести, вошедшей в «Описание». Если эта догадка верна, то ею подкрепляется высказанная нами гипотеза о составлении «Описания Сибирского государства» или в данном случае, по крайней мере, повести, в него включенной, ранее 1692 г.

Таковы главные выводы, к которым приводит детальное изучение исторических сведений о Сибири, имеющихся у Витзена, в изданиях 1692 и 1705 годов.

К стр. 31.

Повесть, вошедшая в «Описание Сибирского государства» и называется Строганова по имени, но подразумевает, очевидно, Максима, участие которого в организации экспедиции Ермака было прочно установлено литературной традицией, начало которой относится к Новому летописцу.

К стр. 32.

При ближайшем изучении текста повести, вошедшей в «Описание Сибирского государства» выясняется один письменный источник ее. Это статья «о ваятии Сибири» в Новом летописце, которой, впрочем, автор пользовался чрезвычайно свободно. Отсюда заимствовано общее построение начала повести: переход казаков с Дона на Волгу, грабежи на Волге, дарская на них посылка, бегство Ермака с товарищами на Каму, прибытие в «Строганова вотячины». Далее в Новом летописце: «воярщина живущих тамо: которое государство граничатъ с тамо есиими?». Они же рѣша имя: Сибирское государство и есть не въ дальнемъ разстоянїи отсюда, царь же тамо именовъ Кучумъ». В повести это изложено более распространено: «мужикъ Строгановъ... убоялся Ермака с товарищи и возлюбилъ о всемъ Сибирскомъ царствѣ и о вѣрхахъ всякихъ, что въ той странѣ Сибирской всякого зѣрья избилъ и люди живущїя не храбры: мы же отъ нихъ живемъ отъ адъ за 1000 воярницъ» и т. д. Далее на статье заимствовано, очевидно, число сподвижников Ермака—600 чел.

В дальнейшем следов знакомства с Иовым летописцем не видно.

В общем итоге, автор, вероятно, зная начало статьи Нового летописца (вероятно, в позднейшей переделке), перенял последовательность рассказа до ухода Ермака от Строгановых, но все изложил по своему, добавила и изурочил. И тут, как в других случаях, скорее можно думать, что он воспроизводил прочитанное по памяти, или писал, не имея под глазами источника.

К стр. 33.

Напечатано (первый абзац): Влияние разобранной нами повести можно проследить на некоторых литературных памятниках XVII века, например, на сокращенных редакциях Еспивской летописи (по спискам Бузуновскому и Головинскому), которые из нее, вероятно, заимствовали сообщение о роли Максима Строганова и о числе сподвижников Ермака.

Следует читать: Влияние разобранных нами повестей (особого состава) которые из них и т. д.

Мнение мое сводилось к тому, что на позднейшие редакции Еспивской летописи (Бузуновский, Головинский) имели влияние как повесть, вошедшая в «Описание Сибирского государства», так и «Куптурская краткая летопись». В ходе дальнейшей работы над Сибирским летописанием я пришел, однако, к иным выводам. Выше мною показано, что на названных списках Еспивской летописи отразилось знакомство не с повестями особого состава, а с статьей Нового летописца, под влиянием которой находился и автор повести, вошедшей в Описание.

К II ГЛАВЕ ПЕРВОГО ОЧЕРКА.

Печатаемый очерк не преследует задачу дать полную Сибирскую историографию. Имелось в виду лишь отметить основные направления в разработке истории Сибирской колонизации в целом. Поэтому сознательно обойдены молчанием многие сочинения, сами по себе интересные и ценные, но касающиеся отдельных вопросов, а не дающие общей схемы¹⁾.

Со времени сдачи в печать II главы Первого очерка вышли в свет две работы по истории Сибири, имеющие общий характер. Это — I-й выпуск II части «Очерка» В. И. Огородникова (Чита, 1922 г.) и «Чтения по истории Сибири» Н. Н. Фирсова, 1 и 2 вып. (М. 1921 г.; I-й выпуск представляет собою повторение издания 1915 г.). Из них продолжение книги Огородникова, по характеру своему, не отличается от первой ее части: не ставилось целью самостоятельного исследования, автор дает сводку всей литературы по данному вопросу, не вносящую новых выводов, но полезную и необходимую при вступлении в состояние исторической

литературы по Сибири; значение его работы лишь отчасти умалется излишней зависимостью от пособий, недостатком, который в значительной степени присущ и первой части его труда.

Что касается «Чтений» Н. Н. Фирсова, то отсутствие метода и склонность к названной морализации, недостаточное знакомство с первоисточниками, даже запечатанными, а главное, ряд мало объяснимых ошибок лишает их серьезного научного значения¹⁾.

Как любопытное явление последних лет, находящееся в связи с пробуждением областной жизни, отмечу появление большой литературы по истории отдельных областей Сибири, давшей ряд интересных по замыслу работ.²⁾

К I ГЛАВЕ ВТОРОГО ОЧЕРКА.

К стр. 68.

На ряду с Устюгом крупное торговое значение приобретает в XVII в. на Печорском пути и Соль-Вычегодская, куда с Москвы выезжали каждую осень торговые люди для закупки пушнина, шедшей на-за Урала.

К стр. 68—70.

Более точные данные об возникновении Усть-Цильмы, на основании ненапечатанного материала, см. в моей статье «Сибирские слободки в XVII в.», во II т. Трудов Государств. Научно-исследов. Колонизационного Института (Москва, 1926 г.).

К стр. 84.

River Naramzau или Naramzau упоминается как у Бёрро (Nasburt, изд. Everyman's Library, I, стр. 348), так и в инструкции Томаса Рандольфа 1588 года (там же, II, стр. 95); в последней сказано, что между Вайгачем и Обью есть бухта, в которую впадают две реки: Кара (Cara Resca) и Naramzau. Возможно, что мы имеем тут смешение с Наромским морем.

К стр. 91 и след.

Над историей Строгановых работает в настоящее время А. А. Введенский; за последние годы он напечатал несколько чрезвычайно ценных статей, являющихся, повидному, отрывками одного большого исследования: «Строгановские школьники»

¹⁾ Такого многочисленного яруса в энциклопедическом очерке: к тулусской группе автор относит (изм. I, стр. 8) гиланов, кирзиков, чукчей, и тюркской группе — калмыков; на среднюю течени Оби он открывает (стр. 7) «неско калмыков или Наром», — очевидно, отсылку «Алемуу ерду»; подобную же неточность встречаем и в других местах книги: изустоты, прикомандированных к китайскому посольству 1629 г., он называет «китайскими великими послами» (стр. 35), цугат русскими с обозначением (стр. 53) и т. д.

²⁾ Н. Н. Козьмин, Халхис (Иркут. 1925). Г. Поном. История Якутия (Якут. В. А. Смирнов Истор. очерк Ленского края. (Красн. 1926). М. П. Богданов. Очерки истории бурят-монг. народа, под ред. Козьмина и др. (Верхнеуд. 1926).

¹⁾ Краткую историографию Сибири см. у Огородникова «Очерк истории Сибири до начала XIX в.», т. I, Введение, 3, Очерк сибирской историографии, стр. 45—91 (Иркутск, 1920 г.).

(Архив истории труда в России, 1921, кн. III, стр. 63—70); «Яныя Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве» (Сборн. статей по рус. истории, посвященных С. Ф. Платонову, 1922 г., стр. 90—113); «Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII в.» (журн. «Север», 1923 г., кн. III—IV); «Происхождение Строгановых (там же, 1923 г., кн. II); «Служащие и рабочие люди у Строгановых в XVI—XVII в.» («Труд в России» 1924 г., кн. I, стр. 64—71); «Строгановы в Вологде» («Север» 1925, кн. V). Кроме того, им в 1924 г. издано под заглавием: «Торговый дом XVI—XVII вв.» (в «Памятниках социально-экономической истории России», под ред. А. И. Заозерского и В. Н. Кашина) собрание ненаданных документов по Строгановым. Все перечисленные работы, безукоризненные по научному методу, свежие по материалу и богатые содержанием, вносят так много нового в изучаемый вопрос, освещая до сих пор ускользавшие от внимания исследователей стороны, что заставляют с большим нетерпением ожидать появления всего исследования А. А. Введенского в целом. Судя, однако, по сборнику: «Торговый дом XVI—XVII вв.» в распоряжении автора не имеется лил имеется очень мало новых данных о деятельности Строгановых за Уралом. Повидимому, безумная по замыслу и увенчавшаяся таким неожиданным успехом, разбойничья экспедиция в долину Тобола должна рассматриваться лишь как случайный эпизод в колонизаторской деятельности Строгановых, главное внимание которых было направлено на эксплуатацию соляных источников Прикамья.

На отдельных тем, разрабатываемых А. А. Введенским в его статьях, я позволю себе коснуться лишь вопроса о «Происхождении Строгановых», так как он имеет некоторое отношение к историкографии Сибири. Автор оспаривает общепринятое мнение о новгородском происхождении своих крестов. С большой тщательностью и искусством он подвергает критическому разбору «косвенные указания, почерпаемые из летописи, двинских списков и родовых легенд», и отрицательные выводы, к которым он приходит, следует признать во многих отношениях убедительными. Слабее та часть его работы, где он пытается выяснить появление литературной традиции о новгородском происхождении Строгановых. Автор полагает, что традиция эта создана в XVIII в. Миллером, который в данном случае ссылался на Витзена, и утверждает, что Миллер, цитируя Витзена, «допустил ошибку», так как «разбор сообщений Витзена о Строгановых... решительно не дает реальных данных для выведения Строгановых из Новгорода». «Миллер», говорит он, «считал, что Строгановы — новгородцы родом, чего у Витзена нет, свою догадку неосторожно приписал Витзену; остальные историки, пользуясь исключительно Витзеном из вторых рук через Миллера и Карамзина, повторили эти ошибки». Добросовестность и ученая осторожность Миллера, казалось, должны были служить гарантией точности его цитаты. Действительно у Витзена (цитирую издание 1785 г.,

которым пользуется и автор) на стр. 717 читаем про Ермака: «is hy gekomen ter plaetze alwaer een Strogonof woonden; deze Man was gebortig van Novgorod». Таким образом, свои сведения Миллер действительно заимствовал у Витзена. Мы можем, однако, выяснить и источник самого Витзена. Это, как указано мною в тексте, «Описание Сибири», составленное между 1683 и 1705 годами в Москве, где сказано: «А тот мужик Строганов породею новгородец, посадской человек, ниже от страха смерти и казни великого государя царя Иоанна Васильевича всея России самодержца из Новгорода убежал со всем домом своим в зырянки, сиречь в Пермь великую, чрез Великий Устюг на вершину Камы реки, на места изобильные, на великую реку Каму» (Сиб. лет., стр. 368—369). Итак, мы имеем дело с литературной традицией уже XVII века, и это обязывает исследователя так или иначе попытаться объяснить ее происхождение, прежде, чем считать вопрос разрешенным.

К стр. 101, примеч. 1.

Адам Бранд пользовался, повидимому, путевым журналом посольства. Составленное самим Избрандом описание его путешествия, напечатанное во французском переводе в VIII т. амстердамского издания: «Recueil de voyages au Nord», мало разнится поэтому с фактической стороны с рассказом Бранда, как легко убедиться из сравнения обоих текстов, но требуется специальное исследование, чтобы установить взаимное между ними отношение. Во всяком случае, второе издание книги Бранда, вышедшее в 1719 г., дополнено и переработано по печатному тексту Избранда.

К II ГЛАВЕ ВТОРОГО ОЧЕРКА.

К стр. 128—131.

В делах Якутского Правления (в. I, № 19) имеются любопытные показания об экспедициях енисейского десятника Елеси Юрьева, которому в 1636 году было поручено «йти с служащими людьми на Яму и которые реки впадут своим устьем в море». В этих показаниях имеются сведения о трех описанных в тексте путях к Ледовитому океану: морем на Оленек («вышед-де из Ленского устья и пошли морем возле берег по левую сторону... и морем парусом бежали день» и т. д.), морем на Яну («пошел морем по другой стороне от Ленского устья возле берег к Янскому устью, и шли морем в кочах 2 недели, и на море-де их разбило на кочке») и, наконец, сушией на Яну, «зимним путем нартами через Камень».

К ТРЕТЬЕМУ ОЧЕРКУ.

К стр. 143.

На отдельных монографиях, разъясняющих темные вопросы из истории открытия Сибири, которые вышли за последние годы, следует отметить прекрасные по детальности и точности исследования Л. С. Верга: «Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука» (в записках по Гидрографии, т. II (XVIII), выг. 2, 1920 г.) и «Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга» (М. и Петр. 1924 г.).

К стр. 166.

Прозвище Хаброва — Святитский усталапливается Прик. делами ст. лет. 1630 № 79, и 1629 № 28.

К стр. 169.

Насколько реальны были торговые интересы России в Китае в конце XVII века и как благоприятно отразилось на русской торговле заключение мирного договора в 1689 г., показывает то обстоятельство, что точно по подписанию договора, Ф. А. Головин, не смысля с Москвою, прямо «из разрядного шатра» послеша отпустить для торгу «в Китай» караван из служилых и торговых людей. Привоз китайских товаров в 1690/1 г. выразился в сумме 14.473 р. в 1691/2 г. — 23.951 р. 10 коп., в 1693/4 г. — 50.686 р. (Спб. впрк. кн. № 1063, лл. 170, 178, 203—204, 228).

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

- Абалам, село — 12, 24, 31.
 Аблай-хит — 44.
 Абский остров — 173.
 Авакчиюм губа — 54.
 Азия — разн.
 Айгул (Сахалин-Ула-Хотон), гор. — 136, 168.
 Акмолинск, г. — 167.
 Аляскот, р. — 110, 128, 132, 164.
 Амурская вола — 61.
 Албани (Альбицкий остров), г. — 134, 167, 168.
 Адаш, р. — 128, 135, 139, 140, 162, 163, 166.
 Алаутско о-ва — 170, 171.
 Алтай — 169, 172.
 Аляска — 171.
 Алтай-нор (Уиса), оз. — 159.
 Амазар, р. — 134.
 Амега, р. — 140.
 Амгинская переправа — 140.
 Амгинское зимовье — 162.
 Америка — 170, 171, 172.
 Аму-Дарья, р. — 172.
 Амур, р. — 18, 38, 110, 128, 132—136, 166, 167, 168, 169, 174.
 Амадир (Амадир) — 110, 128, 129, 165, 171.
 Амадирский остров — 132, 165.
 Ангар, см. Тунгуска Верхняя.
 Ангар, р. — 129.
 Английский берег — 124.
 Арамчельская слобода — 102, 103.
 Арамчельский остров — 108, 109.
 Аргуня, р. — 168.
 Архангальский форпост — 173.
 Архангельск (Архангельский город), г. — 68, 74, 77, 83, 85, 147, 148, 171.
 Астрахань, г. — 147.
 Аташ, урочище — 7.
 Атинский городок — 26.
 Астенная слобода — 102.
 Баба, р. — 90.
 Бабаньши, урочище — 26.
 Баввал, оз. — 43, 133, 137, 138, 163, 166, 167.
 Балаганский остров — 164.
 Балканский п-ов — 174.
 Балтийское море — 147.
 Бараба — 155, 156, 173.
 Баранча, р. — 27, 42, 90.
 Баргузы, р. — 166.
 Баргузинский Култук — 137.
 Баргузинский остров — 110, 137, 138.
 Белая Воложка, р. — 107.
 Белогорье, Белогорская волость — 29, 157.
 Белое море — 68, 80, 147.
 Белозерский остров — 173.
 Большая переправа — 140.
 Белый остров — 81.
 Березов (Сугмун-ам) и Березовский у. — 55, 62, 63, 67, 73—75, 78—80, 83, 87, 90, 100, 155, 157.
 Березовка, р. — 89.
 Берингов пролив — 128, 129, 165.
 Берингово море — 132.
 Бийский остров — 159, 173.
 Бисерть, р. — 108.
 Бия, р. — 159.
 Бяудная, р. — 140.
 Бывальская губа — 71.
 Бывальцевская гудра — 71.
 Бывальцевская крепость — 173.
 Большой Боев камень — 139.
 Борхайская (Оволокена) губа — 129.
 Братский остров — 137, 161.
 Британский остров (Britin Sted, Белый остров) — 81.
 Брица (Брица), р. — 135.
 Буларское шарево — 88, 107.
 Буруль берег — 83.
 Бутальское зимовье — 163.
 Бухара (Бухария) — 22, 38, 58, 88, 108.
 Бык Владовский, шивера — 124.
 Вага, р. — 74.
 Вайай, р. — 7, 23, 173.
 Вайайский остров — 166.
 Вайгах, о-в — 81, 84.
 Вараддей Большой, остров (Dobol Varamdal) — 81.

Варандеевы земли — 81.
 Вах, р. — 112—114.
 Великий (Тихий, Восточный) осян — 110, 132, 163, 165, 169, 170, 171.
 Вердоловский остров — 139, 143, 166.
 Верхотурский остров — 102, 104.
 Верхотурье и Верхотурский у. — 16, 55, 73, 80, 90, 102—107, 109, 156, 158.
 Верхнеудинский остров — 167.
 Верхнеудинский форт — 173.
 Верхотурский хребт — 123.
 Верхотурьянский город — 100.
 Вилья, р. — 89.
 Виллеровы земли — 80.
 Вилей, р. — 100, 123, 127, 162.
 Вилера, р. — 88, 89, 102, 156.
 Витра, р. — 13, 145, 147.
 Визага, г. — 108, 107.
 Визосница, р. — 89.
 Волочанка, приток р. Мая — 139.
 Волочанка, приток р. Таза — 114, 120.
 Волочанка, приток р. Турутама — 114, 121.
 Волочанка (Черная) — 112.
 Волхов, р. — 145.
 Восточн-Европейская равнина — 143.
 Восточный остров — 67.
 Вятка, р. — 61, 65, 66, 73, 74, 100, 146.
 Вятка, р. — 61, 65, 66, 69, 80.
 Вязьма, г. — 148.
 Вятка, г. — 147.
 Габны, поселок — 89.
 Гавина (Чендои), р. — 129, 165.
 Гавинское царство — 18.
 Гавнола, р. — 61.
 Гавом (Гавом), р. — 135.
 Гербата, р. — 139, 168.
 Гетское царство — 143.
 Грозное оз. (Семешкуль) — 18 (19).
 Даматов монастырь — 168.
 Дания — 169.
 Даури, Даурия, Даурская земля — 139—135, 139, 166, 167, 168.
 Демьинка — 167.
 Демьянский ям — 116.
 Дербицкий уезд — 109.
 Дюмидо острова (о-ва Гюндона) — 164.
 Долгий порог — 136.
 Доломский остров — 136.
 Дюи, р. — 167.
 Екатеринбург — 55, 108, 109.
 Езюга, р. — 114, 122.
 Езюгаевский остров — 112.
 Ель, Елец, р. — 62, 75, 78.
 Енисей (Енисей, Гийси) — 110—114, 120—124, 127, 133, 160, 161, 163, 170.
 Енисейский (Енисейский остров) и Енисейский уезд — 78, 79, 84, 85, 110—113,

123, 124, 127, 128, 137, 139, 140, 162, 158, 160, 161, 162, 163, 166.
 Енисейский остров — 114, 120, 121, 161.
 Енисейский юрт, Еланино, см. Туркестан.
 Ериксонские озера — 135, 139.
 Ериксонский остров — 110, 139.
 Ериксон, оз. — 138.
 Ериксонские городища — 28.
 Железничная крепость — 157, 172.
 Жераль, р. — 157.
 Жигальное зимовье — 162.
 Жукотки, г. — 145.
 Забайкалье — 144, 145.
 Заволочье — 144, 145.
 Заветное (и Камешная) — 81, 82.
 Заубайский берег — 81.
 Заульга-ир, оз. — 22.
 Зауринская крепость — 173.
 Зелена (Се-лага, Бакуита), р. — 81—83, 87.
 Зелене (Ямбу-то — Длинное), оз. — 82.
 Зел (Зел) — 30, 110, 135, 136, 166, 167, 168.
 Зинтогорский рудник — 173, 174.
 Золотая Орда — 146.
 Зулудский остров — 173.
 Игирна (Игирна), р. — 125.
 Иленинская слобода — 63, 68—70, 73, 75.
 Илма, р. — 61—63, 68, 144.
 Илени — 124, 125, 136, 162.
 Иленинский остров — 125, 126, 161, 162, 165.
 Илеч, р. — 63.
 Илма, р. — 100.
 Илчид, р. — 138.
 Илчидский (Собачий), р. — 110, 128, 163.
 Ирбит, слоб. — 108, 169.
 Иркутский остров — 138.
 Иркутский уезд — 138, 166.
 Иргезь, оз. — 138, 166.
 Иркут, р. — 161.
 Иркутск (Иркутский остров), г. — 137, 161.
 Иршик, р. — 7, 10, 11, 88, 89, 92, 114, 146, 148, 150, 151, 154—157, 169, 170, 172, 173.
 Искя, р. — 88, 173.
 Искер (Сибирь, Камлик), г. — 9, 20, 24—26, 32, 151, 152.
 Ишим, р. — 160, 170, 172, 173.
 Ишимский остров — 156, 167.
 Имядьи, о-в — 170, 171.
 Имядьи, г., Казанское царство — 63, 88, 90, 91, 101, 103, 107, 109, 146, 147, 149, 151, 152.
 Имядьи — 31, 71.
 Искитворд, г. — 95, 103.
 Искитворд — 171.

Кама, р. — 31, 61, 63, 88—95, 97, 102, 108, 146, 148, 165, 166.
 Камешный нос — 110, 164.
 Камчатка — 165, 170.
 Камша нос, о-в — 80, 81, 85.
 Канвор городок — 95—97.
 Караульный яр — 25.
 Карская губа (Нярэксское море) — 81, 82, 89, 87.
 Касимов, г. — 103.
 Кайский остров — 108—109.
 Катик, р. — 135.
 Кашня порог — 124, 125, 127.
 Кашлик, г., см. Искер.
 Кемчик, р. — 159.
 Кемь, р. — 111, 112.
 Кергедая (Орел), городок — 96, 97.
 Кетик (Кетинский остров) — 79, 112, 113, 160.
 Кеть, р. — 110—112, 160.
 Киртас, г. — 63, 77.
 Китай — 22, 38, 101, 132—134, 138, 145, 167, 168, 174.
 Кода, количество — 66, 67.
 Коломидинский, г. — 103.
 Колпа, р. — 89.
 Колтуев о-в — 80, 85.
 Колтогори (Холмогори), г. — 70, 84, 148.
 Колтоковский яр — 110.
 Колома, г. — 103.
 Колчиданская слобода — 108.
 Колчанский завод (Колчанка) — 173, 174.
 Колма, р. — 110, 128, 129, 131, 132, 164, 165.
 Командовские зимовья (Верхнее, Среднее и Нижнее) — 164.
 Конда Большая и Малая — 156, 157.
 Конра — 174.
 Корванский остров (Илма) — 173.
 Корвалка (Хайлуурская) губа — 81.
 Косов, р. — 102.
 Косов остров — 140, 165.
 Котайский остров — 104.
 Котуки, городок — 20.
 Красноярск (Красноярский остров), г. — 42, 79, 160.
 Крестовый о-в — 18.
 Крутое оз. — 130.
 Кузнецкий остров и уезд — 160, 160, 173.
 Кулеша, р. — 128.
 Кулей, р. — 160.
 Кунгур, г. и уезд — 26, 101, 108.
 Кунюват — 71.
 Куя, р. — 136.
 Курган (Царев Городище) — 157, 173.
 Курдоски, р. — 4.
 Куралские острова — 171.
 Куя (Куя), р. — 123, 126, 127, 162.
 Кыра, р. — 102.

Лабутал, волость — 20.
 Ладога, г. — 144.
 Ламонская слобода — 70, 71.
 Ламонский остров — 173.
 Леденный шар — 119, 120.
 Лейпциг, г. — 147.
 Леня — 107, 110, 111, 120, 123—129, 133, 134, 139, 158, 160; 161, 162, 163, 164, 165, 166, 170.
 Ленский остров — 110, 124—128, 161, 162.
 Лиска о-ва — 171.
 Литва — 87, 147, 148.
 Лиска, р. — 89—91, 102, 155, 156.
 Лозлаевский город — 100, 155, 156.
 Лали, р. — 103, 104.
 Ламонский караул (с Караульским) — 104.
 Лапин, р. — 63, 67.
 Ляховские о-ва — 170.
 Майское зимовье — 139.
 Манюевский остров — 110—112.
 Манюевский остров — 111, 160.
 Мал-то, оз. — 82, 166.
 Мангалейские моря (Тазовская губа) — 82, 83, 85, 110, 114, 117, 129, 132.
 Мангалей, Мангалейский (Тазовский) город — 48, 55, 56, 62, 71, 73, 74, 76—80, 82—87, 104, 105, 110, 114, 115, 116, 118—124, 127, 128, 143, 149, 152, 158, 160, 161, 162, 163.
 Манчжурин — 174.
 Марьяля — 173.
 Мая, р. — 139, 163.
 Медицинский завод — 81.
 Менинская губа — 80.
 Мезень, р. — 62, 63, 73, 74, 80.
 Мезень (Мезенская слоб.), г. — 70, 71.
 Мерген, гор. — 163.
 Милуанские, г. — 161.
 Молода, р. — 139.
 Молчан, р. — 102.
 Монгольское (Мунгалское) царство — 22, 168, 174.
 Моревский форт — 173.
 Моревский о-в — 85.
 Москва — 165.
 Моготоя, р. — 103.
 Мура, р. — 125, 126.
 Мушлы В. и Н., р. — 90.
 Мура, р. — 124.
 Муранский порог — 124.
 Муром, г. — 103.
 Мутана (Се-ара или Ней-то-се-ара), р. — 81—83, 87.
 Мунтун шар (Muntarin, Magitar) — 81.
 Малин (Налин) — 11.
 «Паравский (Паравский), р. — 84.
 Парик, г. и у. — 55, 79, 112, 138.

Науи (Нонни), р. — 135.
 Находка, о-в — 115.
 Наньшанская слоб. — 102.
 Нанша, р. — 102.
 Ней-те, группа озер. — 82.
 Нем, р. — 89.
 Нема, р. — 128.
 Нерва, р. — 136, 138, 167.
 Нерчинск (Нерчинский остров), г. — 135, 138, 139, 167.
 Никитин-Новгород, г. — 103.
 Никанья — 132.
 Нингута, г. — 167.
 Нипа, р. — 4, 102.
 Новгород Великий, г. — 2, 31, 64, 65, 67, 145—146.
 Новоархангельский порт — 171.
 Носовый городок, см. Обдорск.
 Нягца (Нюгца, Нюаца), р. — 134.
 Нягца, р. — 135.

Обдорск (Обдорский городок, Носовый городок, Пушин-Алот-нан, Сале-гарден), Обдор. — 63, 71—77, 79, 118, 122.

Обдорская застава — 74—77, 79, 120.
 Обдорский ям — 103.
 Обская губа — 71, 75, 80, 82—84, 114, 115, 122, 162.
 Обский городок (Мушамский городок?) — 154, 158.
 Обь, р. — 11, 61—64, 66, 73, 77, 79, 83, 84, 89, 102, 110, 112—115, 122, 147, 149, 151, 154, 155, 157—159, 161, 170, 172.
 Омокон, р. — 129.
 Оса (приток В. Тунгуска), р. — 137, 161.
 Оладана шивера — 124.
 Оленка, р. — 126, 134, 135, 166.
 Оленкинский остров — 162.
 Олесек, р. — 110, 129, 163.
 Ологонский камень — 103.
 Олхон (Олхон) о-в — 137.
 Олхонский мыс — 132.
 Оловяная губа, см. Беринговская губа.
 Омская крепость (Омск) — 157, 172, 173.
 Омутная крепость — 173.
 Омь, р. — 157.
 Оня, р. — 128.
 Орловбург, г. — 174.
 Орлов городок — 145.
 Орлов заводок — 96.
 Очер, р. — 92, 96.
 Очерский городок — 96.
 Ошан, р. — 92.
 Охотск, см. Косов островок.
 Охота, р. — 110, 128, 139, 140.
 Охотское море — 128, 139, 163, 165, 167, 171.

Пайда, р. — 103.
 Падиский Камень — 102.
 Падисское (Подпадисское избушко) — 102, 104.
 Падуи порог — 136.
 Паппи Бугор, урочище — 21.
 Песа, р. — 62—63.
 Песный волок — 62.
 Пенга, г. — 168.
 Пелым, гор. и у. — 55, 90, 104, 156.
 Пелымское княжество — 89.
 Пельменное княжество — 155, 156.
 Пенжинка, р. — 129, 165.
 Пенжинский хребет — 129.
 Пенжинское море — 128, 165.
 Переломаль, г. — 103.
 Пермь, область — 13, 31, 69, 89, 90, 94, 95, 97, 109, 147, 153.
 Персия — 174.
 Перу — 153.
 Пеставая Булава, р. — 83.
 Петербург, г. — 49, 50.
 Петропавловская крепость — 173.
 Петров-Алота, р. — 61, 72, 75, 77, 84, 89, 144, 146, 147, 154.
 Печерская губа — 81.
 Пинга, р. — 62, 74, 80.
 Пингиский волок — 62.
 Повозки — 169.
 Повалье оз. — 20.
 Погача (Покач), р. — 132.
 Подволочное озеро — 121.
 Подчеры, р. — 73.
 Покуз, р. — 75.
 Полюша — 147.
 Поморье — 84, 87, 100.
 Походный порог — 136.
 Пресногорышская крепость — 173.
 Прибылова, о-ва — 171.
 Пур, р. — 114, 122.
 Пурувская губа — 115.
 Пурувский остров — 115, 119.
 Пуруговское (Пуругозеро) г. — 69—73, 80, 81, 83, 122, 144.
 Пышорский монастырь — 93, 97.
 Пышорский мыс — 95.
 Пышца — 161.
 Пыцкий порог — 136.
 Редантинская ула (в Новгороде) — 144.
 Релья, р. — 102, 108.
 Роговой (Сукмар) городок — 71, 73, 147.
 Ростек, селенье — 102, 104.
 Росток, г. — 103.
 Рубика, р. — 62.
 Ругодон, г. — 147.
 Русский заводок — 81, 115, 118.
 Рыбная (Рейвайна), р. — 81.
 Рыбная слоб. — 30.
 Рыцань, г. — 103.

Саморок городище — 29, 43.
 Сас-Франциска, г. — 171.
 Саралуй, г. — 30.
 Сауканский мыс — 21.
 Сахалин о-в — 168.
 Саян — 169.
 Саянская армария — 137.
 Северная Двина, р. — 61, 62, 65, 80, 83, 145.
 Северный Ледовитый океан (Сыгтое море, Лама) — 164, 165, 169, 170.
 Северо-Амурская рашка — 61.
 Селенга, р. — 137—139, 166, 167, 168.
 Селенгинск (Селенгинский остров), г. — 167.
 Сельбинский остров — 133, 134, 136.
 Семипалатинская крепость — 157, 172.
 «Семь юкаты» — 44.
 Сергеево-Троицкий монастырь — 103.
 Серебрянка, р. — 18, 30, 37, 42, 90.
 Сибирская князьщина — 172.
 Сибирское царство — 89, 151—154.
 Сибирь — разн.
 Сипира, р. — 189.
 Ситха о-в — 170, 171.
 Смоленск, г. — 147.
 Собская застава — 75, 80.
 Собы, р., приток Оби — 62—64.
 Собы, р., приток Усы — 62, 74—79.
 Соль Вычегодская, г. — 63, 71, 79, 91, 100, 102, 103.
 Соль Кананая (Канское Устье), город и уезд — 88, 90, 91, 95, 97, 101—104, 108, 109, 169, 148.
 «Соренор (?)» — 151.
 «Соринская земля (?)» — 151.
 Сосыла, р. — 63, 103.
 Сочур — 111.
 Сталовал, р. — 115, 119.
 Стрелочный порог — 124.
 Суверский фьорт — 173.
 Сузун, урочище — 21.
 Суудальская земля — 65.
 Сургут, город и уезд — 55, 74, 79, 110, 113, 114, 158.
 Сурмак, р. — 102.
 Сухарево князьство — 110.
 Сухое море (Сухое море) — 81.
 Сухота, р. — 61, 64, 65, 108.
 Сигна, р. — 63, 77.
 Силла, р. — 27, 90, 91, 94—95.
 Силвенский городок — 97.
 Сим, р. — 114.
 Симский волок — 110.

Тайда, р. — 84, 89, 162, 155.
 Тагил (Тагил) — 90, 100, 155.
 Тагилская застава — 104.
 Тагилский волок — 90.

Тай, р. — 114, 116, 119, 120, 122, 149, 150, 161.
 Тай, р., приток Силла — 90.
 Таловская губа, см. Мангазейское море.
 Таловский город, см. Мангазена.
 Тай-Халнта, хребет — 128.
 Тара, город и уезд — 22, 55, 155, 157, 172.
 Тарбагатайский хребет — 172.
 Тарханский остров — 156.
 Таур, р. — 163.
 Талтагская волость — 150.
 Тачкен (Ташкен) — 92, 98, 150, 153.
 Теленгинский остров — 156.
 Теленга, оз. — 138, 139.
 Теленгинский (Теленгинский) остров — 139, 167.
 Терекский берег — 145.
 Тешоки, г. — 103.
 Тибет — 168.
 «Тингузия» (Tingoesia) — 149.
 Титля, р. — 127.
 Тобол, р. — 89, 92, 98, 100, 146, 148, 150, 154, 156, 157, 173.
 Тобольск, город и уезд — разн.
 Токтои, г. — 128.
 Тома, р. — 112.
 Томск, гор. и уезд — 28, 43, 74, 79, 160, 163.
 Торская, вол. — 20.
 Тотля, г. — 103.
 Троицкий, р. — 85.
 Трощаки, г. — 157.
 Тубинская земля — 161.
 Тунгир (Тунгир), р. — 135, 166.
 Тунгирский волок — 110, 134.
 Тунгирский остров — 133.
 Тунгуска Верхняя (Ангара) — 123—125, 161, 162, 165, 166.
 Тунгуска Нижняя — 112, 113, 130, 122, 159, 157, 135, 161, 162.
 Тунгуска Подземная — 112, 113, 120, 159, 161.
 Тунгуский волок — 125.
 Тунгусский порог — 124.
 Тура, р. — 20, 90, 102, 103, 150, 154—156, 173.
 Тура, р., приток Нанша — 125.
 Туринск, гор. и уезд — 20, 55, 104, 150, 156.
 Туркетан — 172, 174.
 Туркест, р. — 137.
 Турухан, р. — 144, 126.
 Туруханское князьство (Туруханск) — 44, 110, 114, 121—124, 150, 161, 162.
 Турия слобода — 70.
 Турушка — 4, 16, 20, 25, 43, 80, 102, 107—109, 152, 154, 156.
 Тюменский волок — 149.

Тим, р. — 114.
Тим, р. — 111.
Уба, р. — 173, 174.
Уда, р. — 138, 139, 163, 167.
Удинский остров — 139.
Удь, р. — 139.
Уальский возок — 139.
Уалья, р. — 110, 139, 163, 166.
Урал (Камень, Югорский камень) — раз-
сиян.
Урак, р. — 140.
Уриа (Ур), р. — 134.
Уса, р. — 62, 63, 71, 73, 75.
Усола, р. — 102.
Усоля, р. — 96.
Уткюг, г. — 31; 61, 62, 64, 65, 68, 71,
88, 103, 122, 147.
Усть-Вымский город — 66.
Усть-Камышевская крепость — 157.
Усть-кут, г. — 165.
Усть-Ламинская крепость — 173.
Усть-Шурва (Усть-приврапский остров) —
166.
Усть-Цилимская слобода (Цилимская
слобода) — 63, 68—73.
Утла, р. — 101, 102, 106.
Утлинская (Чуевская) слобода — 102,
108, 109.
Утлинский остров — 173.
Уфа, город и уезд — 88, 107, 108, 109.
Ухта, р. — 61, 166.
Учур, р. — 133.
Уя, р. — 161.
Уядинское языко — 131.
Хайндерская губа, см. Корюца.
Халха — 162.
Хива (Юргенды) — 103, 174.
Хазок, р. — 138, 167.
Холмогоры, см. Коллегогоры.
Хрома, р. — 130, 131.
Хутинский монастырь — 2.
Цаьма, р. — 62, 68, 149.
Цицвар, г. — 168.
Чадлерский городок — 28.
Чангская губа — 164.
Чендон (Гонга), р. — 129.
Чендонский хребет — 129.
Чердын, г. и уезд — 41, 88, 89, 95,
101—103.
Чернавский остров — 173.
Черная (Тегнала), р. — 81.
Черная кошка (носа) — 115, 116.
Чернолуцкий остров — 173.
Черные горы — 115, 119, 122.
Ческая губа — 81.
Чесский возок — 89.
Чина, р. — 85.
Чингал, р. — 102.

Чингы-Тура, г. — 162, 154.
Чирна, р. — 62.
Чита, р. — 138.
Чичуй, (Чечуй) р. — 128.
Чичуйский возок — 110, 128.
Чичуйский остров — 128.
Чона, р. — 127.
Чортово городище — 30.
Чома, р. — 80.
Чуавино — 30, 24, 25, 152.
Чуавинский мис — 131, 168.
Чуветский полуостров — 165, 169.
Чурма, р. — 127.
Чуовал, р. — 88, 90, 91, 96, 96, 100—
102, 104, 108.
Чуевская слобода, см. Утлинская слоб.
Чуевские городки, Верхний и Ниж-
ний — 96, 97.
Чуевский возок — 101.
Чуевское оз. — 89.
Шакла, р. — 90.
Шеманский порог — 136.
Шимаха, р. — 147.
Шерлоповы жилища (Сегаревы сосисы) — 81.
Шидна, р. — 133, 136, 138, 139, 166, 167.
Шиджинка деревня — 31.
Шом-Вумка (Тетера), р. — 61.
Шувийский ям — 103.
Шумалинское острово — 171.
Щугор, р. — 63, 73, 77.
Щучья Кураля — 139.
Юг, р. — 61, 64.
Югорский шар — 81, 83, 85.
Югра, (Югорская земля) — 64—67, 72,
73, 144, 146, 148, 151.
Юдома, р. — 139.
Юдомский валон (Юдомский крест) —
139, 140.
Юкагирская аска — 164.
Юрмил, р. — 90, 98.
Юргенды, см. Хива.
Яблоновый (Становой) Хребет — 16,
108, 109.
Яна, р. — 96, 102.
Янинский городок — 96, 97.
Якутка (Якутский остров, Ленский
остров), г. — 79, 124, 126, 127, 128, 133,
133, 140, 162, 164, 165, 166.
Ялмал, (Ямал) полуостров — 81, 82.
Ялуторовски (Ялуторовский остров) — 156.
Ямши, оз. — 157.
Ямшенинская крепость — 157, 172.
Яна (Янга), р. — 128, 162, 163.
Япанчин шар — 115.
Япония — 174.
Яренки, г. — 69.
Яренский, г. — 109.
Ярмалд — 172. *
Яснольба, возок — 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	III—V
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ	
Вопрос о распространении русского владычества в Сибири в истори- ческой литературе.	
I. Сибирские летописи	1
II. Главные точки в Сибирской историографии в XVIII в.	36
ОЧЕРК ВТОРОЙ	
Пути в Сибирь в XVI—XVII в. в.	
I. Пути за Урал в XVI—XVII в. в.	61
II. Пути в Восточную Сибирь	110
ОЧЕРК ТРЕТИЙ	
Русское продвижение за Урал.	143
Добавления и поправки	173
Указатели географических названий	193
Историческая карта Сибири.	

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. БАХРУШИНА и М. ЦЯВЛОВСКОГО.

Задача издания дать в легкой и занимательной форме изображение развития русской культуры и картину жизни и быта разных слоев русского народа в показаниях свидетелей и деятелей нашего прошлого.

Ауэр, Л. Среди музыкантов	2 р. — к.
Брюсов, В. Из моей жизни. Воспоминания	2 р. — к.
Брюсов, В. Дневники 1891—1910.	2 р. 80 к.
Гершензон, М. Письма к брату	2 р. 80 к.
Григорович, Е. Зарницы. Наброски из революционного движения 1905—1907 г.	1 р. 40 к.
Денябрысты на поселении. Из архива Якушкиных.	2 р. — к.
Жемчужников, Л. От кадетского корпуса к Академии Художеств 1828—1852 г.	2 р. — к.
Жемчужников, Л. В крепостной деревне. 1852—1855.	2 р. 80 к.
Кузинская, Т. А. (рожд. Берс). Моя жизнь дома и в Ясной Поляне в 3-х томах. С портретом. Цена каждого тома	2 р. — к.
Менделеева, А. Менделеев в жизни	2 р. 60 к.
Суслова, А. П. Годы близости с Достоевским. Дневник. Повесть. Письма	2 р. 50 к.
Толстая, С. А. Дневники. 1860—1891 гг.	2 р. 80 к.
Тютчева, А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник.	2 р. 80 к.
Толстой и Тургенев. Переписка.	1 р. 60 к.

ГОТОВЯТСЯ:

Толстая, С. А. Дневники. Части 2-я и 3-ья.

Тютчева, А. Ф. При дворе двух императоров кн. 2-я.

Чичерин, Б. Н. Московский Университет. Воспоминания.

Шахматов, Е. А. Повесть о брате. Воспоминания об академике А. А. Шахматове.

Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХ

Москва, 9, Никитский б. 8, кв. 7. Тел. 3-34-40.

В. ЖДАНОВ

ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Молодость.—Семейное счастье.—Семейный разлад.

По незадавшим материалам. С портретами. В 2-х частях. Цена каждой части 3 рубль.

(Печатаются).

Г. ЧУЛКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ТЮТЧЕВА

Е. А. Денисьева.

С портретом. Цена 1 р. 20 к.

ГЕРШЕНЗОН, М.

ГРИБОДОВСКАЯ МОСКВА

3-ье изд., доволн. Цена 1 р. 10 к.

АНДРЭ ЗИГФРИД

АНГЛИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Перевод с французского. 2 руб. 50 коп.

Политические тенденции Англии с начала войны.—Экономический кризис.—Факторы британского процветания.—Проблема населения и устойчивости положения Великобритании в современном мире.—Эволюция политических учреждений.—Политические партии.—Общественное мнение Англии и Франции.

Книга принадлежит перу наблюдательного и хорошо осведомленного француза. Она пронизана духом французского национализма и взгляды автора во многом отражают в себе буржуазные течения. Тем интереснее книга для каждого, желающего знать не только фактическую сторону эволюции Англии за последнее десятилетие, но также и то как оценивают современное положение Англии на континенте ее союзники и соперники.

КАРТХИЛЬ, А.

ПОТЕРЯННАЯ ИМПЕРИЯ

Почему англичане потеряли Индию. Повесть английского администратора—1 р. 80 к.

ФОРСТЕР, Э.

ПОЕЗДКА В ИНДИЮ

История одного преступления

Роман, рисующий национализм антагонизм в современной Индии. 1 р. 50 к. Сенсационный успех этого английского романа, выдержавшего у себя на родине одно за другим несколько изданий, объясняется тем, что Форстер в ярких и пластических образах обрисовал некоторые весьма важные для англичан отношения в современной Индии. Пробуждение национального чувства и вудусах быстро ведет к обострению отношений с англичанами. Перед читателем романа проходит ярко очерченные фигуры обож миром. Развивающийся в недрах английского общества юфлаант ведет страны к катастрофе. Художественному произведению талантливого английского романиста принадлежит и глубокое политическое значение.

Книги высылаются наложенным платежом. Выписывающие на сумму не менее 2 рубля пересылку не платят. Стоимость книг может высылаться при заказе почт. марками.

ЦЕНА 3 РУБ.